

Министерство культуры и туризма Московской области
Администрация городского округа Истра Московской области
Управление культуры и туризма Администрации городского округа Истра
Московской области
Государственный музей истории российской литературы имени В. И. Даля
Государственный историко-художественный музей «Новый Иерусалим»
Ленино-Снегиревский военно-исторический музей
Московское краеведческое общество
Истринская центральная библиотека имени А. П. Чехова
(МУК «Истринская ЦБС»)

**ШЕСТЫЕ ВОСКРЕСЕНСКИЕ ЧТЕНИЯ
«БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ
В ИСТРИНСКОМ КРАЕ
В XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ.
ИСТОРИЯ. ДЕЯТЕЛИ.
УЧРЕЖДЕНИЯ И ОРГАНИЗАЦИИ»**

**Материалы
научно-практической конференции
9 декабря 2022 года**

Истра
2023

Ч 52 **Шестые Воскресенские чтения. «Благотворительность в Истринском крае в XVIII – начале XX веков. История. Деятели. Учреждения и организации».** 9 декабря 2022 г. / Истринская центральная библиотека имени А.П. Чехова (МУК «Истринская ЦБС»); под общ. ред. Т.В. Вартановой. – Истра; Коломенская типография, 2023. – 208 с.

Шестые Воскресенские чтения «Благотворительность в Истринском крае в XVIII–нач. XX вв. История. Деятели. Учреждения и организации» приурочены к 110-летию присвоения имени Антона Павловича Чехова Воскресенской библиотеке-читальне. Основная проблематика, раскрытая в статьях авторов, – благотворительность в Истринском крае. В сборнике рассказывается об истории российской благотворительности, представленной в документах, о династии торговцев и промышленников, жертвовавших средства на дела милосердия и благотворительности, о традиции благотворительности в России; представлены факты благотворительной деятельности А.П. Чехова. В научно-практической конференции Шестых Воскресенских чтений приняли участие краеведы, исследователи, сотрудники библиотек и музеев.

Составитель
О.П. Майзенберг
Общая редакция
Т.В. Вартанова
Редакторы
С.Ю. Олексюк
О.П. Майзенберг
М.В. Мосалев

ISBN 978-5-6043645-0-5

© Истринская центральная библиотека имени
А.П. Чехова (МУК «Истринская ЦБС»)
© Авторы статей

СОДЕРЖАНИЕ

Т.В. Вартанова	Вступление	
	Приветствия	
Э.Д. Орлов	Первые чеховские музеи в Москве: в поисках своего места на карте столицы	9
Т.Г. Невмержицкая	Врач, писатель, благотворитель – А.П. Чехов	21
И.В. Малых	О вспомоществовании всем истинно бедным...» (об Успенском церковно-приходском благотворительном братстве Таганрога и его членах)	26
Е.В. Николаева	«Надо тебе познакомиться с В.А. Морозовой. Это добрая женщина и относится к нам очень тепло и искренне (А.П. Чехов)»	33
Е.А. Шапочка	Из сердца – свет: благотворительная деятельность уроженца Таганрога А.П. Чехова	38
В.Б. Маслова	Благотворительное общество при Воскресенской земской лечебнице Звенигородского уезда	46
С.Ю. Мамаев	Павел Арсеньевич Архангельский – устроитель Воскресенской лечебницы	81
А.Ю. Лошаков	«Из Воскресенска...». Вехи жизни заштатного подмосковного города от эпохи Великих реформ до Первой мировой войны в материалах газеты «Московские ведомости»	94
А.П. Фернандес	Детские дома для испанских детей в Москве и Подмосковье	114
М.Г. Кирьянова	Благотворители Дараган и Кузнецовы в истории Московской области и Красноярского края	121
В.В. Зыбин, Н.А. Егорова	Московский предприниматель, общественный деятель и благотворитель Николай Тимофеевич Каштанов на родине и в эмиграции: восстановление имени и наследия	137

М.С. Федосеева	Благотворительная деятельность К.В. и Е. Н. Рукавишниковых (по материалам из фондов Музея Зеленограда)	150
О. С. Суржик	Низовые профсоюзные организации Московского региона 1920–30 гг. как альтернатива бюрократии в свете вызовов современности	154
Е. Н. Золотарева	Ивановская фабричная библиотека – один из благотворительных проектов С. М. Попова	162
Е. С. Казанцева, М. С. Казанцева	Скульптор Сергей Казанцев о расцвете русской литературы в XIX веке	175
Г. А. Аляева	«Всеми силами старались быть полезными...». (О кавалерственной даме ордена Святой Екатерины меньшего креста Александре Николаевне Стрекаловой и многогранной деятельности благотворительного Общества поощрения трудолюбия)	184
Л. Ю. Рожкова	Благотворитель Иван Дмитриевич Чикин и его роль в жизни Воскресенска	197
А. Н. Гольцев	Роль благотворителей в развитии просвещения в с. Павловском Звенигородского уезда	200
Список участников конференции		206

Вступительное слово

Татьяны Владимировны Вартановой,
*директора МУК «Истринская ЦБС»,
председателя Общественной палаты
городского округа Истра Московской области,
председателя Истринского отделения МКО*

Добрый день, уважаемые участники конференции!

Мы рады приветствовать всех собравшихся в Истринской центральной библиотеке имени Чехова на ежегодной краеведческой конференции Воскресенские чтения. Этим названием мы подчеркиваем неразрывную связь с историей нашего города, который до 1931 г. назывался Воскресенском, и историей самой библиотеки, открытой по инициативе Благотворительного общества при Воскресенской земской лечебнице.

19 сентября 1910 г. на общем собрании Благотворительного общества П. А. Архангельский, председатель Благотворительного общества и главный врач, предложил в честь 50-летия Чехова почтить память великого писателя учреждением в г. Воскресенске библиотеки его имени: «Память Чехова, близкая по своим интересам к земской, общественной и просветительной деятельности, найдёт в этом учреждении достойное увековечение». Был объявлен сбор средств, в котором участвовали известные люди, состоятельные граждане и самые простые жители.

1 января 1911 г. библиотека была открыта. Историческое название библиотеки – Воскресенская библиотека-читальня имени Антона Павловича Чехова. Через год после открытия, в январе 1912 г., решением Московского губернатора имя Чехова библиотеке было присвоено официально.

В 2022 г. мы отмечаем 110-летие присвоения имени великого русского писателя нашей библиотеке. Этому событию мы посвящаем Шестые Воскресенские чтения, тема которых «Благотворительность в Истринском крае в XVIII – нач. XX вв. История. Деятели. Учреждения и организации». Сегодня нас ждёт интереснейшая программа при поддержке наших постоянных партнёров (с 2017 г.). Это Государственный литературный музей (Государственный музей истории российской литературы имени В. И. Даля, Москва), Государственный историко-художественный музей «Новый Иерусалим» (Московская область) и Московское краеведческое общество, а также при участии Международного сообщества чеховских музеев и библиотек, в котором наша библиотека состоит с 2013 г.

Воскресенские чтения являются важным событием культурной жизни городского округа Истра и никогда не остаются без внимания администрации округа. Наши руководители всегда принимают личное участие в открытии Воскресенских чтений. Выражаю Главе городского округа Истра Татьяне Семеновне Витушевой благодарность за поддержку инициатив библиотеки, в том числе необходимое финансирование для издания Сборника материалов конференции, который пополняет краеведческий фонд библиотеки и способствует сохранению исторического и культурного наследия Истринского края.

Приветственное слово
Татьяны Ивановны Бикмухаметовой,
Первого заместителя
Главы городского округа Истра Московской области

Добрый день, дорогие друзья, уважаемые участники конференции!

Приветствую вас на ставшем уже традиционным мероприятии. В наше сложное время очень важно сохранять традиции русской культуры. В прошлом году администрация городского округа Истра получила запрос от населения на создание краеведческого музея в Истре.

Так получилось, что в Истре нет краеведческого музея, поэтому с этого года мы создаем отдел и будем заниматься краеведением, конечно, с вашей помощью. А у вас очень большие наработки! И действительно, материалы конференций – большая помощь в создании краеведческого музея. Ваша краеведческая информация будет полезна для наших детей, для наших школ, для того, чтобы наши дети знали историю и города, и Истринского городского округа, знали людей, как живших в Истре недолгое время, так и местных жителей, достойных внимания, чести и уважения.

Я желаю вам плодотворной работы, работы с удовольствием. И рассчитываю на помощь в создании материалов для краеведческого музея.

Приветственное слово
Владимира Фотиевича Козлова,
ведущего научного сотрудника –
руководителя Центра краеведения РНИИ
культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева,
председателя Московского краеведческого общества,
кандидата исторических наук, доцента

Здравствуйте, дорогие участники очередных Воскресенских чтений!

Я рад вас приветствовать на вашем замечательном форуме и от лица краеведов и сотрудников нашего Центра желаю вам хороших выступлений, хороших итогов и, как всегда, книг и материалов, ваших изданных докладов и выступлений.

Мы, сотрудники Центра краеведения, москвоведения и крымоведения, неоднократно бывали на ваших Чтениях и считаем, что эти Чтения – одни из самых ярких явлений в краеведческой жизни Подмосковья, а с 2017-го года это уже шестые Чтения.

Но самое отрадное то, что появляются и сборники этих Чтений, изданные в виде книг – замечательные сборники краеведческих Воскресенских чтений. Вы знаете, что далеко не каждая краеведческая организация, не каждый краеведческий музей с такой регулярностью издает вот такие замечательные книжки. И, конечно же, хотелось бы поблагодарить сотрудников библиотек, руководителей: директора библиотеки Татьяну Владимировну Вартанову, заведующую отделом краеведения и мемориальной деятельности Ольгу Ивановну Дудолодову, которые прилагают все усилия для того, чтобы эти Чтения состоялись и книги о них вышли.

Получается очень красивая картина: у вас прошло уже пять чтений, пять очень солидных конференций, и каждую из них вы посвящаете какому-либо очень важному направлению в краеведении. Есть Истринская земля, есть Литературное краеведение, Военная Истра – военное краеведение. Первая конференция была посвящена истории краеведения, а сегодня это благотворительное краеведение.

Истра – малый город Подмосковья, где уже сформировался очень важный подмосковный центр, где не только изучают историю своего края, но где вырабатывается методика военного, усадебного, церковного, литературного краеведения. Для нас это очень важно, ведь мы и сами являемся пропагандистами вашего исторического города. Для нас важно еще и то, что о вашем краеведческом Центре, о вашем филиале и отделении Московского

краеведческого общества знают все подмосковные краеведы, в первую очередь благодаря Ольге Ивановне Дудолодовой, которая регулярно приезжает и рассказывает, как действует отделение.

Мы ждем очередной сборник Воскресенских чтений, в котором представлена новая интереснейшая тема, связанная с благотворительностью в Истринском крае. Успехов вам, удачи и пожелания от всех краеведов Москвы и Подмосковья! Всех вам благ!

Приветственное слово
Анны Васильевны Антипенко,
генерального директора
Государственного историко-художественного музея
«Новый Иерусалим»

Уважаемые участники конференции! Поздравляю вас с открытием шестой научно-практической конференции «Воскресенские чтения», которые в этом году посвящены 110-летию присвоения имени А.П. Чехова Воскресенской библиотеке-читальне.

Музей «Новый Иерусалим» выступает постоянным партнером Чтений и разделяет миссию Истринской центральной библиотеки имени А.П. Чехова по сохранению исторической памяти и обеспечению обмена опытом специалистов. Мы благодарим организаторов конференции за ежегодные приглашения к сотрудничеству.

В знак благодарности мы передаем в дар библиотеке две книги, посвященные истории и коллекции музея, а сборники предыдущих заседаний уже пополнили библиотечный фонд нашего музея.

Выражаю надежду на продолжение плодотворного сотрудничества и желаю удачной конференции!

Э.Д. Орлов

*(Государственный музей истории российской литературы
имени В.И. Даля, Москва)*

ПЕРВЫЕ МУЗЕИ А.П. ЧЕХОВА В МОСКВЕ: СОБЫТИЯ И ЛИЦА

Еще весной 1912 г. в Москве по инициативе сотрудника редакции журнала «Русская мысль» В.В. Каллаша появился чеховский протомузей – Чеховская комната при библиотеке Румянцевского и Публичного музеев, – куда он сам и родственники А.П. Чехова передали материалы, положившие начало московской чеховской коллекции.

Но помимо коллекции необходимо и помещение, где можно было бы эту коллекцию предъявить *urbi et orbi*. За неимением помещений материалы Чеховской комнаты сначала разместили вместе с материалами Комнаты людей 40-х гг., то есть А.И. Герцена и Н.П. Огарёва, в Доме Пашкова и лишь к 1914 г. перевели в отдельное помещение, где они (в основном своем составе), вероятно, и находились до 1935 г.

«Это совпадало с началом осуществления мысли, которая явилась у инициаторов Чеховского музея и администрации Румянцевского музея с первых дней существования нового учреждения: расширить его рамки и организовать “Музей Чехова и его эпохи”. Война помешала широкому осуществлению задуманного, но простые основы для этого все же были заложены»¹, – отмечала в подготовленном в 1924 г., но не вышедшем в свет очерке главный библиотекарь Государственной публичной библиотеки СССР имени В.И. Ленина Е.Н. Коншина. В любом случае это была лишь одна из «Литературных комнат», служившая в большей степени хранилищем, нежели экспозиционным пространством.

Трудно сказать определённо, как и когда у М.П. Чеховой возникла идея создания отдельного, обособленного музея А.П. Чехова в Москве. Многие подробности, обсуждавшиеся лично, так и остались между участниками этих разговоров. Нет конкретики и в поздних воспоминаниях М.П. Чеховой «Из дальних лет». Это с сожалением отмечала ещё в 1960-е годы Е.Н. Коншина в своих заметках о разобранном ею ялтинском архиве сестры писателя,

¹ ОР РГБ. Ф. 619. К. 11. Ед. хр. 1. Л. 29 об.

поступившем в Государственную библиотеку СССР имени В.И. Ленина: «Жаль, что воспоминания кончаются 1904 годом, как было бы интересно, если бы М.П. рассказала именно то, что неизвестно, как она пришла к организации дома-музея в Ялте, к своей работе по литературному и эпистолярному наследию Чехова, к созданию московского музея Чехова».

Достоверно известно, что в 1918 году часть чеховского архива, что хранился в сейфе № 315 Банкирской конторы братьев Джмагаровых и принадлежал М.П. Чеховой, был передан в Литературно-художественный отдел Наркомпроса (ЛИТО) и затем оказался в Центроархиве. Известно также, что кооперативная квартира № 18 в доме на Долгоруковской, 29 также была национализирована. Большую часть предметов удалось временно разместить у Книпперов. Но часть из них всё же пропала.

В поисках нового пристанища для вещей летом 1921 года М.П. Чехова приезжает в Москву после значительного перерыва и вместе с наркомом просвещения А.В. Луначарским подыскивает новое помещение². Во время этого общения или позднее созревает мысль о музее как спасительном приюте собственных вещей и чеховских материалов – остаётся неизвестным.

В июле 1921 года Е.Н. Коншина предпринимает попытку получить хранившийся в семье чеховский архив для Румянцевского музея, для Чеховской комнаты. Она приступает к этому деликатному вопросу неоднократно, оттачивая формулировки и подбирая аргументы (об этом можно судить по сохранившимся черновикам письма). Обладание чеховским архивом при этом является необходимым условием для начала полноценной издательской работы, подготовки комментированного собрания сочинений, которое родственники писателя не в силах были осуществить. Потому с такой настойчивостью она просит М.П. Чехову 4 (17) июля 1921 года: «Позвольте мне просить Вас назначить мне как-нибудь время, когда я могла бы повидать Вас и поговорить о деле, о котором я вскользь упомянула в Новодевичьем монастыре.

Вопрос о том, не согласитесь ли Вы предпринять новое издание полного собрания сочинений Антона Павловича Чехова, – издание научное, критическое, со сводом, по возможности, всех вариантов его произведений. Оно необходимо для возможности вообще научно работать над творчеством А.П. Чехова. Что такое издание было бы очень показательно и богато материалами, я ручаюсь, потому что вот уже в течение года я занята собиранием вариантов по первоизданиям, – по журналам и газетам, в которых впервые появлялись эти произведения. Если Вас заинтересует моя мысль, я с удовольствием покажу Вам все результаты своей работы.

² Чехова М.П. Из далекого прошлого. М., 1960. С. 259.

Не откажите мне во всяком случае в свидании с Вами и поверьте, что я прекрасно знаю свои силы и вовсе не претендую быть главным редактором этого издания. Я хочу только работать в нем, потому что сознаю одно: такую кропотливую работу, как собирание мелких вариантов, может делать человек, только глубоко любящий дело. А произведения Антона Павловича я люблю глубоко. И произведения, и его самого, поскольку я его знаю по ним и по письмам.

Знаю ещё одно, что необходима настоящая научная работа о Чехове. И мечтаю все силы и знания свои приложить для совершения такой работы. <...> Давно уж я мечтала о работе о Чехове и всю программу моих магистерских экзаменов строила с этим расчётом. Сейчас вопрос об экзаменах отпал по целому ряду причин. Но писать о Чехове хочу по-прежнему. Первая же попытка работать над Марковским изданием показала его непригодность, тогда вот возникла мысль о новом издании. Через 3 года будет 20 лет со дня смерти Антона Павловича, и мне казалось, что издание было бы как нельзя более кстати. Оно может быть закончено к 1929 году, к 25-летию, пот[ому] что ведь это очень большая работа. – Но во всяком случае без Вашего разрешения (и внутренне без Вашего благословения) я не считала себя вправе говорить об этом кому бы то ни было. <...>

Кроме всяких дел, мне бы так хотелось просто познакомиться с Вами. По письмам Антона Павловича и рассказам Ольги Леонардовны я давно знаю и люблю Вас»³.

Кажется, увещевания и мольбы возымели силу, и 2 августа 1921 М.П. Чехова приходит в Румянцевский музей.

«Был в Музее, – записывает в дневнике Н.М. Мендельсон. – Там меня ждало интересное, но хлопотливое дело. М.П. Чехова желает передать рукописи брата и разные реликвии, к нему относящиеся, Рум. Музею, где уже есть (в моем заведовании как раз) комната имени А.П. Чехова. Все вещи хранились в ее квартире, в кооперат[ивном] доме на Долгоруковской. Во время её долгого отсутствия из Москвы в квартире бывали обыски, реквизиции, уплотнения, выселения и прочия по советскому штату полагающиеся прелести. Многое погибло, остальное, в конце концов, попало в Лито. Лито вещей не отдаёт без разрешения Покровского. Этот идиот тянет и мямлит. М.П. рвет и мечет, плачет, нервничает. Были мы с Е.Н. Коншиной, моей помощницей, у Дегтярёва⁴, секретаря Покровского⁵. Обещал, что на этой неделе вопрос будет

³ ОР РГБ. Ф.619, к.18, ед.хр. 29. Л. 3–4 об.

⁴ Дегтярёв Сергей Васильевич

⁵ Покровский Михаил Николаевич (1868–1932), историк, зам. Наркома просвещения, зав. Центроархивом (Адорацкий В.В., его зам).

разрешен благоприятно. Я был у М. П. вечером. Постарела за те десять лет, что я её не видел, очень, а со времени нашей совместной службы в гимназии Ржевской – ещё того больше. Плаксива и донельзя говорлива. Живёт пока у артиста Худ. театра Чехова, своего племянника. Маленькая подробность из описания одного нашествия советских агентов на квартиру М. П. Швыряют на пол клише фотографий Ант. Павлов. Старая прислуга старается остановить и объясняет, чьи портреты печатались на этих клише. Тогда хамы стали топтать клише, приговаривая: “У, буржуй! Мордой своей торговал!” Бедный Чехов, мечтавший о светлой, счастливой, изящной жизни... Правда, он назначил долгий срок для её наступления»⁶.

Однако окончательное решение не принято. Рукописи рукописями, а мебель хранить негде. Мария Павловна медлит. Потому в письме от 4 сентября 1921 года – уже более аргументированно и настойчиво – повторяется просьба Е. Н. Коншиной о передаче архива: «Мы не настолько богаты, чтобы иметь возможность позволять себе роскошь многочисленных и разнообразных изданий писателей: популярных, избранных сочинений и полных собраний. Мы можем предпринимать только одно издание. Мы, т.е. русские в настоящих условиях. Вот почему надо принять меры, чтобы это единственное в наших силах находящееся издание было хорошим и удовлетворяло потребностям не только сытых людей, берущихся за беллетристическое произведение для послеобеденного развлечения, но и лиц, желающих научно работать или просто отдавать себе ясный отчет в прочитанном. Марксовское, а следовательно и наркомпросское издание Чехова для этого совершенно не подходят. И их нельзя оправдывать даже тем, что сам Антон Павлович многих произведений не помещал в собрание, что он располагал их не в хронологическом порядке. <...>

Кроме издания полного собрания сочинений Чехова меня манит написать и книгу о Чехове, написать тот самый “рассказ о молодом человеке”. Но для того, чтобы сделать это, нужно уже иметь под руками критическое собрание сочинений писателя. В этой книге мне хочется рассказать не только внутреннюю жизнь его, но и рост его как художника. Это требует большой научной подготовки, и я много работала и работаю в этом направлении. О Чехове есть тысяча книг и статей, из кот. лишь десятков наберется дельных научных разборов, остальное – дилетантские размышления. Русская наука мало-помалу выходит из этого дилетантизма, и мне, которая любит науку и искусство больше всего на свете, хочется положить хоть один камешек в здании её. Вот видите, дорогая Мария Павловна, что манит меня в жизни. Теперь Вам понятна и моя любовь к А.П., и мои цели и пути?

⁶ ОР РГБ. Ф. 165 (Мендельсон), к. 1., ед. хр. 8. Л. 19–19 об.

Понимаете ли Вы также, почему я так уговаривала Вас отдать рукописи А.П. в Румянцевский музей или по крайней мере положить их там? Не скрою от Вас, что я вовсе не покойна за них, пока они у Книпперов. Если их вынули один раз из шкафа, чтобы положить туда муку, то что помешает повторить этот маневр? Ключа не будет? Но ведь Вы сами говорите – ключ простой. Мне плакать хочется, когда подумаю, что материалы этого чеховского «памятника» подвергаются такой опасности. Я не смею советовать Вам и потому молчу.

Молчу еще и потому, что боюсь, как бы Вы не подумали, что, убеждая Вас передать рукописи в музей, я хлопочу больше всего о богатствах и приобретениях музея Румянцева, и мож[ет] б[ыть] о личных удобствах, пот[ому] что пожертвованные Вами рукописи могли бы быть доступны и мне для работы. Я боюсь Вашего недоверчивого отношения к людям, Мария Павловна. Правда, Вам пришлось вынести так много, что это недоверие легко объясняется, но – мне от этого не легче, и я не могу побороть своего страха. Сколько раз я шла к Вам с намерением умолить Вас передать на хранение все бумаги хоть так, как это сделала Ольга Леонардовна, но – приходила и молчала. Мне хотелось Вам сказать, что у Вас огромная ответственность перед всеми русскими людьми, потому что Вы храните духовное наследие одного из значительнейших людей, что это наследие, в виде его автографов и писем к нему, национальное достояние, потому что в одних он высказывался сам, в других рисовался фон, на кот[ором] он жил. Вы даете охранную грамоту Аде⁷, а она больна так, что за нее страшно. Ну, подумайте только, что будет, если её не станет? Кому останется охрана чеховского архива? – её матери? Вы сами говорили не раз, как мало в ней сознания значительности и ценности этих бумаг. Нельзя такие вещи поручать частному лицу, нельзя особенно в наше полное всяких неожиданностей время. Подобные богатства надо хранить в специальных местах – и если говорить о Москве, то это Рум[янцевский] Музей»⁸.

Но, несмотря на убедительность аргументов Е. Н. Коншиной, в итоге М. П. Чехова в Чеховскую комнату Румянцева музея ничего не передала.

А в сентябре 1921 г. из Ялты в Москву вслед за первой женой переехал журналист и юрист по образованию, Е. Э. Лейтнекер, который неоднократно встречался с И. П. и М. П. Чеховыми в Ялте, работал вместе с С. В. Чеховой. Именно ему, увлеченному, благодаря этим встречам на чеховской Белой даче, личностью писателя и идеей создания его музея в Москве, и предстояло

⁷ Аде Константиновне Книппер (1895–1985), племяннице О. Л. Книппер-Чеховой.

⁸ РГАЛИ. Ф. 2540. Оп. 1. Ед. хр. 334. Л. 4–7 об (черновик карандашом – ОР РГБ Ф. 619. К. 18. Ед. хр. 29. Л. 5–5 об.).

сыграть существенную роль в становлении музея, собирании его коллекции и определении принципов его развития.

Именно он 17 октября 1921 г. подал в Главное управление по делам музеев и охране памятников искусств, старины, народного быта и природы (Главмузей, в дальнейшем – Музейный отдел Наркопроса) докладную записку об организации Московского государственного музея имени А. П. Чехова⁹, именно он – вначале хранитель музея и заместитель заведующего¹⁰ – менее чем через год стал его полноправным руководителем. Именно его имя будут тщательно вымарывать из истории чеховских музеев наследники писателя, для которых он на самом деле сделал немало.

Е. Э. Лейтнеккер, как и другие создатели первых литературных музеев в России, в числе которых основатель Центрального музея художественной литературы, критики и публицистики, а затем директор Государственного литературного музея В. Д. Бонч-Бруевич, в первую очередь рассматривал музей не как собрание вещей в мемориальном здании, а как хранилище архива человека пишущего с целью дальнейшего его изучения и публикации, как научный институт, как библиотеку.

Лейтнеккер ставил целью «только научно устраивать музей и только научно печатать его труды»¹¹, о чем он писал М. П. Чеховой в 1923 г.¹² «Мощность этого архива, сконцентрированность (вместе с библиотекой) всех материалов об А. П. в одном месте, несомненно, повлияет на интенсивность и характер исследовательской работы о Чехове, а также поможет придать максимальную художественную правду всему тому, что будет целостно собрано в музее, – отмечал Лейтнеккер в 1922 г. – ...Музей должен выявить во всей цельности самые незаметные лабораторные

условия творчества писателя, исследовать ход его в целом, вскрывая при этом частности...»¹³

Московский государственный музей имени А. П. Чехова, несмотря на собранную уникальную коллекцию мемориальных предметов и обладание внушительной частью чеховского архива, долгое время не имел даже отдельного помещения. В 1922 г. музею выделили три комнаты в здании на Пречистенке, 21, в Музее новой западной живописи (при этом рукописи хранились в архиве дружественного Толстовского музея, структура и план работы которого были приняты за образец).

В докладе о работе и нуждах Музея А. П. Чехова и его эпохи от 25 декабря 1922 г. Е. Э. Лейтнеккер отмечал: «Музею предоставлены три большие комнаты площадью около 400 квадр. арш[ин]. Две из них отведены для экспозиции, одна (¼ часть всей площади) занята библиотекой, архивом и канцелярией. Иконографическая коллекция... насчитывает свыше 600 объектов. Библиотека, специально по Чехову... насчитывает до 250 томов. Архив газетных вырезок и разной библиографии помещается в нескольких коробках и требует детального разбора. Этот материал получен от М. П. Чеховой, О. Л. Книппер-Чеховой, Ю. В. Соболева, Н. Д. Телешева.

Ядром музея является личный архив А. П. Чехова и материалы, собранные М. П. Чеховой и О. Л. Книппер-Чеховой...»¹⁴

Здесь же была представлена первая экспозиция, о которой вспоминала легендарная сотрудница музея К. М. Виноградова: «Первая экспозиция Чеховского музея ... была по существу показом уникальных материалов архива писателя, ставших собственностью советского государства.

В Музее Чехова были представлены портреты писателя и его семьи, оригинальные фотографии, подлинные рукописи и документы из личного архива писателя, редкие издания произведений А. П. Чехова. Материал был расположен по хронологическому принципу, соответственно основным этапам жизни Чехова.

Эта экспозиция, несмотря на всю ее методическую примитивность, привлекла большое внимание советских читателей и советской общественности, которые горячо поддерживали первые шаги музея»¹⁵.

Но, несмотря на уже сложившуюся экспозицию, в октябре 1923 г. Музейный отдел Наркопроса принял решение о переводе Музея имени

⁹ От этого события, т. е. от 17 октября 1921 г., нужно вести отсчет не только деятельности Московского государственного музея имени А. П. Чехова, но и нынешнего Государственного музея истории российской литературы имени В. И. Даля, унаследовавшего большую часть собранной этим музеем коллекции. Неслучайно первые сотрудники Гослитмузея (как, например, К. М. Виноградова) в своих трудах по истории музея называли именно 1921-й годом начала существования этого музея, музея истории литературы. В отличие от Чеховской комнаты, это был первый юридически обособленный музей, фонды которого непростым путем, но все-таки попали в нынешний ГМИРЛИ имени В. И. Даля.

¹⁰ Заведующей Московским государственным музеем имени А. П. Чехова до 1 июня 1922 г. формально считалась М. П. Чехова.

¹¹ ОР РГБ. Ф. 331. к. 92. Ед. хр. 67.

¹² К этому времени в музей были переданы многие фотографии, письма Чехова и его адресатов, рукописи, документы. В последующие годы коллекция пополнилась многими материалами из архивов и личных библиотек не только родственников писателя, но и современников Чехова: – Н. Д. Телешева, В. В. Вересаева, Г. И. Россолимо, Ф. О. Шехтеля и др.

¹³ Лейтнеккер Е. Музей А. П. Чехова в Москве // Вестник Просвещения. 1922. № 1. С. 22–24.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 3. Ед. хр. 235. Л. 49–49 об.

¹⁵ Виноградова К. М. Государственный литературный музей (1921–1960) [1961] // ОРФ ГЛМ. Ф. 536. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 5.

А. П. Чехова в бывший юсуповский дворец, где к тому времени уже располагались Военно-исторический музей и хранилище Наркомпроса. 25 октября в Военно-исторический музей была направлена записка о командировании К. М. Виноградовой «для осмотра 6 комнат, предназначенных для размещения музея Чехова (ныне занятая часть т. Пересветом и часть Военно-исторического музея)»¹⁶. В это время заведующий музеем Е. Э. Лейтнеккер находился в отпуске в Крыму и просил о продлении отпуска по болезни и приостановке переезда Чеховского музея до его возвращения¹⁷.

24 ноября 1923 г. после личного осмотра предложенных музеем помещений Лейтнеккер писал в Музейный отдел Наркомпроса: «Предоставляемые во дворце б. Юсупова три (3) комнаты для размещения Государственного музея имени А. П. Чехова в Москве... не могут быть использованы, т.к. совершенно не соответствуют указанному назначению:

1) помещение по площади равняется половине того, какое занималось Музеем Чехова в здании Музея Западной живописи. Между тем, как не трудно было убедиться, и последнее было далеко не достаточно, в виду того, что громадная часть материалов, очень существенных, не была экспонирована. Музей, н[а]пр[имер], еще не выставлял исключительно ценной коллекции автографов современников А. П. Чехова.

2) Само помещение, стены которого обиты английским ситцем и пр., требует специального приспособления для нужд историко-литературного музея и неизбежного ремонта (после снятия ситца), каковое обстоятельство должно было бы быть детально обследовано.

3) Чеховский музей, размещенный в 3-м этаже, за вторыми воротами в усадьбе б. Юсуповых, в районе и в условиях совершенно не соответствующих его характеру, будет обречен на вымирание и лишится той живой среды, в которой он, в течение года, успел вырасти и в смысле количества научно-художественного инвентаря, и в смысле проработки последнего.

Не имея права принимать на себя юридической и моральной ответственности за явное искажение творческой линии Музея, какое произойдет, если бы музей известного русского писателя был водворен в будuarные помещения, принадлежавшие кн. Юсуповой, ходатайствую о назначении комиссии, которая обследовала бы этот вопрос на месте.

Вместе с тем довожу до сведения Музейного отдела, что имею возбужденное ходатайство пред Всероссийским Союзом писателей о предоставлении помещения в доме б. Герцена (Тверской б, 25), принадлежащем Союзу. Это

ходатайство должно было рассматриваться в заседании, состоявшемся 22 [сего] ноября, или будет рассмотрено в ближайшем заседании Совета Союза.

Есть надежда, что музей встретит сочувствие в писательской организации, как это показали переговоры с председателем Союза и с некоторыми членами Совета.

Нахождение музея в фактической и непосредственной близости к писательскому центру будет естественно способствовать его росту и процветанию. Последнему обстоятельству будет еще содействовать и возможная работа самого союза в направлении создания вслед за Чеховским отделом во временной последовательности отделов послечеховского периода русской литературы»¹⁸. Но надежды Е. Э. Лейтнеккера не оправдались.

9 января 1924 г., благодаря за присланные музеем деньги, которые в основном были израсходованы на оформление экспонатов и витрин, Е. Э. Лейтнеккер делился с О. Л. Книппер-Чеховой планами развития музея и некоторыми итогами его работы: «Вас не должен пугать наш переход в новое помещение. Мне не впервые приходится испытывать эти тернии, и некоторые странствования при организации учреждений, подобных нашему Музею, неизбежны. Будем иметь 5 комнат, а в будущем году, может быть, судьба пошлет нам все 10. Но и того помещения, которое нам дают, нам недостаточно. Так или иначе дело растет, материалы прибывают, и нас не только не упразднили... а принципиально признали необходимым увеличить штат Музея вдвое... Музей им. Чехова с течением времени будет писательским музеем целой эпохи»¹⁹.

А 6 февраля 1924 г. Е. Э. Лейтнеккер сообщал М. П. Чеховой: «Музей переехал в Трехсвятительский тупик, у Красных ворот, в крыло бывш. Юсуповского дворца (теперь там Военно-Истор[ический] музей). Быть может, удастся устроить выставку, посв[ященную] А. П. Чехову, его современникам и позднейшему времени. Хлопочем. Музей пока закрыт, т.к. помещение требует кое-какого ремонта и приспособления»²⁰.

18 февраля М. П. Чехова отвечала: «Спасибо Вам за письмо, за извещение о Чеховск[ом] музее. Однако, как далеко Вас перевели! На другой конец Москвы! Трудненько же Вам будет совершать ежедневно такие длинные концы! Как-то это не вяжется – Военно-Истор[ический] музей и Чехов. Все-таки поздравляю с новосельем и от души желаю всякого благополучия всем служащим и музею. Хорошее ли помещение? Больше прежнего?»²¹

¹⁶ ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 3. Ед. хр. 235. Л. 20.

¹⁷ Там же. Л. 16.

¹⁸ Там же. Л. 14–14 об.

¹⁹ Музей МХАТ. К.-Ч. № 3347/1. Л. 2–2 об., 5 об.

²⁰ ОР РГБ. Ф. 331. к. 92. Ед. хр. 67. Л. 30.

²¹ ОР ИМЛИ РАН. Ф. 646 (фонд в обработке).

Судя по письму Е. Э. Лейтнекера к Н. Д. Телешову от 21 февраля 1924 г., музею были в итоге предоставлены пять комнат, которые, однако, требовали ремонта и приспособления: «Помещение приводится (решительно) в порядок: содраны со стен ситцы, вынесены ванны ..., освобождены от чужих вещей все 5 комнат. Днем очень светло, т.к. 3 комнаты выходят на юг. Думаю, что со временем нам отдадут весь верхний этаж. Настроение стало более бодрим. Думаю, что музей может пока остаться и у Красных ворот, но очень существенно устроить чеховскую выставку, конечно, в другом помещении. В этом направлении мы чуточку работаем»²².

Уже на 11 мая членам Общества А. П. Чехова и его эпохи и дарителям был назначен показ новой экспозиции, которую нельзя было просто перенести с Пречистенки: слишком отличались выделенные помещения, да и фонд музея уже значительно пополнился бесценными материалами, полученными из Центрархива: «Музей имени А. П. Чехова кончает в новом помещении черновую развеску экспонатов, раскладку документов и пр. Работа осложняется тем обстоятельством, что в новом помещении совершенно иные масштабы экспозиции, тона стен и пр. Приходится зачастую производить перегруппировку материалов.

В воскресенье 11 мая Музей приглашает своих ближайших друзей – жертвователей, вкладчиков и сотрудников – для отзыва о произведенной черновой развеске.

После 11 мая начнется окончательная фиксация материалов и этикетировка их. Этикетки, количеством не менее 500, разных форматов и разного содержания должны быть переписаны на цветной бумаге применительно к тонам стен. Эти обстоятельства говорят о том, что музей может быть открыт для обозрения в первой половине июня. К сожалению, ремонт помещения был относ[ительно] окончен в конце марта и только в апреле музей мог приступить к развеске.

В середине июля к исполняющемуся 20-летию смерти А. П. Чехова Музей совместно с Чеховским Обществом готовится к открытому торжественному собранию» – так 3 мая 1924 г. Е. Э. Лейтнекер извещал Отдел по делам музеев²³.

«В новом помещении, из которого пришлось выносить юсуповские ванны, уборные, умывальники и пр., теперь приведенном в уютный и приемлемый для глаза вид, – мы обрели новый клад. Сосед наш – Военно-Истор. музей – предоставил Чех. музею 14 прекрасных застекленных витрин-столов, к которым мы сейчас сделали ключи. Витрины имеют очень цельный и приятный вид, придали музею более серьезный и компактный вид, т.к. под стеклом

размещены все документы А. П. и пр. Кроме этих 14, пока чужих, витрин, мы имеем 10 своих, разных размеров, из которых 4 купили осенью»²⁴, – сообщал Е. Э. Лейтнекер М. П. Чеховой в мае – июне 1924 г.

Новая экспозиция в юсуповском дворце позволила представить в одном из залов поступившие в фонды музея материалы о писателях – современниках А. П. Чехова. Важно, что с самого начала этот музей мыслился как музей Чехова и его эпохи (Лейтнекер в одной из статей отмечал, что «музей направил свою исследовательскую и экспозиционную энергию в сторону отражения целой литературной эпохи – эпохи сверстников и современников А. П. Чехова»²⁵), и даже шире – как музей, в котором нашла бы отражение «литература послечеховского периода, новейшая литература»²⁶.

«Музей меньше всего ставил и ставит своею целью культивирование в своих стенах личности кого бы то ни было. Масштаб эпохи – та социологическая мера, с которой музей подойдет к личности самого Чехова и его современников, а также к анализу их творческих осуществлений»²⁷, – отмечал Е. Э. Лейтнекер в статье, посвященной новой экспозиции, которая была опубликована в журнале «Красная нива». В качестве иллюстраций к ней были использованы фотографии залов, которые (вместе с негативами) отложились в итоге в фондах ГМИРЛИ имени В. И. Даля и дают представление не только о составе предметов и экспозиционных приемах, но и о пространстве выделенных музеем комнат (ил. 1–3).

Впрочем, самостоятельное существование музея длилось недолго. В октябре 1925 г. чеховский музей стал отделом Публичной библиотеки имени В. И. Ленина, а его фонды к началу 1926 г. были перевезены в помещения бывшей Картинной галереи Румянцевского музея в Староваганьковский переулок, 18²⁸ (но не объединены с Чеховской комнатой; немногим позднее произойдет размен – рукописные материалы из музея будут переданы в Чеховскую комнату как часть Отделения рукописей, а личные вещи писателя и часть иконографии из Чеховской комнаты отойдут музею).

8 ноября 1927 г. только в одной комнате была открыта новая экспозиция, которая со временем заняла уже три зала. В 1928 г. в помещениях чеховского музея была организована первая в СССР выставка-музей Максима Горького,

²² РГАЛИ. Ф. 499. Оп. 2. Ед. хр. 8. Л. 5–5 об.

²³ ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 3. Ед. хр. 235. Л. 1.

²⁴ ОР РГБ. Ф. 331. К.92. Ед.хр.67. Л.32.

²⁵ Лейтнекер Е. Э. Чеховский музей // Известия. 1923. 21 дек. (№ 292). С. 5.

²⁶ Там же.

²⁷ Лейтнекер Е. Э. В музее имени А. П. Чехова // Красная нива. 1924. № 28. С. 680.

²⁸ Решение о перемещении предметов в библиотеку согласно постановлению Главнауки от 7 марта 1925 г. «О перегруппировке музеев» было принято в марте 1925 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 402. Д. 4. Л. 239–240).

которую писатель посетил в июне того же года. А в 1929 г. к этим экспозициям прибавилась и выставка, посвященная В.Г. Короленко.

Стало ясно, что музей и его собрание все дальше уходят от исключительно чеховской тематики. Поэтому 1 ноября 1929 г. при Публичной библиотеке СССР имени В.И. Ленина был создан Литературный музей, которым до 1 декабря 1932 г. руководил Е.Э. Лейтнеккер. А 16 июля 1934 г. собрание этого музея было объединено с коллекцией ликвидированного Центрального музея художественной литературы, критики и публицистики, дав начало новой институции – Государственному литературному музею.

Уже к концу 1930-х гг. этот музей стал хранителем обширной коллекции: 3 000 000 листов рукописей, 130 000 томов книг, 100 000 фотографий и произведений изобразительного искусства, позволяющих изучать, издавать и экспонировать как материалы по истории литературы прошлых столетий, так и анализировать современный литературный процесс.

Литература

1. Век служения литературе: альбом к 100-летию Государственного музея истории российской литературы имени В.И. Даля / авт.-сост. Э.Д. Орлов. М.: ГМИРЛИ имени В.И. Даля, 2021. С. 10–20.
2. Иванова Н.Ф. Несколько страниц из истории чеховских музеев // Альманах «Мелихово». М.: Мелихово, 2008. С. 9–41.
3. Лейтнеккер Е. В музее имени А.П. Чехова // Красная нива. 1924. № 28. С. 680.
4. Лейтнеккер Е. Музей А.П. Чехова в Москве // Вестник Просвещения. 1922. № 1. С. 22–24.
5. Лейтнеккер Е. Чеховский музей // Известия. 1923. 21 дек. (№ 292). С. 5.
6. Орлов Э.Д. От Чеховской комнаты до Государственного литературного музея: страницы истории ГМИРЛИ имени В.И. Даля // «Учителя, ученики, коллеги...». Сб. статей к 60-летию Дмитрия Петровича Бака. М.: РГГУ, 2021. С. 642–650.
7. Соболев Ю.В. А.П. Чехов. Литературные экскурсии. М., 1924.
8. Чехова М.П. Из далекого прошлого. М., 1960.

Архивные источники

1. ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 3. Ед. хр. 235.
2. Музей МХАТ. К.-Ч. № 3347/1.
3. ОПИ ГИМ. Ф. 402. Д. 4.
4. ОР ИМЛИ РАН. Ф. 646 (фонд в обработке).
5. ОР РГБ. Ф. 331. к. 92. Ед. хр. 67; Ф. 619. к. 11. Ед. хр. 1.
6. ОР РГБ. Ф. 619. к. 11. Ед. хр. 1.
7. ОР РГБ. Ф. 619. К.18. Ед. хр. 29.
8. ОРФ ГЛМ. Ф. 536. Оп. 1. Ед. хр. 3.
9. РГАЛИ. Ф. 499. Оп. 2. Ед. хр. 8.
10. РГАЛИ. Ф.2540. Оп.1. Ед. хр. 334.

Т.Г. Невмержицкая

ВРАЧ, ПИСАТЕЛЬ, БЛАГОТВОРИТЕЛЬ – А. П. ЧЕХОВ

В данной статье исследованы малоизвестные широкой публике факты из жизни А.П. Чехова и его знакомства с удивительной семьей Иловайских – Степаном Павловичем и Капитолиной Михайловной. На основе уникальных архивных материалов освещен ялтинский период жизни писателя на их даче «Омюр», представлена и существенно дополнена история знакомства Чехова с благотворительной деятельностью Ялты и удивительными людьми, проживающими в этом городе, с которыми был знаком А.П. Чехов.

«Благотворительность – проявление сострадания к ближнему и нравственная обязанность имущего спешить на помощь неимущему...» (значение слова «благотворительность» в энциклопедии Брокгауза и Эфрона, хранящегося у А.П. Чехова).

Кажется, мы все знаем об Антоне Павловиче Чехове и мы прочитали все его произведения: его письма, письма его друзей, близких, а также критиков, издателей, навязчивых поклонников... И все-таки интересные периоды в жизни писателя есть, как и недостаточно изученные. В данном исследовании нам хотелось бы подробнее рассказать о событиях тех шести месяцев, когда А.П. Чехов проживал в Ялте на даче «Омюр» у четы Иловайских – Степана Павловича и Капитолины Михайловны, с октября 1898 г. по апрель 1899 г.

Отметим, что А.П. Чехов приезжал в Крым несколько раз (1888 г., 1889 г., 1894 г., 1896 г.), но только в 1898 году у него произойдет встреча с Иловайскими, которые пригласят его остановиться у них, пожить на «Даче Жизни», ведь слово «*ömür*» в целой группе тюркских языков значит «жизнь». Однако, семья Иловайских уже была хорошо знакома писателю.

В 1892 году Чехов со своим издателем и другом Алексеем Сергеевичем Сувориным отправился в Воронежскую губернию на знаменитый конный завод собирать пожертвования для голодающих детей Саратовского края и Поволжья. Именно там Чехов близко знакомится с семьей Иловайских, глава которой, Степан Павлович (уже тогда статский советник), служил управляющим государственным Хреновским конным заводом, крупнейшим в России – «родиной орловского рысака» [1], а после стал вице-президентом Императорского Царскосельского скакового общества, шталмейстером Императорского

двора. Иловайские принадлежали к старинной донской фамилии, известной с конца XVII века. По мужской линии – все потомственные военные. Славный род Иловайских вообще оставил значительный след в истории государства Российского – только в пору войны 1812 года отличилось 12 представителей этого рода, шесть портретов украшают зал военной славы Зимнего дворца, а Иловайский 12-й (такое было его прозвище) принимал оставленную Наполеоном Москву [1]. Супруга Степана Иловайского – Капитолина Михайловна, также была непросто человеком – ее отец был генерал-майор М. М. Венедиктов, герой многих сражений, она приходилась племянницей поэту В. Г. Бенедиктову.

Так, спустя шесть лет после первого знакомства, в октябре 1898 года, Антон Павлович встречает в Ялте чету Иловайских и получает приглашение поселиться в прекрасном особняке в неоготическом стиле. Особняк расположился на улице Кирова (Аутская). Этот дом обращает на себя внимание и по сей день. Именно на даче «Омюр» начнется подлинный крымский период, если можно так выразиться – ялтинский отрезок жизни писателя.

Проект и постройку дома Иловайские заказывают К. Р. Овсяному, врачу по профессии и архитектору-любителю, но с опытом строительства. Приглашенный архитектор строит быстро, особняк выстроен за два года, с 1886 по 1888 год. Представьте, что в 1888 году в нём уже было предусмотрено электричество, канализация, водопровод, телефон и даже устроен свой генератор. Таким «удобным» дом встречает своего самого знаменитого жильца в 1898 году.

Период жизни Чехова на даче «Омюр» – один из самых насыщенных и плодотворных. Здесь за полгода Антон Павлович напишет блестящие рассказы «Душечка», «Случай из практики», «По делам службы», «Новая дача», переработает два своих ранних рассказа «Жилец» и «Акцизный», здесь у него возникнет замысел и наметятся пути реализации самого ялтинского рассказа «Дама с собачкой». В этих стенах он впервые подготовит более шестидесяти рассказов для главного литературного труда, труда всей жизни – своего первого собрания сочинений для издательства А. Ф. Маркса, с которым А. П. Чехов заключил договор именно здесь, на даче «Омюр».

Поселившись у Иловайской, Чехов сразу же включился и в общественную, и в благотворительную жизнь Ялты. Он был избран членом Попечительского совета женской гимназии, а в декабре 1898 г. становится действительным членом Всероссийского общества «Красного креста», председателем которого была княгиня М. В. Бярятинская. Он участвует в подготовке юбилейных пушкинских празднеств 1899 года, сотрудничает с ялтинской благотворительницей Ф. К. Татариновой, устраивающей концерты столичного

уровня в пользу неимущих и нуждающихся, помогает крымским школам и их воспитанникам, учителям [2; 3]. Например, после обращения к писателю священника П. Ундольского единственная школа в Мухалатке, что под Форосом, получает средства от писателя, что спасает ее от закрытия. Позже Чехов покупает и дарит книги, учебники и пособия другим школам, и этих примеров множество... В Доме-музее А. П. Чехова бережно хранится книжка «Каштанка» в карманном издании с дарственной надписью о. Сергию Шукину, переданная иерею в числе тех книжек, что предназначались детям школы при Аутском Успенском храме.

В конце 1898 г. в ялтинском «Крымском курьере» вышла статья о страшном голоде в российских губерниях, и писатель А. П. Чехов немедленно включается в процесс сбора пожертвований. И как раз отец Сергей Шукин, преподаватель церковноприходской школы в Аутке, одним из первых принес собранные учителями деньги на «Омюр». Знакомство скоро переросло в дружеское общение, Чехову был интересен народный учитель, он любил слушать Шукина, расспрашивал о школьных делах и смеялся над веселыми школьными байками. Многим позднее, в 1904 г., узнав о смерти Чехова, о. Сергием была отслужена панихида по великому писателю в Ялтинской гимназии.

Дружеское сотрудничество на почве благотворительности наладится у Чехова и с Варварой Константиновной Харкеевич, начальницей женской гимназии. В одном из писем драматург признается сестре Марии Павловне: «Мой приют – это женская гимназия...». В. К. Харкеевич, зная, что А. П. Чехов к образованию относится как к важному государственному делу, многому у него училась, например, тому, как организовать в единственной в городе женской гимназии сбор средств, как устроить благотворительный базар, чтобы построить новый гимназический корпус. А. П. Чехов всячески помогал делу. Своим участием он привлекал внимание к проблемам образования, и эти проблемы решались. Писателя обожали гимназистки и светские дамы, так называемые «антоновки». Последние иногда бывали навязчивы, но Чехов же терпеливо направлял энергию этого женского сообщества в русло благотворительности. В письме Владимиру Немировичу-Данченко писатель сообщает: «...Я, пожалуй, совсем поселюсь в Ялте. Здесь уже вовлекают меня в общественную жизнь. Назначен в женской гимназии членом попечительского совета. И теперь с важностью хожу по лестницам гимназии, и гимназистки в белых пелеринках делают мне реверанс».

«Проявление сострадания к ближнему...» – это определение из энциклопедии, сухой документ, но для А. П. Чехова – это его внутренний камертон, основа его личности, его естественное состояние. В судьбе Антона Павловича неслучайно переплелись две профессии – врача и писателя, он

самоотверженно служил и медицине, и литературе, и отдавал всего себя неразрывно связанной с ними благотворительности.

В записных книжках Антона Чехова есть определение, позволяющее как можно детальнее рассмотреть стержень его нравственных поступков: «Желание служить общему благу должно непременно быть потребностью души, условием личного счастья; если же оно проистекает не отсюда, а из теоретических или иных соображений, то оно не то» [3].

Сострадание, по Чехову, – это то, что проистекает из мозга врача и сердца писателя, это то, что требуется ялтинским туберкулезным больным, прозябающим в тяжелом положении, это то, что может дать им врач-писатель и благотворитель Чехов, сам страдающий недомоганием, кровохарканьем, понимающий неизбежность прогрессии туберкулезного процесса.

В письме к А. М. Горькому, с которым писателя также «познакомил» Омюр, Чехов пишет: «Мы решили строить санаторию, я сочинил воззвание; сочинил, ибо не нахожу другого средства». Воззвание Чехов переделывал несколько раз и взялся даже его рассылать, когда оно было опубликовано в столичных и провинциальных газетах. На призыв откликнулись и простые люди, и интеллигенция.

«Мы обращаемся к вам с просьбой пожертвовать в пользу неимущих больных [...] Борьба с туберкулезом, который вырывает из нашей среды столько близких, полезных, столько молодых, талантливых, есть общее дело всех истинно добрых русских людей...». Были скоро собраны деньги, на которые был устроен пансионат «Яузлар» на 20 коек, но больных было намного больше, и Чехов-врач продолжал звать на помощь, а Чехов-писатель посылал каждому жертвователю заполненную от руки квитанцию.

Наконец, в 1902 году Чехов пишет второе воззвание, ибо приезжающих больных в Ялте уже было больше, чем местных жителей. «Не нам, маленькой кучке ялтинских людей, удовлетворить огромную нужду едущих к нам со всех концов России больных людей [...] Они приезжают в Ялту как в последнюю инстанцию, где решается для них вопрос о жизни и смерти, – приезжают жалкие, одинокие, измученные [3]».

Люди откликнулись и на этот крик о помощи, он был услышан, и когда собрали сорок тысяч рублей, Антон Павлович добавил от себя пять тысяч и купил строение на окраине Ялты, где еще при жизни писателя начали устраивать санаторий. Со всех концов России приезжали лечиться в Крым туберкулезные больные, но многие из них не имели средств жить в частных лечебницах и пансионатах, и им помогал Антон Павлович. Часто, прибегая к языку А. С. Пушкина, «совершенно *апопте*».

В воспоминаниях редактора газеты «Крымский курьер» А. Я. Бесчинского есть тому подтверждение: «Мне лично точно известно, каким путем Чехов

подчас помогал больным «дешево устроиться». Он через меня оплачивал их квартиру или целиком вносил за них плату в приют хроников благотворительного общества, куда мне, по его поручению, случалось помещать больных».

А. П. Чехов всю свою жизнь спешил помочь людям. Где бы он ни жил, он всегда был щедр к другим: лечил, хотя сам был болен; платил, хотя сам нуждался в средствах. В фондах нашего музея хранятся копии писем М. В. Барятинской, написанные А. П. Чехову еще в 1898 г. в знак благодарности за пожертвованные книги библиотеке «Красного Креста» и присланные на имя писателя сюда, в Омюр: «Глубокоуважаемый Антон Павлович! Мои больные бесконечно благодарны Вам и чрезвычайно обрадованы Вашим подарком: большое счастье читать любимое произведение и знать, что книга подарена автором, именем которого гордится каждый русский...» Уникальные документы из личного альбома Ф. К. Татариновой проливают свет на общественную и благотворительную жизнь Ялты, в которой довелось возвращаться Чехову. Здесь его товарищами по заботам выступали, кроме вышеупомянутых, такие ялтинцы как П. П. Розанов, Л. В. Средин, Д. А. Усатов, Н. А. Барятинская, В. Е. Голубина, и мэтры искусства М. Петипа, К. С. Станиславский, Ц. Кюи, А. Спендиаров и В. Ребиков.

В 2022 г. к 110-летию присвоения имени А. П. Чехова Воскресенской библиотеке-читальне проводится научно-практическая конференция, и в заключение хочется пожелать исполнения чеховского предвидения, написанного им в далеком 1899-м: «...городская библиотека, как книгохранилище, должна занимать свое собственное, просторное, привлекательное для публики помещение, и должна быть уверенность при этом, что по мере надобности помещение библиотеки можно будет расширять [4]. Ведь при росте теперешней культурной жизни никто не может поручиться, что для библиотеки не понадобится через 25–40 лет пятиэтажное здание!».

Список использованной литературы и источников:

1. Корякин И. И. Степан Павлович Иловайский / И. И. Корякин. – Москва: Товарищество писателей, 1899. – 56 с.
2. Меве Е. Б. Медицина в творчестве и жизни А. П. Чехова / Е. Б. Меве. – Киев: Госмедиздат УССР, 1961. – 288 с., 2 л. схем., портр.
3. Ничипорук Н. Г. Я изучил Вас по письмам... / Н. Г. Ничипорук. – Симферополь: «Максима 2000», 2017. – 228 с.
4. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. / А. П. Чехов; редкол.: Н. Ф. Бельчиков (гл. ред.) [и др.]; АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – Москва: Наука, 1974–1983.

О ВСПОМОЩЕСТВОВАНИИ ВСЕМ ИСТИННО БЕДНЫМ

О благотворительной деятельности Антона Павловича Чехова написано много – о построенных им школах, помощи голодающим, борьбе с холерой... Об огромной заботе о родном городе... Но об этом расскажут коллеги-таганрожцы. Да, конечно, помощь ближнему была в натуре, в характере писателя. «Желание служить общему благу должно непременно быть потребностью души, условием личного счастья», – считал Чехов. Но в то же время в жизни его были очень серьезные предпосылки для формирования подобных взглядов.

Чехов родился и вырос в Таганроге. Что такое Таганрог середины XIX века? Это очень богатый город, крупнейший на юге России международный торговый порт, громадные состояния, составившиеся в основном на торговле зерном, международные торговые связи, плодородная земля, богатое рыбой море... Здесь не было той страшной нищеты больших городов, о которой писали Достоевский, Толстой, другие русские писатели. И все же была здесь и городская беднота, были дети-сироты, одинокие неимущие старики. И была широко развита благотворительность. Помощь была разнонаправленная – приюты, больницы, стипендии, и, конечно, много жертвовали на церковь. Но и церкви, в свою очередь, много делали для неимущих горожан. Существовали различные благотворительные общества, не только личная или семейная благотворительность. Одно из таких обществ – церковно-приходское Благотворительное братство при соборной Успенской церкви. Устав был утвержден 17 мая 1874 года епископом Екатеринославским в Таганроге.

Инициаторами и организаторами Братства были священнослужители собора во главе с его настоятелем – протоиереем Федором Платоновичем Покровским. (Все, кто знаком с биографией Чехова, знают его как учителя закона Божьего в Таганрогской мужской классической гимназии и автора наиболее известного псевдонима писателя – Антоша Чехонте). Принимали участие в организации и деятельности Братства прихожане собора, жители города, градоначальник Павел Петрович Максудов. Пост председателя совета Братства много лет занимал протоиерей о. Федор Покровский.

В фондах музея-заповедника хранится устав Братства. В нем, в частности, говорится о его целях:

«I. Церковно-Приходское Братство утверждается в честь Успения Божьей Матери при Соборной церкви города Таганрога.

II. Церковно-приходское Братство имеет цель благотворительную: оно заботится:

- а) об украшении храма Успения Божьей Матери;
- б) о вспомоществовании всем истинно бедным прихода;
- с) о погребении умерших неимущих, бедных и убогих;
- д) об открытии приютов для бедных вдов с малолетними детьми и для тех иноверцев, которые изъявляют желание присоединиться к православной церкви и на первых порах нуждаются в посторонней помощи;
- е) об открытии бесплатных школ для детей бедных родителей и пр.

III. Для подобной христианской благотворительности в церковное Братство приглашаются и принимаются лица обоего пола, всех сословий и состояний» [4, с. 2].

Деятельность Братства была разнообразна, и кроме привычных вопросов помощи неимущим и воспитания заблудших уделялось внимание образованию юношества. Возможно, это было влияние о. Федора, человека широко образованного и ценящего образование. Кроме того, в деятельности Братства нашла отражение характерная для нашего города толерантность. Историк Таганрога Павел Петрович Филевский писал: «Среди членов Братства мы встречаем не только православных, но и католиков, лютеран, лиц англиканского вероисповедания и евреев. Доктора Точиловский (католик) и Ромбро (еврей) с самого начала Братства предложили свои услуги пользоваться безвозмездно бедных больных по указанию братства. В том же (1874) году была открыта и братская школа. Школа была основана по инициативе Покровского. Там он и преподавал Закон Божий после ухода из гимназии» [5, с. 256].

Федор Платонович был сыном протоиерея, потомственного священнослужителя из Харьковской губернии. Этим и был обусловлен его выбор профессии. Покровский получил превосходное духовное образование: блестяще окончил семинарию, затем Киевскую духовную Академию, получив степень кандидата богословия. По выходу из Академии в 1858 году несколько лет преподавал в Екатеринославской духовной семинарии как специальные, так и общегражданские предметы, исполнял административные должности. В наш город о. Федор с семьей приехал весной 1865 года. Он сразу стал настоятелем Успенского собора и благочинным церкви Таганрога и округа.

Таганрожцы сразу отметили незаурядность молодого протоиерея (ко времени приезда в Таганрог ему было 32 года). Обратили внимание на его образованность, прекрасный голос, умение держаться в обществе. Но в первую очередь оценили его яркий ораторский талант, дар проникновенного убеждения. Проповеди Покровского производили неизгладимое впечатление, прихожане заслушивались его речами, в которых отец-настоятель использовал не только цитаты из Священного писания, но и фрагменты из произведений русских классиков. Впоследствии Чехов высоко оценил красноречие своего учителя. Многим известны слова из его письма брату Александру: «теоретик я плохой. Ораторов на своем веку слышал только трех: Плевако, Федченко и Покровского» [6, с. 75]. Если вспомнить, что Плевако был одним из самых знаменитых ораторов России, то это сравнение говорит о многом. Проповеди Покровского издавались с благотворительной целью, средства от их продажи шли в пользу Братства. Одна из таких книг Федора Платоновича хранится в фондах музея. В предисловии сборника «Поучения и речи» Покровский писал: «Если в предлагаемых поучениях и речах найдется одна черта – одна йота такая, которая в состоянии возбудить в сердце читателя чувство деятельной христианской любви, то автор будет с надеждой, – что цель, для которой предпринято настоящее издание, в известной степени, может быть достигнута» [2, с. 1].

Но главное дело на ниве благотворительности – организация при соборе Успенского благотворительного братства. В поучении, сказанном в день Успения Божьей Матери и по случаю открытия братства, говорится: «Сострадание к ближнему и благотворительность, как следствие нашей любви к людям, составляют душу христианства. Не говоря о богатстве, славе, почестях – о всем том, что велико в глазах света, а на самом деле дым и прах – самая глубокая вера, самые высокие и добродетельные подвиги без любви ничего не значат. В ком нет любви и сострадания к ближнему, тот не ученик Христов, тот не христианин» [2, с. 59].

О самом Федоре Платоновиче можно сказать, что он следовал по пути, указанному в этом поучении, помогая ближним словом и делом до конца дней своих. Его не стало 17 мая 1898 года, на 65-м году жизни. Похоронили его в ограде Успенского собора. Все городское духовенство, представители администрации и общественных учреждений и огромные толпы таганрожцев провожали в последний путь своего пастыря. В душах и сердцах горожан, особенно своих учеников, он оставил яркий след. И лучшей эпитафией учителю стали слова его ученика, великого писателя Антона Павловича Чехова, приведенные в письме М. Е. Чехова: «Я обязан о. Протоиерею не только учению Закону Божию, но и словесности, умению

понимать живое слово и облекать его в изящную форму. Бог знает, если бы не его влияние, то, быть может, я и половины не имел бы того, что имею теперь» [3, с. 442]. Федор Платонович, несомненно, был личностью яркой, и при других исторических обстоятельствах его имя в Таганроге носили бы школы и благотворительные учреждения. Но настали иные времена. В 1930-х годах Успенский собор был разрушен, кладбище уничтожено. А ведь возле церкви обычно хоронили священников, церковных старост, прихожан, много делавших на ниве благотворительности. Могила Федора Платоновича не сохранилась. На месте собора сейчас находятся Октябрьская площадь, сквер, фонтан...

В первые годы деятельности Братства в нем было уже несколько сот членов. Обо всех не расскажешь. Эта тема еще ждет своего исследователя. Вспомним мы сегодня лишь об одной семье.

Среди братчиков и сестриц, как назывались члены Братства, были Чеховы – братья Павел и Митрофан Егоровичи, их родители и дети. Глава семьи, Егор (Георгий) Михайлович, был крепостным. Характером обладал твердым, человеком был упорным и суровым. Он сумел дослужиться до должности управляющего сахарным заводом в имении своих хозяев, что позволило ему выкупить себя и семью на волю. Детей своих Егор Михайлович воспитывал строго, применяя физические методы воздействия. Сказались они на детях по-разному. Речь идет о среднем и младшем сыновьях, волею отца оказавшихся в Таганроге.

Возможно, потому, что Митрофан (1832–1894) был младше – ему было девять лет, когда семья стала свободной, – он меньше времени провел рядом с отцом, отдавшим его в ученье в Ростове. Но он успел в полной мере испытать суровый нрав Егора Михайловича. Может быть, поэтому он не наследовал характер и воспитательные методы отца. Глубоко верующий, как и вся семья, детей он также воспитывал соответствующе. Кроме того, он был несколько сентиментален и романтичен. Его письма, его отношение к людям, особенно к детям, были ласковы и доброжелательны. Дети его старшего брата Павла любили дядюшку. Иногда, правда, в их переписке, особенно в письмах Александра Павловича, встречаются иронические характеристики Митрофана Егоровича. Но в целом Антон Павлович и его братья относились к дядюшке с уважением и признательностью за его доброту. Когда его не стало, Антон Павлович писал двоюродному брату Георгию Митрофановичу: «Я любил покойного дядю всей душой и уважал его» [8, с. 315].

При всей мягкости Митрофана Егоровича он был человеком деятельным, хоть и не в делах торговли. А вера его выражалась не столько в словах, сколько в делах помощи нуждающимся в ней. С самого начала существования

Братства он стал не только его членом, но являлся бессменным казначеем вплоть до своей кончины. Филевский назвал его «главным и энергичным деятелем братства» [5, с. 255]. В книге «История города Таганрога» он отмечал: «Казначей братства Митрофан Егорович Чехов с неустанной энергией пропагандировал идеи Братства и даже иногда впадал в крайности, рассылая слишком просительные письма» [5, с. 255].

Надо сказать, что Митрофан Егорович трудился не только в братстве. Видимо, и казначеем его пригласили, видя, какую серьезную работу он проводит, будучи старостой строящейся Архангело-Михайловской церкви. Ее начали строить в 1868 году, закончили в 1877-м. Главной движущей силой был Митрофан Егорович. Настоятелем церкви был известный проповедник о. Василий Бандаков. Он был духовным наставником Чеховых и в трудные годы поддерживал их, особенно Павла Егоровича и его семью. Отец Василий также был членом Успенского братства.

До последнего дня Митрофан Егорович трудился на благо церкви и Братства. Скончался он тихо, в кругу семьи, 8 сентября 1894 года. Похоронили бессменного старосту в ограде Архангело-Михайловской церкви, находившейся на углу Гимназической (ныне Октябрьской) улицы и Кладбищенского (Смирновского) переулкa, у вокзала. Тогда это была окраина города. Как и Успенский собор, церковь и кладбище при ней в 1930-е годы были уничтожены. На этом месте был построен молочный завод. Могила М. Е. Чехова не сохранилась.

Старший брат – Павел, не играл такой значительной роли в Братстве. Это объясняется просто: он разорился и уехал из Таганрога в апреле 1876 года, за месяц до двухлетия Братства. Благотворительностью Павел Егорович занимался в несколько ином плане. Он организовал любительский церковный хор, который бесплатно пел в церквях Таганрога. Конечно, подаяние нищим, помощь родным. Овдовевшая сестра Евгении Яковлевны много лет жила с сыном в семье Павла Егоровича в Таганроге, затем в Москве. И он обязательно вносил в кассу Братства свой ежегодный взнос – 1 рубль. По тем временам это было все же подспорье для неимущих. Один, два или три рубля в первые годы XX века выдавались в месяц пенсионерам Братства. Об этом сообщалось в его ежегодных отчетах.

Когда Павел Егорович разорился, семья перебралась в Москву. Они оказались в очень тяжелом материальном положении. И теперь уже Братство оказывало помощь семье своего братчика.

Но вскоре помощь Братству, в основном его казначею М. Е. Чехову, по мере возможности стал оказывать Антон Павлович Чехов. Он помогал в передаче писем по сбору денег для Братства, советовал, к кому можно

обратиться за помощью, содействовал публикации отчетов, выполнял различные просьбы дядюшки.

Павел Егорович пережил младшего брата на четыре года. В октябре 1898 года он был похоронен на кладбище Новодевичьего монастыря. Еще через шесть лет рядом появилась могила его сына – великого писателя Чехова.

По уставу ушедшие из жизни братчики и сестрицы поминались в церковных службах и отчетах Братства. Так, в хранящемся в фондах ТГЛИАМЗ отчете за 1901–1902 год упомянуты: среди священников – о. Федор Покровский и о. Василий Бандаков; среди прихожан – Георгий (Егор) и Ефросинья Чеховы, Митрофан Чехов и его умершие во младенчестве дети; завершает печальный список Павел Чехов [1, с. 14].

В том же отчете помощником казначея Братства числится Георгий Митрофанович Чехов, заменивший отца [1, с. 15].

Сведений о времени прекращения деятельности Братства при Успенском соборе в Таганроге не найдено. Надо полагать, это произошло в послереволюционные годы, когда и церкви, и священники, и благотворительные организации, и их члены были отменены, а то и ликвидированы.

Но вновь изменилась жизнь страны. Благотворительность и благотворительные общества возрождаются – что подтверждает и наша конференция. Она помогает и узнать, как это было когда-то, и, может быть, взять пример с прошлого, следуя в будущее.

Список использованной литературы и источников:

1. Таганрогское соборное благотворительное братство. Годовой отчет Таганрогского благотворительного братства при соборном Успенском храме. – Таганрог: Тип. А. М. Миронова, 1902.
2. Поучения и речи настоятеля Таганрогского Успенского собора, протоиерея Феодора Покровского. – Екатеринбург: Издание при Таганрогском Успенском соборе, 1876. – [8], 182, IV с.
3. Таганрог и Чеховы: материалы к биографии А. П. Чехова / А. Г. Алферьева, Е. А. Кожевникова, Е. П. Коноплева [и др.]; научная редакция и предисловие И. Е. Пивович; Министерство культуры Ростовской области, Чеховская комиссия Совета по истории мировой культуры Российской Академии наук, Таганрогский государственный литературный и историко-архитектурный музей-заповедник. – Таганрог: Издательство «Лукоморье», 2003. – 728 с., ил.
4. Проект устава Церковно-приходского благотворительного братства при соборной Успенской церкви в Таганроге Утв. 17 мая 1874 г.г. епископом Екатеринославским и Таганрогским / Таганрогское соборное благотворительное братство. – Таганрог: 1874. – 16 с.

5. Филевский П.П. История города Таганрога / сост. П.П. Филевским [в память двухсотлет. юбилея города 1698–1898]. – Москва: изд. на средства города, 1898. – [2], VI, 376 с.

6. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т.: Письма: в 12 т. Т. 3. Письма / А.П. Чехов; ред. Н.Ф. Бельчиков [и др.]; Акад. наук СССР, Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. – Москва: Наука, 1974–1982. – 1982. – 543 с.

7. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т.: Письма: в 12 т. Т. 6. Письма / А.П. Чехов; ред. Н.Ф. Бельчиков [и др.]; Акад. наук СССР, Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. – Москва: Наука, 1974–1982. – 1982. – 543 с.

8. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т.: Письма: в 12 т. Т. 5. Письма / А.П. Чехов; ред. Н.Ф. Бельчиков [и др.]; Акад. наук СССР, Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. – Москва: Наука, 1974–1982. – 1982. – 543 с.

Е. В. Николаева

**«НАДО ТЕБЕ ПОЗНАКОМИТЬСЯ С В.А. МОРОЗОВОЙ.
ЭТО ДОБРАЯ ЖЕНЩИНА И ОТНОСИТСЯ К НАМ
ОЧЕНЬ ТЕПЛО И ИСКРЕННЕ» (А. П. ЧЕХОВ)**

Статья посвящена известной благотворительнице, владелице Тверской мануфактуры Варваре Алексеевне Морозовой. Будучи одной из успешных российских предпринимательниц, Варвара Алексеевна значительную часть жизни посвятила благотворительным делам. На ее средства в Москве были созданы клиники на Девичьем поле, открыты ремесленное училище и первая городская общедоступная библиотека-читальня в память И.С. Тургенева.

Участвуя в 6-х Воскресенских чтениях в такой знаменательный момент – 110 лет присвоения Воскресенской библиотеке имени Чехова, мне очень хотелось найти смысловые «ниточки», которые связали бы наши библиотеки. Такой ниточкой оказалась дружба основательницы нашей библиотеки В.А. Морозовой и А.П. Чехова.

В.А. Морозова родилась 14 (2) ноября 1848 г. (175 лет в 2023 г.) в Москве, в семье богатого промышленника и известного коллекционера Алексея Ивановича Хлудова. В 19 лет отец выдал Варвару Алексеевну замуж не по любви, а по материальным соображениям, абсолютно не считаясь с душевным состоянием дочери. Ее мужем стал Абрам Абрамович Морозов, один из владельцев Тверской мануфактуры, который приходился супруге двоюродным дядей.

Спустя 12 лет совместной жизни супруг заболел тяжелой формой прогрессирующего паралича. Проболев меньше года, он скончался на руках у жены, оставив ей по завещанию огромное состояние. Молодая вдова взяла управление семейным делом – Тверской мануфактурой – в свои крепкие руки и повела дело умело, четко и организованно. Она проявила себя очень деловой и практичной женщиной, умела хорошо ориентироваться в коммерческих делах.

При этом Варвара Алексеевна занималась благотворительной деятельностью: основала Психиатрическую клинику имени своего мужа и вместе с участком земли, на котором в дальнейшем разместится клиника нервных болезней, передала Московскому университету, положив тем самым начало создания Клинического городка на Девичьем поле, открыла первую в Москве бесплатную городскую читальню в память И.С. Тургенева, основала

ремесленное училище для детей беднейших жителей первопрестольной, жертвовала значительные суммы на Народный университет им. А. Л. Шанявского и др.

Варвара Алексеевна была человеком передовых идей, и, несмотря на то, что она была крупной предпринимательницей, она была не чужда социалистических взглядов. Как вспоминает ее дочь Наталья Васильевна Попова: «Маму не удовлетворяла тогдашняя купеческая среда, и ее тянуло к более просвещенным и интересным людям. Ее друзья были писатель Н. Д. Боборыкин, С. Я. Елпатьевский, профессор В. Н. Вахров, Д. И. Тихомиров, с этими известными педагогами того времени она советовалась по поводу устройства школ. Часто бывали профессор Умов, И. И. Мечников» [1, с. 292].

В этот круг входил и Василий Михайлович Соболевский, шеф-редактор газеты «Русские ведомости». Николай Варенцов вспоминает: «В. А. Морозовой увлекся известный издатель и редактор самой либеральной газеты в Москве «Русские Ведомости» Соболевский, и она жила с ним открыто, не сочетавшись церковным браком, не обращая никакого внимания на окружающее ее общество и всех ее родственников. Злоязычники утверждали, что она не желала менять свою известную фамилию: Морозову на Соболевскую, представлявшуюся в ее купеческих глазах малозавлекательной; имея от него детей, оставила им фамилию Морозовых [сын Глеб и дочь Наталья]» [2, с. 673, 674].

Являясь шеф-редактором, Соболевский стремился привлечь к участию в газете лучших писателей того времени. В разное время с «Русскими Ведомостями» сотрудничали Глеб Успенский, Салтыков-Щедрин, Короленко, Станюкович, Чехов, Златовратский, Мамин-Сибиряк. Многие из них стали друзьями Василия Михайловича и часто бывали у него дома. Таким образом и произошло знакомство В. А. Морозовой с А. П. Чеховым.

Известно одно письмо Чехова к В. А. Морозовой (было больше – не сохр.), об этом говорят ответные письма Варвары Алексеевны Антону Павловичу (их сохранилось 11 за период 1897–1900 гг.). Вот одно из этих писем.

6 декабря 1899 г., Ялта: «Сейчас получили Вашу депешу, спешу откликнуться на нее. Не знаю, почему-то она запоздала, но это и к лучшему. Теперь, когда все поздравления окончились, Ваш одинокий голос особенно мне мил. Варя, конечно, в восторге, что Вы не забыли ее».

Имя Варвары Алексеевны упоминается в письмах Чехова к другим адресатам.

М. П. ЧЕХОВОЙ

11 (23) сентября 1897 г., Биарриц

«Всем кланяюсь и желаю благополучия. Здесь В. А. Морозова и Соболевский. Видаюсь с ними каждый день».

Итог этой поездки подвел в одном из писем к Чехову Василий Михайлович Соболевский: «...Я самым лучшим результатом моей настоящей заграничной поездки считаю представившуюся мне возможность поближе узнать Вас, дорогой мой [...]. В[арвара] А[лексеевна] и все шлют Вам сердечный привет. К детям я Вас ревную: они Вами божатся...» [3, с. 447].

И. П. Чехову

2 (14) октября 1897 г., Ницца.

«Брате Иване, я просил В. А. Морозову, которая теперь в Париже, доставить тебе мое письмо с одним весьма интересным документом [выигранный билет Всемирной выставки 1900 г.]; и этак около 11–12 октября к тебе придут ее младшие дети или кто-нибудь из них. Если дети придут с гувернанткой, то в благодарность за исполненное поручение поводи их по классам и покажи им того жирафа, который стоит в шкафу...»

Твой А. Чехов» [3, с. 63].

Письма свидетельствуют о теплых, дружеских отношениях, достаточно доверительных между писателем и благотворительницей, например, в одном из писем Чехов обращается к Морозовой с просьбами.

Сохранилось только одно письмо А. П. Чехова к В. А. Морозовой.

12 (24) января 1898 г., Ницца [Чехов собирался прожить в Ницце весь январь, а затем уехать с М. М. Ковалевским в Алжир].

«Дорогая Варвара Алексеевна!

В Алжир я, по всей вероятности, не поеду, а если поеду, то не скоро. Дело в том, что Максим Максимович заболел острым сочленовным ревматизмом и теперь сидит сидит у себя в Париже, в кресле, и Аллах знает, когда он вернется к себе в Beaulieu. На всякий случай сообщаю Вам его парижский адрес: 26 rue des Mathurins.

Ваше письмо для меня было приятнейшим сюрпризом [Морозова писала Чехову: «У меня явилась смелая мысль съездить на несколько недель, т. е. недели на две, на три, в Ниццу»]. Только, пожалуйста, не раздумайте, не слушайте никого и непременно приезжайте. И пожалуйста, телеграфируйте своевременно, чтобы я мог встретить Вас на вокзале. Здесь чудесная погода, тепло, тихо, цветут уже фруктовые деревья, одним словом, весна. Л. А. Шанявская, которая скоро будет в Москве (она вчера уехала), расскажет Вам, как здесь хорошо. Кстати же, скоро карнавал.

Теперь поручение, ибо российский человек не может обойтись без поручений. Пошлите взять по прилагаемому рецепту и привезите мне. Это в аптекарском магазине Феррейна на Никольской.

Я получаю из России все такие грустные, унылые письма! Ваше письмо, в котором так много веселого (и есть даже свадьба), – единственное, которое

не повергло меня в сплин, а наоборот, излило на мое сердце бальзам. Альбертину Германовну от души поздравляю и радуюсь за нее. Наташе, Глебу и Варе нижайший поклон и привет. Василию Михайловичу тоже. Итак, буду ожидать Вас с нетерпением!

Ваш А. Чехов». [3, с. 149, 150]

В.А. Морозова также обращалась к писателю за помощью. Так, выполняя просьбу В.А. Морозовой, Чехов подыскивал врача для бумагопрядильной, ткацкой и ситценабивной мануфактуры Морозовых в Твери, насчитывавшей более 8000 рабочих.

История двух портретов

22 мая 1898 г. А.П. Чехов пишет И.Э. Бразу:

«Многоуважаемый Иосиф Эммануилович, пришлите мне фотографию с моего портрета; Вы обещали. Недели две назад я завтракал у В.А. Морозовой, и она еще раз выразила надежду, что этим летом Вы напишете ее портрет.

Желаю Вам всего хорошего – денег, успехов и славы. Жму руку.

Ваш А. Чехов.

22 май.

Лопасня, Моск. губ.» [3, с. 218]

Браз пишет портрет (2 вариант) Антона Павловича в марте 1898 г. в Ницце. В письме к Чехову от 28 июня 1898 г. Браз сообщил: «Ваш портрет я послал на днях в Москву, так как Третьяков пожелал иметь его теперь, но обещал до выставки его не повесить. К нему же в галерею он попадет только после выставки в Москве и Петербурге. Фотографию с портрета я заказал в Москве Фишеру <...> Здесь никто не брался снять его фотографическим способом». Эту фотографию Браз подарил Чехову со следующей надписью: «Антону Павловичу Чехову от глубоко уважающего его автора. И. Браз» [3, с. 575].

«Недели две назад я завтракал у В.А. Морозовой» – 5 мая 1898 г. сразу по возвращении Чехова из Петербурга в Москву.

Из переписки с художником Бразом получены сведения не только по истории создания портрета Морозовой, но и о посещении Чеховым имения Поповка Тверской мануфактуры (25 верст/26 км от Твери).

2 июля 1898 г., Мелихово.

«Многоуважаемый Иосиф Эммануилович, я как-то виделся с Варварой Алексеевной, и она, между прочим, говорила мне, что намерена писаться у Вас. Она теперь живет около Клина, скоро переберется в Тверскую губ[ернию]. Я побываю у нее в тверском имении, вероятно, около 10-го и узнаю, как и что, и тогда напишу Вам. А пока я пошлю ей Ваш адрес: быть может, она сама напишет Вам.

Я здоров, но жизнь веду бухгалтерскую. Хочется опять в Париж. Во всяком случае, до середины августа постараюсь не уезжать далеко от Москвы. Будьте здоровы.

Ваш А. Чехов» [3, с. 231].

7 августа 1898 г., Мелихово.

«Многоуважаемый Иосиф Эммануилович, на сих днях я был у В.А. Морозовой в ее тверском имении. Был разговор о Вас и о портрете. Она говорит, что в июле ей было некогда позировать, да и к тому же почти всё время было очень жарко. Она извиняется и просит отложить сеансы до середины августа, когда ей будет посвободнее» [3, с. 247].

В октябре 1898 г. Браз написал портрет Морозовой, который был представлен вместе с портретом Чехова на академической выставке в Петербурге в марте 1899 г. Давая отчет с выставки, «Русские ведомости» писали: «В ряду портретистов нужно приветствовать новую большую и многообещающую силу – г. Браз. Два выставленных им портрета А.П. Чехова и В.А. Морозовой подолгу держат перед собой и знатоков, и публику» [1, с. 309].

Список использованной литературы и источников:

1. Варвара Алексеевна Морозова. На благо просвещения Москвы: В 2 т. Т. 2. Благотворительная деятельность В.А. Морозовой и ее родственников / Библиотека-читальня им. И.С. Тургенева; сост., подгот. текстов, примеч. Н.А. Круглянской. – Москва: Русский путь, 2008. – 493 с.
2. Варенцов Н.А. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое / Н.А. Варенцов; вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. В.А. Любартовича и Е.М. Юхименко. – Москва: Новое литературное обозрение, 1999. – 847 с., [16] л. ил., портр.
3. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: В 12 т. Т. 7. Письма: июнь 1897 – декабрь 1898. / А.П. Чехов; редкол.: Н.Ф. Бельчиков (гл. ред.) [и др.]; АН СССР, Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького. – Москва: Наука, 1974–1983. – 1979. – 815 с.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УРОЖЕНЦА ТАГАНРОГА А. П. ЧЕХОВА

Чехов покинул родной город в девятнадцать лет. За плечами «юного старца» – второгодничество, порка «сахарной веревкой», сиденье в бакалейной лавке отца «хозяйским глазом». Разорение, жизнь в доме, построенном отцом, на вторых ролях, квартирантом. И дети в его рассказах несчастливые, угнетенные. Прожив сорок четыре года, Чехов много дал городу и миру, несмотря на признание в письме к А. С. Суворину, «я страшно испорчен тем, что родился, вырос, учился и начал писать в среде, в которой деньги играют безобразно большую роль» [12, с. 322]. Это не помешало ему оставить нам Слово и увидеть в нем Россию с мечтой о вишневых садах и прекрасном будущем. Так, живя в Мелихове, писатель организовал крестьян для посадки на свободных лесных участках тысячи вишневых саженцев; за несколько лет до кончины посадил и взрастил на своей усадьбе в Ялте молодой сад. Что это, если не навязчивое духовное наставничество?! И нет ничего выше этого, во всей полноте мы слышим голос «одинокого тополя» Чехова.

Безыдейный писатель, как считали критики, намного опередил свой век. «О, как ошибались те, которые в печати и в своем воображении называли его человеком равнодушным к общественным интересам, к мятущейся жизни интеллигенции, к жгучим вопросам современности, – писал А. И. Куприн в статье «Памяти Чехова» [1].

Чехов сближает время, Чехов сближает людей, потому что, как сказал писатель устами героя повести «Дом с мезонином»: «Призвание всякого человека в духовной деятельности – в постоянном искании правды и смысла жизни» [7, с. 185]. О духовной, благотворительной деятельности Чехова мы узнаем через его творчество, переписку, поступки, а также его окружение. Отца Чехова, Павла Егоровича, общественное сознание видит деспотичным, и к этому есть основания, но мы также замечаем и другие черты.

Павел Егорович родился в 1825 году. Это было время, когда старопечатные книги вместе с вареной бумагой уходили в прошлое, и в 1858 году молодой купец Чехов, не получивший системного образования, в конце года прочитанный, часто вслух, комплект «политической, ученой и литературной» газеты «Сын Отечества» не выбрасывает, а перевязав, укладывает под прилавок.

Спустя годы к изданию проявляет интерес сын Антон, выкраивая из скудных средств одинокой гимназической жизни на подписку того же «Сына Отечества», поскольку в нем помещались обзоры толстых журналов, статьи о новинках большой литературы. Чехов-гимназист наверняка находился под влиянием содержательного репертуара таганрогского театра, уроков словесности в гимназии о Федора Покровского, проносившего, по воспоминаниям современников, в карманах шелковой рясы на уроки Закона Божьего томики подцензурной литературы, в том числе опальных М. Е. Салтыкова-Щедрина, В. Г. Белинского. Отличился и дед Чехова Егор Михайлович, вывезший, по семейному преданию, из Ольховатки, где семья принадлежала просвещенному крепостнику В. Г. Черткову, сундук книг. Не в этом ли ответ, что не деньги, а книги начинают играть в жизни Чехова «безобразно большую роль»?!

В автобиографиях Чехов был так же краток, как и в своих рассказах. Он так же краток в своих поступках: не люблю, когда мое имя треплют зря. Начиная с 1890 года он, как никогда прежде, включился в общественную жизнь. В Мелихове Чехов строит школу для деревенских детей, на его попечении больные и аптечный пункт. У него «кусочек общественной жизни», без которого жить не мог. В Ялте больной Чехов «каменеет от скуки», но при этом строит санаторий для туберкулезных больных «Яузлар», обращается к таганрогскому доктору Георгию Яковлевичу Тарабрину собрать деньги и одежду для неимущих больных. Чехов – член попечительского совета ялтинской женской гимназии, он занимается с рукописями молодых авторов, интересуется делами и событиями в родном городе, читает газету «Таганрогский вестник», обменивается с родными письмами, вникая в их потребности.

Чехова интересуют вопросы благоустройства Таганрога. Благодаря его хлопотам на Историческом бульваре воздвигнут памятник основателю города Петру Великому скульптора М. М. Антокольского. Библиотека также в поле внимания писателя; он – один из первых читателей, начиная с ее основания в 1876 году. Первую заботу бывший читатель-гимназист проявил спустя четырнадцать лет, успев к этому времени стать среди столичных литераторов знаменитостью. В 1890 году по дороге на Сахалин Чехов, в ответ на сетования дяди Митрофана Егоровича, что в библиотеке нет его книг, принимает решение о пополнении фондов библиотеки родного города. Поручение путешественника исполнили родные, отправив из Москвы три сборника рассказов Чехова и книгу «Власть тьмы» Толстого с автографом автора. 3 мая 1890 года Чехов писал из Тюмени по дороге на Сахалин городскому голове К. Г. Фоти: «Я прошу городскую библиотеку принять от меня все те книги с авторскими факсимиле, какие у меня теперь имеются и какие я собираю и сохраняю специально для библиотеки моего родного города» [13, с. 74].

Посетив Таганрог в 1894 году и осмотрев библиотеку, Чехов убедился, что «библиотека бедна» своими фондами, что положение следует исправлять. Первая партия книг с большим сопроводительным письмом поступила в ноябре того же 1894 года. В марте 1895 – вторая, и городской голова Константин Георгиевич Фоти заводит «Дело Таганрогской Управы № 17 о пожертвовании книг для Таганрогской Городской Библиотеки известным писателем уроженцем Таганрога А. П. Чеховым» [4, с. 207]. С этого времени Чехов регулярно отправляет книги в Таганрог, но при этом просит отвечающего за библиотеку Павла Федоровича Иорданова: «... никому не говорите о моем участии в делах библиотеки. <...> Это портит нервы» [8, с. 236]. Стараниями Чехова организованы иностранный и справочный отделы библиотеки. Из Франции писатель отправляет «всех французских классических писателей... <...> Всего 70 авторов, или 319 томов...» [9, с. 181]. Согласно описи, сделанной самим Чеховым, всего библиотека получила 2 146 книг. Из них 767 с автографами авторов, редакторов, переводчиков, других лиц, причастных к изданию. Чтобы не повторяться, по согласованию с К. Г. Фоти, П. Ф. Иордановым, Чехов присылал книги текущей литературы, как выразилась Т. Л. Щепкина-Куперник, «целые транспорты книг».

Чехов постоянно заботился о библиотеке и будущем музее на родине, в Таганроге, он также успешно находил «жертвователей» в своем окружении. К двухсотлетию города в библиотеку поступил крупный дар от выпускника Таганрогской гимназии, издателя петербургской газеты «Новости» Осипа Константиновича Нотовича. Пожертвование оказалось настолько велико, что Чехов просил своего знакомого таганрогского журналиста А. Б. Тараховского прислать ему список поступивших книг, чтобы самому не повториться. Среди изданий, подаренных Нотовичем, энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, ставший для ряда поколений читателей незаменимым универсальным изданием. Понимая суть книжного дела, Чехов давал советы по организации справочного отдела, оказывал практическую помощь в создании каталога. По его инициативе при библиотеке создали «маленькое подобие музея» [11, с. 193].

Чехов горячо поддержал мысль о постройке специального здания, советуя городскому голове, бывшему воспитаннику Таганрогской гимназии Павлу Федоровичу Иорданову: «Деньги, которые у Вас есть, Вы не тратьте, а копите их для постройки нового здания библиотеки» [10, с. 147]. В марте 1910 года, в год пятидесятилетия со дня рождения А. П. Чехова, вопрос о постройке специального здания существенно продвинулся, и предназначалось оно не только для библиотеки, но и для музея одновременно. Проект заказали другу Чехова, знаменитому архитектору Федору Шехтелю. Освящали библиотеку в день

рождения писателя 17 января 1914 года. На торжества прибыли родные Чехова – сестра Мария Павловна, братья Иван и Михаил Павловичи. В настоящее время на фасаде здания сохранилась надпись: «Библиотека и музей имени А. П. Чехова». Музей в здании библиотеки просуществовал вплоть до 1976 года. В настоящее время библиотека приближается к своему 150-летию в 2026 году, продолжая лучшие традиции, заложенные Чеховым.

И в XIX веке, и XXI-м в Чехове находят разное. Англичане заметили большое сердце, говоря, что сердце Чехова занимает второе место после Шекспира в умении понимать, и единственное – в способности прощать людям их слабости. В записных книжках Чехова находим: «И какое это наслаждение уважать людей!» [18, с. 41]. Наверное, потому писатель откликался на просьбы помочь. Обращались собраты по перу, дальние и близкие знакомые. В 1896 году напомнил о себе дальний таганрогский родственник А. П. Евтушевский с просьбой помочь в оплате за обучение в гимназии подростка сына Вениамина, к слову заметить, будущего врача. Чехов отозвался, и вскоре Андрей Павлович Евтушевский благодарил писателя за хлопоты о сыне, выражая «глубокое русское спасибо <...>. Теперь Бог послал ему быть таким человеком как его благодетель Антон Павлович Чехов».

Показательна история, связанная с воспоминаниями детства о мальчиках-лавочниках, служивших в 1869–1874 годы в бакалейной лавке отца Чехова Павла Егоровича. Андрюшка и Гаврюшка, как называет братьев Харченко в воспоминаниях Ал. П. Чехов [3], были отданы на пять лет в обучение в Таганрог матерью-крестьянкой Харьковской губернии. В положении «мальчиков» побывали многие дети из небогатых семейств России. Так шло обучение в среде купечества, мастеровых людей. Нелегкую школу мальчиков-лавочников прошли люди, близко стоявшие к Чехову, в том числе отец Павел Егорович, двоюродные братья Алексей Долженко и Михаил Чехов. Сохранились у писателя и свои воспоминания, когда он выполнял обязанности мальчика, сидельца в торговом заведении отца.

Положение братьев Харченко в доме Чеховых нельзя назвать однозначным. Некий ответ дает старший брат Чехова Александр в воспоминаниях «Из детских лет А. П. Чехова»: «Если бы их мать-хохлушка, задававшая целью «вывести своих детей в люди», знала заранее, на какую жизнь она их обрекает, – то оба они, наверное, ходили бы до конца дней в своей родной слободе за плугом» [19, с. 40–41]. Служили братья без жалованья, однако хлеба и платье обеспечивал хозяин.

Поскольку лавка открывалась в пять утра и закрывалась поздно, то Андрюшка и Гаврюшка ходили вечно сонные, засыпали даже в проёме дверей и «превосходно спали», когда должны были зазывать покупателей.

Они выметали пол, придавали приличный вид ящикам и мешкам с товаром, ходили на базар за провизией, выполняли черные работы по дому, бегали по поручениям. Братья Харченко – друзья Антона, насколько допустима дружба между хозяйским сыном и мальчиками-лавочниками. Их обязанность – состоять в подчинении и не задаваться.

Антон, по мнению Ал. П. Чехова, «чувствовал к ним симпатию, потому что их на его глазах били... А когда били людей, то с ним [Антоном] делалась нервная дрожь» [19, с. 40]. Павел Егорович не скупился на подзатыльники, оплеушины, порол, а на заступничество Евгении Яковлевны отвечал, что и его так же учили, и вот он вышел в люди.

Приведенные выше воспоминания о жизни семьи Чеховых в арендованном доме у Иосифа Моисеева (в настоящее время в нем располагается мемориальный музей «Лавка Чеховых») написаны в 1908 году после кончины писателя. Возобновились отношения Чехова с «мальчиком» из лавки отца через Капитолину Васильевну Морозову, харьковчанку, лечившуюся в Ялте. Чехов узнал адрес её знакомого Гавриила Алексеевича Харченко, жившего поблизости от нее в Харькове, и послал ему свою визитную карточку с надписью: «С Новым годом!». 12 января 1899 года Харченко ответил и рассказал, «как два года тому назад он был в Москве и узнал в магазине Гаврилова, что Павел Егорович живет в имении своего сына вблизи Серпухова. Однако возможность увидеть его не представилась» [5]. Задав ряд вопросов Чехову о его семье, Харченко вскоре получил обстоятельный ответ о судьбе близких писателя [15, с. 29].

В ответном письме Харченко взаимно обрисовал обстоятельства своей жизни, сообщил о желании дать хорошее воспитание своим четырем дочерям, особенно старшей, Александре. В письме 17 сентября 1900 года бывший товарищ детства поделился с Чеховым мыслями о воспитании детей: «... старшей нет восьми лет, но благодаря Бога, я имею небольшой свой дом, но что меня в данное время заставляет много думать, то это дети, которым предстоит дать воспитание, а воспитание сопряжено со средствами, а мне не хотелось бы оставить своих дочерей без воспитания» [6]. Харченко также просит Чехова выслать ему для библиотеки по одному экземпляру всех его сочинений и сообщает, что уже собрал несколько десятков разных книг, что даже получает энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, и все это в будущем предназначается его дочерям. Сам он не имеет время для чтения, переутомляясь службой у хозяина при конторе, но при этом «получает весьма ограниченное содержание» [6].

Чехова тронуло сообщение Харченко о желании дать образование своим дочерям, он одобрил планы и в ответном письме попросил разрешения платить за обучение дочери Александры: «Когда Вашей старшей дочери минет

девять лет, то отдайте ее в гимназию и позвольте мне платить за нее до тех пор, пока ее не освободят от платы за обучение» [14, с. 96–97], – писал Чехов в феврале 1899 года из Ялты. Чехов исправно платил за обучение, а после смерти писателя, выполняя завещание от 3 августа 1901 года, это делал брат Иван Павлович Чехов [17, с. 57]. Будучи честным и ответственным, Гавриил Алексеевич беспокоился, насколько успешно пойдет учеба дочери, заметив: «Надеюсь, что ей бог даст разум и способности окончить курс» [6].

Была у Харченко еще одна просьба: через знакомства и связи Чехова переменить должность, на что Чехов прямо отвечал, что у него «нет сильных и влиятельных знакомых в коммерческом мире» [16, с. 279].

Нам неизвестно, состоялась ли личная встреча Чехова и Харченко. Биографические хроники этих лет не отмечают приезды писателя в Харьков, однако в записной книжке Чехова находим адрес: Харченко Гавриил Алексеевич, Москалевка, Столярный пер., 10. Харьков. Из газетной публикации Игоря Лосиевского «Чеховские реликвии в Харькове» нам стали известны некоторые подробности: «Реконструкция нашего города еще не коснулась тихого Столярного переулка, и дом № 10, может быть, слегка перестроенный или достроенный, перекрытый шифером вместо традиционного железа, стоит как в те времена, когда почтальон приносил сюда письма Чехова из Ялты. С людьми оказалось сложнее: за прошедшие 80 лет дом поменял многих владельцев, и фамилию Харченко уже не знают» [2, с. 4].

Благодаря случайности встреча с потомками фамилии Харченко состоялась летом 1982 года, когда в музее «Лавка Чеховых» среди экскурсантов из Санкт-Петербурга оказалась внучка Гавриила Алексеевича со стороны дочери Галины – Елена Александровна Маккавейская. Е. А. Маккавейская немного рассказала о жизни семьи Харченко, в том числе о младшем поколении, однако скудные, на первый взгляд, сведения для научных сотрудников музея оказались бесценными. Был установлен год кончины Г. А. Харченко (1859–1921), также стало известно, что в семьях внушек сохранились подлинные вещи: дедовский платяной шкаф, «настольная фигурка медведя, изготовленная из металла», диван, который потомки готовы были передать для музея в Таганрог. Среди фотографий, присланных Е. А. Маккавейской в 1883 году, поясной портрет Г. А. Харченко в зрелом возрасте и фотография гимназистки Александры, за обучение которой платил Чехов. Из шести дочерей Харченко (единственный сын умер в раннем возрасте), детей имели Галина, Лариса и Елена. Сегодня их потомки живут в Санкт-Петербурге, Пушкине, Харькове. Многие получили высшее образование. Сама Е. А. Маккавейская – кандидат ветеринарных наук. Фамилия Харченко не имеет продолжения по мужской линии, но сохранилась память о сверстнике Антоши Чехова по моисеевскому дому в Таганроге.

Нет сомнения в том, что шаг писателя навстречу скромному бухгалтеру оказался значительным событием в жизни бывшего мальчика-лавочника. Горячие и нежные воспоминания об Евгении Яковлевне Чеховой, неоднократные просьбы к Антону Павловичу прислать фотографическую карточку и «не лишать нас этого удовольствия», а также почтительное отношение к книгам, занятия музыкой дочерей, понимание важности воспитания и образования – все это свидетельствует о влиянии чеховской фамилии на жизнь и судьбу Г.А. Харченко.

Список использованной литературы и источников:

1. Куприн А.И. Памяти Чехова // А.П. Чехов в воспоминаниях современников / вступ. статья А.М. Туркова; сост.подг. текста и коммент. Н. Питович. – Москва: Художественная литература, 1986. – 735 с.
2. Лосиевский И. Чеховские реликвии в Харькове / И. Лосиевский // Красное знамя. – 1981. – № 4. – 4 с.
3. Седой [Ал.П. Чехов] Антон Павлович Чехов – лавочник // Вестник Европы. – 1908. – Т. XI. – С. 192–224.
4. «..Таганрога я не миную»: Чехов в Таганроге / общ. ред. и послеслов. В.Я. Лащина. – Ростов-на-Дону: ростовское книжное изд-во, 1985. – 207 с.
5. Харченко Г.А. Письмо Чехову А.П. от 12 января 1899 / Г.А. Харченко // ТГЛИАМЗ. – Ф. 5. – Оп. 2. – Д. 23.
6. Харченко Г.А. Письмо Чехову А.П. от 17 сентября 1900 / Г.А. Харченко // ТГЛИАМЗ. – Ф. 5. – Оп. 2. – Д. 23.
7. Чехов А.П. Дом с мезонином: (Рассказ художника) // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. Т. 9. Рассказы. Повести. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. – Москва: Наука, 1977. – 185 с.
8. Чехов А.П. Письмо Иорданову П.Ф. от 24 ноября 1896 г. // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 6. Письма / А.П. Чехов; редкол.: Н.Ф. Бельчиков (гл. ред.) [и др.]; АН СССР, Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького. – Москва: Наука, 1978. – 236 с.
9. Чехов А.П. Письмо Иорданову П.Ф. от 9(21) марта 1898 г. // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 7. Письма / А.П. Чехов; редкол.: Н.Ф. Бельчиков (гл. ред.) [и др.]; АН СССР, Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького. – Москва: Наука, 1979. – 181 с.
10. Чехов А.П. Письмо Иорданову П.Ф. от 9 (21) января 1898 г. // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 7. Письма / А.П. Чехов; редкол.: Н.Ф. Бельчиков (гл. ред.) [и др.]; АН СССР, Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького. – Москва: Наука, 1979. – 147 с.
11. Чехов А.П. Письмо Павловскому И.Я. от 13 октября 1896 г. // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 6. Письма / А.П. Чехов; редкол.: Н.Ф. Бельчиков (гл. ред.) [и др.]; АН СССР, Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького. – Москва: Наука, 1978. – 193 с.

12. Чехов А.П. Письмо Суворину А.С. от 29 августа 1888 г. // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 2. Письма / А.П. Чехов; редкол.: Н.Ф. Бельчиков (гл. ред.) [и др.]; АН СССР, Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького. – Москва: Наука, 1975. – 322 с.

13. Чехов А.П. Письмо Фоти К.Г. от 3 мая 1890 г. // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 4. Письма / А.П. Чехов; редкол.: Н.Ф. Бельчиков (гл. ред.) [и др.]; АН СССР, Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького. – Москва: Наука, 1975. – 74 с.

14. Чехов А.П. Письмо Харченко Г.А. от 19 февраля 1899 // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 8. Письма / А.П. Чехов; редкол.: Н.Ф. Бельчиков (гл. ред.) [и др.]; АН СССР, Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького. – Москва: Наука, 1980. – С. 96–97.

15. Чехов А.П. Письмо Харченко Г.А. от 19 января 1899 г. // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. Т. 8. 1899 / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. – Москва: Наука, 1980. – 29 с.

16. Чехов А.П. Письмо Харченко Г.А. от 4 октября 1899 г. // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 8. Письма / А.П. Чехов; редкол.: Н.Ф. Бельчиков (гл. ред.) [и др.]; АН СССР, Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького. – Москва: Наука, 1980. – 279 с.

17. Чехов А.П. Письмо Чеховой М.П. от 3 августа 1901 г. // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 10. Письма / А.П. Чехов; редкол.: Н.Ф. Бельчиков (гл. ред.) [и др.]; АН СССР, Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького. – Москва: Наука, 1981. – 57 с.

18. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 17. Сочинения. Записные книжки / А.П. Чехов; редкол.: Н.Ф. Бельчиков (гл. ред.) [и др.]; АН СССР, Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького. – Москва: Наука, 1980. – 41 с.

19. Чехов Ал.П. Из детских лет А.П. Чехова // А.П. Чехов в воспоминаниях современников: Сборник / подг. текста и примеч. Н.И. Питович и И.В. Федорова; предисл. А.К. Котова. – Москва: Гослитиздат, 1960. – С. 40–41.

СПЕШИТЕ ДЕЛАТЬ ДОБРО

*Чтобы идти вперед, чаще оглядывайтесь
назад, ибо иначе вы забудете, откуда
вы вышли и куда нужно вам идти.*

Л. Н. Андреев

Благотворительное общество при Воскресенской земской лечебнице (далее Общество) возникло в 1896 году и просуществовало 18 лет до 1914 года, до Первой мировой войны.

Несколько слов об истории Истринской областной клинической больницы (в прошлом Воскресенской земской лечебницы), при которой и было создано Воскресенское Благотворительное общество. Известно, что она была организована земством Звенигородского уезда Московской губернии в корпусах бывшей ткацкой фабрики, купленной у вдовы купца Адриана Дмитриевича Чикина, Екатерины Ильиничны. Это была первая земская больница в Московской губернии. В качестве амбулатории она начала действовать 1 декабря 1878 года. По воспоминаниям современников, «больница считалась поставленной образцово». Статистик медицины Петр Иванович Куркин писал: «Воскресенская лечебница представляла собой сложную механику, построенную для службы страдающему крестьянину; она была обременена внутренним трагизмом положения нуждающихся в ее помощи, а тем более для медицинского персонала, вкладывающего всю душу в свое общественное дело; наконец, она несла глубокую традиционную морально-политическую миссию «службы народу» не за страх, а за совесть» [5]. И большую роль в такой образцовой постановке сложного дела сыграл доктор П. А. Архангельский, который в ноябре 1878 года приступил к обязанностям заведующего Воскресенской земской лечебницей. Ему тогда исполнилось 26 лет [1, с. 4–14].

Именно Павел Арсеньевич Архангельский стал инициатором создания Благотворительного общества при Воскресенской земской лечебнице. Это было продиктовано «глубоким сочувствием к бедствующим, потребностью поддержать нуждающихся» [20].

В январе 1896 г. выработан проект устава Благотворительного общества при участии 37 лиц, среди них: А. Т. Алявдин, Д. И. Аптекман,

П. А. и М. М. Архангельские, Б. А. Брусилов, М. Т. Банников, А. С. Киселев, А. С. и С. С. Мингалевы, С. М. Попов, О. Т. Цурикова, отец Ф. Фивейский и др. Первое общее собрание состоялось 21 июля 1896 г. в помещении Воскресенской городской Управы под председательством А. С. Киселева. Перед началом совершено молебствие местным причтом, а отец архимандрит Андрей, настоятель Воскресенского монастыря, произнес слово и благословил [8]. Прежде чем рассказать о добрых свершениях Благотворительного общества, хотелось коротко представить людей, которые были его основой.

Мы вас помним

Деятельность Общества связана с именами людей, которых можно назвать элитой Воскресенского общества конца XIX – начала XX века. Не все из них были людьми состоятельными. Но всех их отличали такие качества, как человечность, милосердие, равнодушие к бедам людей, умение видеть и решать проблемы жителей заштатного города Воскресенска и его окрестностей.

Члены Благотворительного общества при Воскресенской земской больнице Звенигородского уезда в Отчетах упомянуты по категориям. Например, в составе Общества за первый год работы (1896–1897 гг.) упомянуто 5 почетных членов, 74 действительных, 11 членов-сотрудников и 9 членов благотворителей [5, с. 8]. Первыми всегда перечисляются Почетные члены Общества: Павел Арсеньевич Архангельский, Мария Морицовна Архангельская, Матрена Григорьевна Попова, Анна Сергеевна Цурикова, Сергей Максимович, Любовь Васильевна, Ольга Максимовна Поповы, Анна Николаевна Брусилова, С. П. Берг, Михаил Степанович Толмачев (за 1910 год).

Первое имя в ряду достойных людей – членов Благотворительного общества – это Павел Арсеньевич Архангельский.

Павел Арсеньевич Архангельский (14 января 1852 г. – 5 ноября 1913 г.) – выдающийся врач, подвижник, основатель земской медицины, ученый-аналитик, педагог-наставник, общественный деятель. Он руководил Воскресенской земской лечебницей Звенигородского уезда со дня ее основания. Он был учредителем и почетным членом Благотворительного общества при Воскресенской больнице. Многие знают Павла Арсеньевича как друга и медицинского наставника Антона Павловича Чехова. Павел Арсеньевич Архангельский родился 14 января 1852 года в селе Серебряные пруды Веневского уезда Тульской губернии, в семье дьякона. В семь лет был зачислен в Веневское духовное училище, по окончании которого поступил в Тульскую семинарию. В 1871 году он вышел из семинарии, выдержал поверочное испытание при Московском университете и стал студентом

медицинского факультета. В 1876 году, с отличием окончив университет и получив степень лекаря, он начал работать в селе Петровском Верейского уезда, а затем в городе Верея. В 1879 году перешёл в Воскресенскую губернскую земскую лечебницу, где и прослужил 17 лет в качестве заведующего Воскресенской земской лечебницей до 1896 года, 15 из них без отпуска. За время его работы на территории лечебницы были построены приют для неизлечимых больных, летний барак для выздоравливающих, открыт комплекс помещений для «заразного павильона», возведены различные хозяйственные постройки. Лечебница увеличила штат квалифицированного медицинского персонала, приобрела новое оборудование. К концу века больница уже представляла собой небольшой городок и отличалась высоким для того времени уровнем оснащения. Свои врачебные обязанности Архангельский совмещал с научной и статистической деятельностью, публиковал статьи в медицинских журналах. В 1887 году издается его книга «Отчёт по осмотру русских психиатрических заведений, произведённому по поручению Московского губернского земского санитарного совета врачом Воскресенской земской лечебницы П. А. Архангельским». Этот труд получил высокую оценку в медицинских научных кругах [17]. Тяжелая неизлечимая болезнь (нефрит) заставила Павла Арсеньевича в 1896 году подать в отставку. Он получил пенсию Московского губернского и Звенигородского земства и вместе с семьей переехал в Москву. Но связь с родным Воскресенском не терял. Умер Архангельский 5 ноября 1913 года, по завещанию похоронен на Воскресенском погосте, могила не сохранилась [1].

Мария Морицовна Эртель-Архангельская (1852 г. – 27 ноября 1897 г.) – врач, единомышленник, соратник, жена П. А. Архангельского, почетный член и учредитель Воскресенского благотворительного общества. Она принадлежала к первому поколению женщин-врачей в России. Родилась в 1852 году в Одессе в немецкой семье. Прошла курс медицинских наук в Лейпциге, в 1880 году защитила диссертацию и получила диплом доктора наук. В 1882 году заведовала отрядом по борьбе с эпидемией скарлатины и сыпного тифа в Подольском уезде, затем начала работать в Воскресенской земской больнице (до 1892 года). Участвовала в составлении проекта устава Благотворительного общества. 21 июля 1896 г. избрана пожизненным почетным членом Общества.

Умерла от брюшного тифа 27 ноября 1897 года, похоронена на Введенских горах. Дети Архангельских: Павел (1884 г.), Мария (1885 г.). В память о Марии Морицове капитал, полученный с базара, устроенного Л. В. Поповой в пользу Общества, был назван капиталом Архангельской и пошел на пособия хроническим больным [19].

Анна Сергеевна Цурикова (25 июля 1818 г. – 7 января 1907 г.) была женой местного купца и фабриканта Павла Григорьевича Цурикова (1812–1878 гг.), известного своей благотворительной деятельностью. Пережила мужа почти на 30 лет, удостоилась быть погребенной в Новом Иерусалиме. Старожилы города Истры до сих пор вспоминают доброту этой женщины и ее материнскую заботу о работницах Ивановской фабрики, где производилось сукно «лучше английского». Попечением Анны Сергеевны всем девушкам, если они или их родители трудились на фабрике, выдавалось при замужестве приданое. Была попечительницей Воскресенского приходского училища, в котором в 1879–1883 гг. преподавал И. П. Чехов. В документах Общества всегда упоминалась как его почетный член.

Борис Алексеевич Брусилов (15/28 сентября 1855 г. – 17 сентября 1918 г.) родился в Тифлисе, принадлежал к старинному дворянскому роду, представители которого по мужской линии в нескольких поколениях были военными. Рано осиротел. Вместе с братьями (Алексеем и Львом) воспитывался теткой Генриеттой Антоновной Гагемейстер. После учебы в престижном Пажеском корпусе зачислен в действующую армию в 13-й лейб-гвардии Эриванский полк. В 19 лет Борис Брусилов оказался в действующей армии на юге Российской Империи. Через два месяца был переведен в драгунский Тверской Его Императорского Величества Князя Николая Николаевича полк. Вскоре Борис был командирован в Ставропольское юнкерское училище. По окончании вернулся в действующую армию и был произведен в прапорщики. Во время русско-турецкой войны участвовал в боевых действиях на юге России. Принимал участие в военной компании 1880–1881 гг., ознаменовавшей присоединение Средней Азии к России. 14 декабря 1889 года уволен из армии «для определения в титулярные советники». В действующей армии Брусилов прослужил около 14 лет. За беспримерное мужество и храбрость был награжден орденами: Св. Станислава 2-й и 3-ей степени, Св. Анны 2-й и 3-ей степени, Св. Владимира 4-й степени, серебряными медалями за Турецкую войну 1877–1878 гг., за взятие штурмом Ахал-Текинской крепости Геок-Тепе 12 января 1881 года.

Через месяц после отставки Борис Брусилов был определен на службу в Министерство внутренних дел в Санкт-Петербург и откомандирован для занятий в Главное тюремное управление. За усердие получил искреннюю благодарность министра. В ноябре 1891 года Борис Алексеевич назначен Попечителем Свято-Троицкого богадельного дома в Ораниенбауме (ныне город Ломоносов Ленинградской области). В 1894 году произведен в Надворные советники. 8 декабря 1899 года Борис Брусилов стал Кавалером ордена Св. Владимира 3-ей степени. В марте 1902 года Брусилов был произведен за выслугу лет в Статские Советники со старшинством, а 6 декабря

1905 года был пожалован за выслугу лет Свято-Троицкому богадельному дому чином Действительного статского советника. Брусиловы приобрели имение Глебово Звенигородского уезда не позже весны 1894 года. В конце 1895 года Борис Алексеевич был выбран церковным старостой в своем селе Глебово. Он долгие годы заботился о благосостоянии Казанского храма, жертвовал личные средства на приходской Христорождественский храм, на организацию детских яслей для крестьянских детей при Преображенской церкви села Никулино Звенигородского уезда. В библиотеку, которая открылась в Воскресенске в память о Чехове, Борис Алексеевич передал книг на 600 рублей. На протяжении долгих лет Борис Брусилов занимал различные общественные должности в Звенигородском уезде Московской губернии и сделал очень много полезного для нашей земли. В 1898–1907 гг. он – попечитель земской школы в селе Бужарово. Участвовал в составлении проекта устава Благотворительного общества. 21 июля 1896 года избран в члены Общества. Ежегодные взносы – по 10 р. 2 августа 1898 года на общем собрании членов Благотворительного общества был избран членом Совета Общества. В 1912–1914 гг. – гласный Звенигородской уездной земской управы; в 1914 году – председатель Сельскохозяйственного общества в Воскресенске. В 1918 году, после покушения на Ленина и убийства Урицкого, в стране начались массовые аресты, был развернут кровавый «красный террор». Борис был арестован, скончался в пересыльной тюрьме. Его похоронили на территории Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря [7].

Анна Николаевна Брусилова (Рено) (? – 20 сентября 1916 г.) – баронесса, дочь крупного землевладельца в Херсонской губернии барона Николая Рено, жена Бориса Алексеевича Брусилова, благотворительница. В семье Анны и Бориса родилось четверо детей, до взрослого возраста дожили трое: Ольга, Елена, Алексей. Супруги поддерживали финансово полярную экспедицию Георгия Львовича Брусилова (племянника Бориса). Паровую шхуну «Пандора» переименовали в «Святую Анну» – по имени Анны Николаевны Брусиловой. По мотивам истории этой экспедиции известный советский писатель Вениамин Каверин написал роман «Два капитана». Погребена Анна Николаевна в Воскресенском Ново-Иерусалимском монастыре. Брусилова – член Благотворительного общества с первого года его существования. В 1897, 1898, 1899 годах ее ежегодные взносы – по 10 р. 13 декабря 1898 года общее собрание членов Благотворительного Общества постановило благодарить А.Н. за пожертвование 111 р. 50 к. на приют-ясли и за выраженное ею желание принять на свой счет обзаведение приюта бельем. 2 августа 1898 года на общем собрании Общества А. Н. Брусилову признали пожизненным почетным членом за материальное и нравственное

содействие делам Общества вообще и, в частности, за усердный почин и помощь по устройству убежища-яслей [7].

Алексей Сергеевич Киселев (1841–1910 гг.) – дворянин, представитель древней знатной фамилии, племянник графа П.Д. Киселева – одного из наиболее выдающихся государственных деятелей эпохи Николая I. Родители Алексея Сергеевича дружили с А.С. Пушкиным, и великий поэт даже присутствовал на бракосочетании Киселевых в качестве поручителя со стороны жениха. Алексей Сергеевич был коллежским секретарем, земским начальником, членом Звенигородского уездного присутствия по крестьянским делам, попечителем церковно-приходской школы в селе Никулино. В уезде Киселев был человеком уважаемым. В 1880 году он приобрёл деревню Бабкино, где впоследствии в 1885–1887 гг. снимало дачу семейство Чеховых. Жена Киселева, Мария Владимировна, была дочерью бывшего директора московских императорских театров В.П. Бегичева и внучкой Н.И. Новикова. Киселев участвовал в составлении проекта устава Благотворительного общества. 21 июля 1896 года избран членом Совета Общества, а 1 ноября 1896 года – председателем Совета Общества. Ежегодные взносы – по 10 р. В 1899 году в связи «с переменой места служения» освободил должность Председателя Совета Благотворительного общества при Воскресенской земской лечебнице Звенигородского уезда, которую занимал бессменно с самого начала образования Общества [3]. А.С. Киселев принимал самое горячее участие и руководство в благотворительных делах. Общее собрание постановило выразить А.С. Киселеву благодарность за его деятельность.

Алексей Николаевич Рукин (1880–1921 гг.) – потомственный дворянин, помещик, владелец усадьбы Зенькино. Окончил московскую Поливановскую гимназию. Воинскую повинность отбывал в Сумском драгунском полку солдатом, вольноопределяющимся, произведен в унтер-офицеры. Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг., был тяжело ранен. Избран председателем Звенигородской уездной управы Московского земства, в его ведении находились школы и медицинские учреждения уезда. Учредитель проекта первой в России электрифицированной пригородной железной дороги – трамвая «Воскресенск–Москва» (не осуществлен). Член Благотворительного общества при Воскресенской больнице, инициатор учреждения в Воскресенске библиотеки-читальни им. А.П. Чехова. Расстрелян 12.05.1921 года в Семипалатинске [3].

Матрена Григорьевна Попова (Цурикова) (1822 г. – 5 июля 1899 г.) – сестра Павла Григорьевича Цурикова. 31 мая 1843 года Матрена выходит замуж за московского торговца, мещанина Казенной слободы Санкт-Петербургского временного купца Максима Ефимовича Попова, который

после смерти П. Г. Цурикова выкупил у вдовы Ивановскую фабрику. Из отчета Благотворительного общества за 1899 год: «5 июля скончалась Матрена Григорьевна Попова, состоявшая с первых дней существования Общества его членом. Из отчетов за истекшие 2 года можно видеть, какое участие в делах Общества принимала М. Г. Важно ее материальное пожертвование на устройство яслей, но еще важнее была ее нравственная поддержка, поддерживать здоровье больных матерей. Цена содействие, М. Поповой постановили ходатайствовать об избрании ее в почетные члены Общества. Нельзя не пожалеть, что Обществу не удалось выразить эту признательность Матрене Григорьевне при жизни. Память покойной была почтена вставанием» [2], [10, с. 4].

Сергей Максимович Попов (31 марта 1862 г. – 26 июня 1934 г.) – купец, владелец суконных фабрик, филантроп, любитель музыки и театра. Его отец Максим Ефимович Попов – миллионер, владелец двух магазинов сукон в Москве, оптового склада сукон в Харькове, владелец двух московских квартирных домов и «Лоскутной гостиницы», находившейся рядом с магазином сукон в том же доме на Тверской, а также владелец нескольких лесных имений. Мать Матрена Григорьевна Попова (Цурикова) – сестра Павла Григорьевича Цурикова. Сергей окончил гимназию с золотой медалью, юридический факультет Московского университета, в 1885 году стал кандидатом прав. В 1888 году Сергей Максимович Попов переезжает с семьей на жительство в село Ивановское, где была расположена суконная фабрика. Он посвятил фабрике всю свою жизнь. Как истинный русский интеллигент, был человеком высокообразованным, человеком высочайших духовных качеств. По инициативе Сергея Максимовича в 1889 году, еще при жизни его отца, были составлены новые правила для рабочих, сразу изменившие в лучшую сторону их положение: восьмичасовой рабочий день, медицинское обслуживание, заработали школа и даже Народный театр. Сергей Максимович внес наибольшее пожертвование на строительство здания для Пречистенских рабочих курсов в Москве, что помогло завершить строительство [6]. Похоронен в Москве на Ваганьковском кладбище. Попов был почетным мировым судьей Звенигородского уезда, членом уездного училищного совета, попечителем приходских школ и сельских училищ. При его участии и материальной поддержке был построен каменный Троицкий храм в селе Троицкое на Истре. Тратил много средств на благотворительность [2]. Участвовал в составлении проекта устава Воскресенского благотворительного общества. 21 июля 1896 года избран пожизненным почетным членом Общества. Второе общее собрание членов Благотворительного общества 13 декабря 1898 г. постановило благодарить за пожертвование 100 р. Ежегодные взносы – по 50 р. Третьим общим собранием членов

Благотворительного общества 2 августа 1898 года С. М. Попов был избран членом Совета общества.

Любовь Васильевна Попова (Зубова) (1863–1923 гг.) – жена Сергея Максимовича Попова, верная помощница мужа. Ее родители: Василий Павлович и Клавдия Алексеевна Зубовы. Дети Поповых: Сергей, Павел, Ольга. Вторая дочь – Любовь Сергеевна Попова (1889–1924 гг.) (в замужестве Фон Эдинг) – живописец, график, художник декоративно-прикладного искусства, книги, театра, педагог, одна из «амазонок» русского авангарда.

Любовь Васильевна Попова за благотворительную деятельность 21 июля 1896 года была избрана пожизненным почетным членом Общества. Ежегодные взносы – по 50 р.

Попова Ольга Максимовна (1840–1885 гг.) – старшая сестра Сергея Максимовича Попова. Член Благотворительного Общества. Вносила значительные суммы на развитие Общества: 1897 году – 125 р., в 1898 году – 50 р., в 1899 году – 75 р. Третье общее собрание членов Общества 2 августа 1898 года постановило признать О. М. Попову пожизненным почетным членом за материальное и нравственное содействие делам Общества вообще и, в частности, за усердный почин и помощь по устройству убежища-яслей.

Аптекман Дора (Доротея) Исааковна (Игнатъевна) (1852 г. – после 1926 г.) – профессиональная революционерка-народница (псевдонимы: Гусар, И-ва, Д), земский врач. Родилась в уездном городе Бахмут Екатеринославской губернии Российской империи (ныне в Донецкой области РФ). Окончила Харьковскую женскую гимназию. Училась на медицинском факультете Цюрихского и Бернского университетов. Вошла в кружок русских студенток «Фричи». Сблизилась с В. Н. Фигнер. В 1877 году, после получения в Берне диплома врача, вернулась в Харьков. Была под наблюдением III Отделения полиции. Входила в петербургскую группу организации «Земля и Воля». Ввиду ее заявления о полном «раскаянии», в октябре 1878 года получила право держать экзамен. В 1879 году получила звание женщины-врача. Работала думским врачом, заведующей частной больницей, помощником в местной земской больнице. С 1893 года – земский врач, заведующая Ивановской фабрично-земской больницей в с. Ивановском (Звенигородский уезд, Московская губерния). Аптекман участвовала в составлении проекта устава Благотворительного общества. В Отчетах Общества за 1897, 1898, 1899 годы зафиксированы ее взносы по 5 р. ежегодно. 2 августа 1898 года была избрана кандидатом в члены Совета Общества. Из отчета Общества за 1910 год: «... в конце года произошла перемена: Доротея Игнатъевна Аптекман оставила службу на Ивановской фабрике и выехала в другую губернию, она сложила обязанности казначея общества... Совет выражает сожаление

по уходу Аптекман, она участвовала в работе с самого начала. В последнее пятилетие она была казначеем общества и вела дела аккуратно. Принимала на себя близко заботу о хронически больных, получающих пособие, следила за школьными прививками. А организация летом яслей – это было исключительно ее дело. Она связывала Воскресенский и Ивановский участки. Совет выражает ей глубокую признательность и надеется, что с возвращением в наши края она вернется в Общество» [15]. После 1926 года судьба Д. И. Аптекман неизвестна. Замужем не была, детей не было.

Зинаида Григорьевна Морозова (1867 г. – 1 сентября 1947 г.) – урожденная Зиновия Григорьевна Зимина, в третьем браке – Рейнбот, после начала 1-й Мировой войны – Резвая. Русская благотворительница, вдова и наследница Саввы Морозова, пайщица Московского художественного театра. Хозяйка подмосковных усадеб Горки и Покровское-Рубцово, а также неоготической усадьбы в Пресненском районе Москвы (ул. Спиридоновка, д. 17). В работе Воскресенского благотворительного общества принимала активное участие, организовала летние ясли для детей крестьян, жертвовала деньги на организацию Рубцовской школы.

Дора Семеновна Таубер – одна из первых женщин-врачей Московского земства, активный участник съездов врачей Московской губернии. Д. С. Таубер провела большую работу по санитарному обследованию школ Подольского уезда. В 1898 году было открыто госпитальное отделение Осташевского медицинского участка Можайского уезда. Первым и единственным врачом этой больницы была на тот момент Дора Семеновна Таубер. Благодаря неутомимой энергии, настойчивости, упорству этого врача Осташевская больница уже в то время считалась по праву одной из лучших. Была семейным доктором великого князя Константина Константиновича Романова, внука Николая I, который владел усадьбой Осташево с 1903 года. В 1931 году на свои личные средства построила детскую консультацию. Член Воскресенского благотворительного общества. Взнос за 1898 год – 3 р. [18][20].

Самое маленькое доброе дело лучше, чем самое большое намеренье (И. Кант)

Деятельность Благотворительного общества при Воскресенской земской лечебнице была подвижнической. Рассказ о добрых делах Общества – лучшая память о замечательных людях, его организаторах. Следует взглянуть в отчетную документацию Общества внимательно, чтобы понять, как трудно жили люди на рубеже XIX–XX веков. Сведения о деятельности Общества почерпнуты из материалов «Отчетов благотворительного общества при

Воскресенской земской лечебнице Звенигородского уезда» за 1896–97, 1897–1898, 1898–1899, 1899–1900, (–), 1901–1902, 1902–1903, 1903–1904, 1904–1905, (–), 1910–1911 годы¹. Каждая мелочь в этих Отчетах представляет интерес для историков, краеведов и просто тех, кто интересуется организацией социальной жизни людей.

Ежегодные общие собрания Общества проводились в помещении Воскресенской городской управы, в 1911 году – в зале городского училища. Устав был выработан в январе 1896 года. «Слагающееся направление практической деятельности общества, кроме помощи в случаях острой нужды, намечает по преимуществу два главных вопроса: организацию помощи неимущим больным, не нашедшим себе приюта в лечебнице или богадельне, и устройство убежища для детей во время пребывания их матерей на излечении в больнице» [20].

На первом общем собрании 21 июля 1896 года постановили:

1) Ходатайствовать перед Правительством согласно воле жертвователей о присвоении Неприкосновенному капиталу 3622 р. 30 к. имени врача П. А. Архангельского (в 1897 году это имя было присвоено).

2) Избрать единогласно пожизненными почетными членами Общества за содействие в организации Благотворительного общества бывших врачей М. М. Архангельскую и П. А. Архангельского и за оказание нравственного и материального содействия обществу А. С. Цурикову, Л. В. Попову, С. М. Попова.

3) Назначить проценты с неприкосновенного капитала 3622 р., согласно желанию П. А. Архангельского, на облегчение участи неимущих больных.

Помощь больным бедным людям

Благотворительное общество возникло при Воскресенской земской лечебнице, учредителями его были врачи. Поэтому первой заботой Общества была помощь больным людям. П. А. Архангельский в своей статье «По поводу благотворительных обществ при земских лечебницах Московской губернии» [5, с. 4–6], напечатанной в феврале 1897 года в «Сведениях о заразных болезнях и санитарно-врачебной организации в Московской губернии» пишет: «Земства Московской губернии с первых лет своего существования преследовали задачу устранения условий, вредящих здоровью населения, и обеспечения доступной для всякого заболевшего врачебной помощи», «настоящее положение земской санитарной части далеко еще не достигло

¹ Благодарю Сергея Павловича Носикова, истринского краеведа, автора глубоких книг по истории нашего края за помощь в работе с материалами «Отчетов Благотворительного общества при Воскресенской земской лечебнице Звенигородского уезда».

своего венца, что далеко еще то время, когда земство будет иметь возможность оказывать достаточную материальную помощь участковым санитарным советам», «...цель (Благотворительного общества): оказывать помощь нуждающимся больным и их семьям и иметь заботу о санитарном состоянии врачебного участка», «... нередки случаи, когда вылечившийся больной по недостатку своих средств не в силах приобрести, например, очки» [8, с. 3]. На облегчение участи неимущих больных, согласно желанию доктора Архангельского, был внесен неприкосновенный капитал – 3622 р., с которого ежегодно назначались проценты [8, с. 5]. Если больной нуждается в немедленном пособии, то заведующий врач может ему выдать не более 3 р. ... пособия выдавать преимущественно натурой. ... Из капитала Архангельского выдавать пособия в виде постоянных пенсий не более 3 р. [8, с. 3]. Каждый год бедным больным людям выдавались пособия деньгами, пенсии хроникам. В списках на денежные дотации были слепые, дряхлые, душевнобольные, слабоумные, калеки. Среди вещей, выданных больным, упоминались следующие: бандаж, валенки, сапоги, очки, мочеприемник, маточное кольцо, искусственная нога...

Год первый: 1896–1897. Обратилась член Благотворительного общества учительница Сысоевской школы Е. Ф. Домаховская с просьбой оказать помощь в поправке избы слепому мещанину И. Гуляеву, который проживал в сельце Сысоеве. Помогли трудом крестьяне за умеренную цену [8, с. 7]. Также была оказана помощь отставному унтер-офицеру из с. Телепнева Емельяну Михайлову, 75 лет [8, с. 7]. Таким образом, было выдано пособий хроникам из процентов – 87 р.; выдано временных пособий деньгами – 18 р. [8, с. 9].

Год второй: 1897–1898 [10]. Члены Общества собирали сведения о больных, нуждающихся в помощи, неспособных к труду в пределах Воскресенского медицинского участка. Помогали в этом учителя школ и священники селений: с. Бужерова, Брикова, Ильина, Лушков, Дарны, Рубцова, Никулина. Два кандидата на пособие были представлены священником с. Филатова. Собранный материал служил данными при распределении пособий. Всего на пособия хроникам ушло 129 р.

Год третий: 1898–1899. На третьем общем собрании члены Общества приняли решение «... оказывать помощь лишь неспособным к труду по увечью и дряхлости и не имеющих родственников» [10, с. 4]. Были представлены 9 кандидатов на пособие от Общества. Осмотрены врачами Воскресенской лечебницы. Приняты пятеро, четвертому – отказано [10, с. 7].

Год четвертый: 1899–1900. Обсуждался запрос Звенигородского земства: может ли Общество принять на себя призрение нуждающихся в уезде, в виде опыта по 200 р. на Общество при Воскресенской и Перхушковской лечебницах. Но Губернское земство отклонило запрос на 400 р. на пособие

Благотворительным обществам. Воскресенское общество ответило, что, согласно уставу, может выдавать пособия, а призрение, проектируемое управой в наемных избах без постоянного надзора, Совет считает делом, не достигающим цели. Однако Звенигородская управа сочла ответ Благотворительного общества как отказ [11, с. 5].

27 ноября 1899 года скончалась Мария Морицовна Архангельская, почетный член и учредитель Общества. Предложили капитал 426 р., полученный с базара, устроенного Л. В. Поповой в пользу Общества, назвать капиталом М. М. Архангельской для пособия хроническим больным [10, с. 7].

Год шестой: 1901–1902. Баланс кассы к 1 июля 1902 года: капитал имени П. А. и М. М. Архангельских – 4623 р. 40 к. Зачитано письмо С. М. Попова с желанием пожертвовать 8000 р. – капитал им. М. Г. Поповой на пособие с процентов хроникам района Ивановской фабрики. Поступило вновь еще 2000 р. от О. М. Поповой на пособие хроникам. Вынесли глубокую благодарность семейству Поповых за столь щедрый дар.

С. М. Поповым (4% государственная Рента) – 8200 р.; О. М. Поповым (4% государственная Рента) – 2000 р. Капитал им. М. Г. Поповой на пособие хроникам составил 9817 р. 50 к. Расход: страховка, почтовые расходы, пособие хроникам (378 р.) [19, с. 9]. Приведены сведения о лицах, получивших единовременное пособие, сведения о хронических больных, получающих пособие от Общества за отчетный период, указано, на что именно выданы средства. Среди тех, кому помогли, были слепые, хромые. Например, в деревне Высоково помогли Леонтию Васильеву, 68 лет. Указано, что у него старческий маразм, живет он в своей избе с женой, ходящей по миру.

Год седьмой: 1902–1903. Баланс Благотворительного общества к 1 июля 1903 г.: капитал имени врачей П. А. и М. М. Архангельских – 4623 р. 40 к.; капитал им. М. Г. Поповой на пособие хроникам – 9817 р. 50 к. Выданы пенсии 29 хроникам – 426 р.

Год восьмой: 1903–1904. За 7 лет отмечен рост деятельности Общества. За год состоялось 3 заседания Совета Общества. На них разбирались прошения лиц, желающих получить пособие. Отказано было матерям, вдовам на прокормление детей, т.к. это не входит в программу Общества. Требовалось обсудить этот вопрос, чтобы выработать отношение [14, с. 4]. Баланс Общества к 1 июля 1903 года: капитал имени врачей П. А. и М. М. Архангельских – 4623 р. 40 к., капитал им. М. Г. Поповой на пособие хроникам – 9817 р. 50 к. Поступило вновь: купоны по бумагам – 548 р., членских взносов – 579 р., от Л. В. Поповой – 75 р., сбор со спектакля на Ивановской фабрике – 25 р. [14, с. 6].

Год девятый: 1904–1905. Решено оказывать помощь сиротам. Сбалансировав бюджет, выяснилось, что увеличивать пособие хроникам нет возможности

[14, с. 4]. Движение кассы: капитал имени врачей П.А. и М.М. Архангельских – 4623 р. 40 к.; капитал им. М.Г. Поповой на пособие хроникам – 9817 р. 50 к. [16, с. 8]. На четырех страницах приведены сведения о хронических больных, получавших пособие от Общества в течение года. Выдавались пособия деньгами и вещами больным людям, пенсии 36-ти хроникам на сумму 613 р. [15, с. 14–17].

Год четырнадцатый: 1910–1911. Движение кассы по 1 января 1911 года: капитал имени врачей Архангельских – 4623 р., капитал имени М.Г. Поповой – 9817 р., капитал имени Ф.М. Нешумовой на приют-ясли – 125 р., капитал С.М. Попова на летние ясли – 3000 р., капитал имени М.С. Толмачева Было на 1 января 1910 года – 1529 р., на 1 января 1911 года стало 2029 р., капитал на библиотеку-читальню имени А.П. Чехова – 1589 р. Итого 23455 р. [16, с. 8]. Капиталы Общества переведены с 4% бумаг в 6%, что дает прибыль в 1466 р. [16, с. 13]. На хроников в 1910 году израсходовано 464 р., их было 27 человек. С 1911 года их осталось 20 [16, с. 10]. Трое умерло, двое приняты в барак для хроников при Воскресенской лечебнице, 1 выздоровел [16, с. 12]. Пособия, выданные больным: 4 пары катарактных очков – 6 р.; больному Минаеву на дорогу в Волоколамск – 3 р.; бандаж ...; протез для ампутированной ноги – 27 р. [16, с. 22].

Психиатрический диспансер

Кроме интенсивной работы в лечебнице, доктор Архангельский занимался научной деятельностью, им были опубликованы несколько статей в медицинской научной литературе. Но главным его научным трудом является изданная в 1887 году книга «Отчет по осмотру русских психиатрических заведений, произведенному по поручению Московского губернского земского санитарного совета врачом Воскресенской земской лечебницы П.А. Архангельским» по материалам командировки с 19 мая по 31 декабря 1886 года [6]. Всего Павлом Арсеньевичем было осмотрено 14 психиатрических заведений, из них 11 земских. За семь месяцев П.А. выполнил огромную программу исследований, о своей работе подробно рассказал в Отчете, который закончил словами: «...почту себя счастливым, если мой труд хоть сколько-нибудь облегчит нелегкую задачу Московского земства по организации призрения душевнобольных». Книга была издана большим тиражом, в январском номере журнала «Русская мысль» на нее была помещена рецензия, в которой сказано: «Отчет доктора Архангельского представляет хороший случай познакомиться с настоящим положением вопроса об умалишенных. Будучи составлен чрезвычайно обстоятельно

и с большим знанием дела, он представляет прекрасный обзор» [6]. В своей книге П.А. пишет, что в Московской губернии отсутствует лечебное заведение для душевнобольных, вследствие чего больные большею частью остаются в местах своего жительства и служат обузой для своих семейств и обществ. Уже в первый год существования Воскресенского благотворительного общества (1896–1897 гг.) через его Совет было послано заявление священника Лазаря Гниловского в Звенигородскую уездную управу о его желании на средства, ассигнуемые уездным земством на призрение хроников, содержать до 8 человек в имеющемся в селе Дарне, удобном для сего помещении [8, с. 4]. Труд Архангельского не пропал даром, хотя помощь людям с нарушением психики – дело непростое. В отчетах Общества упоминание о таком учреждении встречается за восьмой год существования Общества (1903–1904). По вопросу священника Л. Гниловского в предложенной для хроников богадельне при с. Дарне поручено обсудить этот вопрос и выработать основание для участия Общества в этом деле [14].

Ясли (приют-убежище)

Одним из первых важных и сложных дел, которое смогло решить Общество – это строительство и организация работы при лечебнице убежища для малолетних детей. «Т.к. женщины-матери нередко не могут лечиться потому, что не на кого оставить малолетних больных, а также с целью научить матерей правильному кормлению», было поручено Совету разработать вопрос об убежище для детей при лечебнице.

Первый год: 1996–1997 [8]. Врач М.С. Толмачев доложил, что нужны ясли, по крайней мере, на 4-х детей. Было определено, что постройка нового здания приюта обойдется в 1019 р., на содержание 4-х детей – 146 р., обзаведение бельем и мебелью, оплата работы сиделок – всего 365 р. Имелись средства (887 р.) для постройки здания. Собрание с благодарностью приняло заявление члена Общества А.Н. Брусиловой о том, что она принимает на себя обзаведение яслей бельем. Решили приступить к работе по постройке деревянных яслей на кирпичном фундаменте. В проекте: длина – 16 аршин, ширина – 8 на 2 комнаты. В смете, предоставленной доктором М.С. Толмачевым, была указана сумма – 1100 р. (Лесной материал – 331 р., плотничная работа – 231 р.) [8, с. 17]. Материал – 396 р., малярная работа – 86 р., всего – 1044 р. [8, с. 18].

Второй год: 1897–1898 [9]. Со строительством яслей было все непросто. «Ясли являются полезным дополнением к больнице ..., земство будет устраивать и поддерживать их подобно родильным и изоляционным баракам. Некоторые выражали сомнение. Собрание проголосовало (17 против 7)

за постройку приюта-яслей. Было решено приступить к постройке яслей немедленно, поручив это дело врачу М.С. Толмачеву. Собрание постановило: благодарить А.Н. Брусилову за пожертвование 100 р. на приют-ясли, выраженное ею желание принять на свой счет обзаведение приюта бельем. Благодарили С.М., Л.В., М.Г. и О.М. Поповых за пожертвования. Собранной суммы оказалось мало, так как проведение железной дороги подняло цены на материалы, рабочие руки и подводы. Совет решил недостающие 450 р. отчислить из остатков общих сумм. Губернская управа разрешила постройку приюта-яслей в усадьбе лечебницы» [8, с. 4]. Приступили к постройке в начале Великого поста, к ноябрю этого года постройка была закончена и приют был готов функционировать. Пожертвовано на приют-ясли:

А.Н. Брусиловой и др. – 111 р. 50 к. (10 т. кирпича в 80 р.), С.М., М.Г., О.М. Поповыми – 100, 25, 25 р., от спектакля в г. Воскресенске – 154 р. 60 к., со спектакля на фабрике С.М. Попова – 31 р. 50 к., кружечный сбор при Воскресенской лечебнице – 16 р. На постройку имелся остаток от прошлого года 775 р. и 422 р. пожертвованных. Недостающие 485 р. пополнены из общих остатков [9, с. 6]. Статьи расхода: материал лесной – 668 р., провоз кирпича – 86 р., работа плотничная – 400 р. Общая стоимость приюта обошлась в 1763 р. [9, с. 13]. Приют представляет собой бревенчатое здание на кирпичном сплошном фундаменте 15 аршин длины и 10 аршин ширины, с холодной пристройкой, крыто железом, покрашенным медянкой. Отопление – изразцовые печи-голландки, вода – из больничной трубы. На плане приюта: № 1 и № 2 – палаты, № 3 – комната для сиделки, № 4 – ванная с клозетом, № 5 – сени, № 6 – чулан, № 7 – холодные сени, № 8 – терраса [8, с. 14]. Было решено ассигновать 365 р. на содержание приюта-яслей.

Год третий: 1898–1899 [11]. Ассигновка на содержание приюта – 365 р. Ходатайствовали об избрании в почетные члены Общества А.Н. Брусиловой и О.М. Поповой за материал и нравственное содействие делам общества и помощь по устройству убежища-яслей. Собрание единогласно признало их пожизненными членами. Выразили благодарность М.С. Толмачеву за заботы по постройке приюта [10, с. 8]. Помощь губернского земства в поддержке яслей: ремонт, отопление, освещение, страховка – всего на 200 р. В отношении помещенных в приют двоих детей-сирот Николая (5 лет) и Павла (2 лет), незаконнорожденных детей замерзшей прошлой зимой вдовы крестьянки д. Ермолиной, Совет постановил ходатайствовать о помещении Николая в детский приют Московского губернского земства в с. Мещерское, а Павла пока оставить. В отчете приведены сведения о детях, бывших в приюте-убежище: Ф.И., местожительство, возраст, телосложение, питание (от груди), даты поступления и выписки, примечание (при больной матери, сирота).

Приют функционировал с ноября 1898 г. по 1 июля 1899 г. В убежище-яслях содержались 14 детей больных матерей и временно призывались 4 детей (всего 18). Они провели 467 дней, из них 4 провели 351 день на обычном больничном питании с половинной нормой продуктов. Для кормления грудью ребят носила няня из приюта в лечебницу к больной матери 4 раза в день. Взрослые дети играли во дворе. Расход на содержание приюта: молебн при открытии – 3 р., страховка – 13 р., икона 1,5 р., сиделка с ноября по 1 июля по 8 р. – 59 р. Итого 114 р. Продовольствие детей – 30 р., топление 3-х печей – 99 р., освещение (2 лампы) – 6 р. Всех расходов 250 р., из них 135 р. из средств лечебницы. Эта сумма внесена в кассу Губернской Управы. Пожертвовано на приют-ясли: О.М. Поповой – 25 р., А.Н. Брусиловой – 200 р. Из них уплачено за полотно и одеяла – 105 р., истрачено 130 р. 30 к., осталось 69 р. 70 к. Налицо в настоящее время простынь больших – 17, малых – 14, пеленок – 23 и 12. Учтены рубашки, штаны, платья, платки, кофточки, наволочки, матрасы малые – 10, большие – 4, юбки, чулки, одеяла, чехлы, пальто, сапоги, башмаки... Берг пожертвовала поношенного белья: рубашек детских – 22, шапок ... платков ... [10, с. 25]. Был предложен проект сметы на содержание яслей в 1899–1900 году: продовольствие – 52 р., стирка белья – 5 р., ремонт – 10 р., прислуга – 114 р., отопление – 99 р.

Год четвертый: 1899–1900 [11]. Записано решение: в убежище-приют надо помещать еще и сирот. Решили ходатайствовать перед Московским губернским земством о 200 р. на приют. Московское губернское земство ответило, что приняло на свой счет только отопление приюта. Так же, как и в предыдущем году, указаны подробные сведения о детях, бывших в приюте-убежище. Расходы на приют-убежище: 3 полушубка – 7 р., 2 диванчика – 2 р., игрушки – 1 р., жалование няни – 60 р., страховка, пакля, средства, полученные от продажи пожертвованного белья – 16 р. Итого – 92 р. По Московскому губернскому земству: на харчи и нянек, продовольствие, освещение, мыло... Итого – 165 р. Весь расход на приют 258 р. Призревалося за год 25 детей, матери которых лечились в Воскресенской лечебнице, и еще 8 сирот умерших матерей. Полная стоимость ежедневного содержания на ребенка – 30 к. Пожертвованы вещи: от О. Берг: детское белье – 141 предмет, обувь – 15 пар. Из оставшихся 69 р. 70 к., пожертвованных А.Н. Брусиловой, израсходовано в этом году 28 р. 13 к. Осталось 42 р. От Е.Ф. Домоховской: обувь – 1 пара. От Л.В. Поповой пожертвован 1 самовар, 1 поднос, 6 ложек. Ходатайствовали в Московское губернское земство о субсидии 200 р. на содержание здания яслей.

Год шестой: 1901–1902 [11]. В приюте-убежище содержались 29 детей больных матерей и временно призывались трое сирот.

Год седьмой: 1902–1903 [12]. Разрешили расход из остатка в 250 р. на обшивку тесом и наружную окраску приюта-убежища для детей. Внесено на приют-убежище для детей Общества: по завещанию Фионы Никифоровны Нешумовой – 125 р.; от Николая Николаева на приют-убежище – 7,5 р. В приюте-убежище содержались 23 ребенка больных матерей и временно призревались 3 сирот. Израсходовано – 284 р. Разрешили расход из остатка в 250 р. на обшивку тесом и наружную окраску приюта-убежища для детей.

Год восьмой: 1903–1904 [13]. Обшивка тесом приюта-убежища для детей, определенная прошлым собранием из запасного капитала, была произведена осенью 1903 г. Пожертвованный капитал Ф.Н. Нешумовой 125 р. на детский приют постановлено сделать неприкосновенным, и% с него расходовать на приют-убежище. От Н. Николаева на приют-убежище – 17 р. Израсходовано на приют-убежище – 246 р.

Год девятый: 1904–1905 [14]. Решено оказывать помощь сиротам. От Н. Николаева на приют-убежище – 24 р. Указаны сведения о детях, бывших в приюте-убежище. Всего их было 32 ребенка, чьи матери лежали в больнице, и было 3 постоянных ребенка. Затраты на всех – 205 р. С учетом других расходов на приют (починка, шитье, платья, сапоги...) общая сумма – 308 р.

Год четырнадцатый: 1910–1911 [15]. В приют-яслях при Воскресенской лечебнице за год было 39 детей, в их числе 2 постоянных воспитанника, Петя и Вася. Остальные были при больных матерях. Все вместе провели 1422 дня, или по 18 дней в среднем. Общий расход приюта 361 р. (в другом месте – 350 р.). Пожертвовано на приют-ясли О.М. Поповой – 25 р.

Сведения о детях, находящихся в яслях (приют-убежище)

Год работы Общества	3-й, 1898–1899	4-й, 1899–1900	6-й, 1901–1902	7-й, 1902–1903	9-й, 1904–1905	14-й, 1909–1910
Дети больных матерей	14	25(26?)	29	23	32	37
Сироты	4	8	3	3	3	2
Итого детей	18	34	32	26	35	39

За каждой цифрой – человеческая судьба.

Школьные приварки

Год второй: 1897–1898 [9]. В отчетном году появился новый вид благотворительности – школьный приварок. Проблема была насущной. «В школу

приходят ученики за несколько верст (за 2–3 версты), уходя рано утром и возвращаясь к вечеру, а в дурную погоду и морозы ночуют в школе. Крестьянские дети питаются скудно, в школу приносят только хлеб. Дети, посещающие школу, остаются без горячей пищи. Детские организмы слабеют». С.П. Берг пожертвовал на сей счет 200 р. [9, с. 6]. В 10 школах (церковно-приходских либо земских) Воскресенского участка были организованы школьные приварки. Совет счел долгом выразить глубокую благодарность учителям, взявшим нелегкий труд устройства приварка, и постановил предоставить им права членов-сотрудников Общества (имена перечислены в последней колонке таблицы). Питание организовывалось с начала Великого поста и до 7 мая (за три последних месяца учения).

Сведения о школьном приварке за 1898 год [10, 12–13]²

№	Школа	учени-ков	порций	общая стои-мость	стои-мость порции	организатор
1.	Бриковская земс.шк.	45	2024	13 р. 98 к.	0,69 к.	уч. М.М. Банников
2.	Дарновская ц-пр.шк.	60	2400	12 р. 78 к.	0,53 к.	св. Л. Гниловский
3.	Ильинская ц-пр.шк.	30	1453	8 р. 75 к.	0,60 к.	уч. О.М. Кистрина
4.	Лучинская земс.шк.	47	1351	8 р. 51 к.	0,62 к.	уч. Е.И. Никольская
5.	Никулинская ц-пр.шк.	40	808	5 р. 12 к.	0,63 к.	св. Ф. Фивейский
6.	Рубцовская земс.шк.	34	1622	12 р. 22 к.	0,75 к.	уч. А.П. Гиляров
8.	Скрябинская земс.шк.	30	915	112 р. 83 к.	1,40 к.	уч. Д.П. Смирнов
9.	Сысоевская земс.шк.	32	1673	9 р. 12 к.	0,54 к.	уч. Е.Ф. Домоховская
10.	Телепневская земс.шк.	33	384	3 р. 17 к.	0,88 к.	уч. А.Д. Банникова

В стоимости питания не учтена покупка котла, чашек, ложек (обошлось в среднем 2 р. 22 к. на школу). Во всех школах завтрак получали 251 ученик, из них еще 42 получали и ужин. Выдано 12950 порций. Общество признало полезным организацию приварка. Решено школьный приварок поддерживать остаточными средствами. О школьном приварке сделала доклад врач Н.И. Любимова [9, с. 17]. Организацию завтраков поддерживает министерство народного просвещения. Приварок получали те дети, которые за дальностью расстояния не могли ходить домой обедать. Ужин был там, где оставались на ночлег. Заботу взяли на себя заведующие школами. На полученные деньги они закупали провизию и платили за приготовление пищи. На провизию и варку в среднем было 9 р. на школу. Постом варились

² Седьмая школа пропущена в документе.

одно из 3-х блюд: щи со снятками³, суп картофельный со снятками, гороховый суп или гречневая каша. После Пасхи в суп добавлялось мясо. Дети имели свой хлеб и свои ложки. Приварок сослужил хорошую службу, дети исправнее посещали школу, занимались успешнее [9, с. 19]. Возник вопрос – как продолжать начатое дело. Учителя и священники просят продлить это благое дело. Благодаря приварку крепнет нравственная связь между школой и населением. Продолжить это дело нужно. Если Общество продолжит это дело, то привлечет симпатии населения. Бояться недостатка средств было бы ошибкой. Если Общество устроит это хорошее дело, то привлечет больше средств [9, с. 20].

Год третий: 1898–1899. Тема школьных приварков активно обсуждалась на собрании, были мнения против, так как питание – прямая обязанность родителей [10, с. 4]. Любопытные детали: «Ранее ученики обыкновенно приносили из дома хлеб и бутылочный чай, квас или молоко, в редких случаях ходили столоваться к своим родственникам. Были попытки устроить сообща «варево», но из-за масла и других мало делимых предметов выходили недоразумения, и дело расстраивалось». Совет благодарит жертвователей С.М. и О.М. Поповых, С.П. Берг, а также священников и учителей по организации школьного приварка. Ради сокращения расходов решено до 15 ноября не давать приварка, т.к. у крестьян в это время больше достатка, имеются овощи, молоко. С благодарностью принято заявление Б.А. Брусилова, попечителя Божаровской школы, о принятии на будущий год содержание приварка на свой счет [10, с. 8]. Пожертвовано на школьный приварок: С.М. и О.М. Поповы – 251 р. и 25 р., С.П. Берг – 200 р. В 1898–99 учебном году школьный приварок организован на пожертвования – 494 р. Приварок был организован в 16 школах, 574 учеников (88% от всех и все ночующие). Порция обошлась в среднем 0,7 коп, родители учеников приносили капусту и картофель (при их покупке добавилось бы еще 0,1–0,2 к.). Доставка капусты и картофеля производилась так: группа из 3–4 учеников приносила 1 меру картофеля и 1 ведро по очереди через 4–6 дня (Божаровская школа). В Бриково было пожертвовано 3 р. деньгами, кроме того, группами по 7 человек приносили попеременно картофель и грибы. Их сбором были заняты сами ученики. В Еремеевской, Сысоевской, Телепневской, Скрябинской, Рубцевской школах сразу доставлялось от каждого ученика по 1/8–1/4 меры картофеля. В Талицкой, Лужецкой, Ильинской, Троицкой, Степаньковской, Дарновской не было

помощи от населения. А эта помощь была важна, помощь приближает родителей к школе [10, с. 16]. В Божаровской школе участие в приготовлении пищи принимала все время мать учителя, госпожа Смирнова. Стоимость приготовления, т.е. приплата кухарке, составляла в среднем 1/8 всего расхода. Обедали обычно все ученики из дальних деревень, так и местные во все дни, кроме субботы. А в субботу – только оставшиеся после 12.00 на спевку. Еще получали приварок в воскресенье после чтения оставшиеся ночевать на понедельник. Кроме того, (приварок) во время спевок (Рубцовская школа) давали перед Рождеством. Много обсуждали – давать ли приварок местным ученикам (кто близко живет). Как правило, давали всем, кроме учеников, у кого состоятельные родители, эти дети ходили обедать домой. [10, с. 17].

Сведения о школьном приварке за 1898–1899 учебный год [10, с. 18].

№	школа	Учеников	порций	общая стоимость	стоимость порции	организатор	готовил еду
1.	Божаровская ⁴ земс. шк.	35	1875	11 р. 30 к.	0,6 к.	уч. Вс. Смирнов	мать учителя
2.	Бриковская земс. шк.	50	4140	29 р. 50 к.	0,7 к.	уч. М.М. Банников	сторожика
3.	Дарновская ц-пр. шк.	60	500	36 р. 80 к.	0,6 к.	св. Л. Гниловский	хозяйка избы
4.	Еремеевская земс. шк.	58	2322	29 р. 62 к.	0,6 к.	уч. И.Н. Афонская	сторож
5.	Ильинская ц-пр. шк.	32	3000	20 р. 17 к.	0,7 к.	уч. О.М. Кистрина	прислуга, учительницы
6.	Лужецкая ц-пр. шк.	72	6529	57 р. 6 к.	0,9 к.	уч. С.А. Каменский	прислуга
7.	Лучинская земс. шк.	30	3300	20 р.	0,6 к.	уч. Е.М. Банникова	сторожика
8.	Никулинская ц-пр. шк.	24	2400	11 р.	0,5 к.	св. Ф. Фивейский	–
9.	Рубцовская земс.шк.	32	4300	25 р.	0,6 к.	уч. А.П. Гиляров	сторож
10.	Скрябинская земс. шк.	29	3900	24 р. 96 к.	0,6 к.	уч. Д.П. Смирнов	–
11.	Степаньковская ц-пр. шк.	36	3600	25 р.	0,7 к.	уч. Е. Соловьева	–
12.	Сысоевская земс. шк.	37	3600	18 р. 31 к.	0,6? к.	уч. Е.Ф.Домоховская	–
13.	Талицкая земс. шк.	52	3000	32 р. 75 к.	0,9 к.	уч. Е.З. Иванова	прислуга, учительницы
14.	Телепневская земс.шк.	30	910	7 р. 42 к.	0,8 к.	уч. Спасская	–
15.	Троицкая ц-пр.шк.	52	4800	40 р. 2 к.	0,8 к.	св. В. Лебедев	сторожика

⁴ Встречается разное написание названия школы: Божаровская, Божоровская, Бужаровская.

³ Сняток (снеток) – мелкая промысловая озерная рыба семейства корюшек.

Всего 54 726 порций на 401 р. 70 к. Приварок стали давать 15 ноября и примерно до 15 мая (около 100 дней). Полная стоимость приварка, считая стоимость принесенных крестьянами продуктов – максимально 1 р. А если посчитать приносимый детьми хлеб, то получится 1,5 р. (?). Приварок в школе занимал 0,5 часа большой часовой перемены, редко $\frac{3}{4}$ часа (там, где обедали малыми группами) [10, с. 19]. В Божаровской школе были принесены местными жителями лишние столы и скамейки, обед устраивался в раздевальне. Попечителем школы Б. А. Брусиловым был устроен большой стол и скамьи, и теперь все обедали сразу. В Скрябинской, Сысоевской и Талицкой школах также стали обедать в раздевальне за общим столом. В Лучинской и Троицкой школах обедали на кухне в 2 смены, в Телепневской – в 1 смену. В Еремеевской школе – в классе в 3 смены за столом, устроенным С. М. Поповым. В Дарновской – в нанятой напротив школы избе в 2 смены. В Лужецкой – в классе за особым столом, стоя, по 20 человек в очередь. В Рубцовской – на классных скамьях. В Брыковской обедали на скамьях, сидя на полу. Приварки оказывали положительное влияние на посещаемость, успехи в учебе и на спевки. Осталось от выделенной суммы на приварки – 76 р. 33 к. [10, с. 20]. Был устроен приварок в 16 школах. В следующем году решили, что целесообразно придерживаться того же.

Год четвертый: 1899–1900. Было высказано желание приобрести стол и инвентарь для школ, где организуют приварок [11, с. 4]. «Благодарить С. П. Берг и С. М. Попова за пожертвования на школьный приварок. С. П. Берг включить в пожизненные члены» [11, с. 5]. Приварок выдавался уже не в 16, а в 20 школах (602 р.). Учителя крайне просили усилить приварок для ночующих в виде утреннего чая. Решено было приобрести чайники, а чай и сахар пусть доставляют родители, недостающая сумма может пополняться Обществом, но не более 10 к. на полгода на ночующее лицо [11, с. 7]. Пожертвовано на школьный приварок: С. М. и Л. В. Поповы – 300 р.; С. П. Берг – 200 р.; Б. А. Брусилова на Божаровскую школу – 33 р. 81 к. Пожертвование через священника Ф. Фивейскаго в Никулинскую школу – 21 р. 15 к.; через А. М. Михайлова на Степановскую школу – 3 р. 25 к. [11, с. 8]. Приварок состоял в скоромные дни из щей или картофельного супа со свиной, в постные дни со снятками на подсолнечном масле, из супа горохового и крупяного. В большинстве школ обедали все ученики, кто желал, а в Павловской и Лужецкой – только из дальних селений и беднейшие, а в Рубцовской – кроме троих местных. Участие населения выразилось в следующем: в Никулинской и Ильинской школах собрано по 0,5 ведра картофеля с ученика, в Божаровской – по 1 мере картофеля и по ведру капусты (с ученика), в Лучинской школе – всего 15 мер картофеля и 7 ведер

капусты, в Рубцовской от 0,5–1 меры картофеля, немного капусты и гороху. В Павловской – по 0,5 меры картофеля, в Еремеевской и Телепневской – по 0,5 меры. В Степанковской весь картофель на приварок пожертвовал земский начальник А. И. Бабст. Ночующие носили свой чай и сахар. За приготовление платили от 50 к. до 1 р. в месяц, в Божаровской школе этот труд приняла на себя мать учителя г. Смирнова. Приварок готовили в кухне школы, обедали в классе и раздевальне, в Ильинской и Брыковской – в сторожке. За истекший год произошли некоторые улучшения в обстановке по приварку в Брыковской школе: устроены разборные столы, приобретены 50 эмалированных мисок взамен износившихся за 3 года железных и 10 больших эмалированных чайников. От Общества выдавался чай на 10 к. на полгода на каждого ночующего [11, с. 15]. На приварок пожертвовано в 1899–1900 году – 591 р. Устроен приварок в 20 школах Звенигородского уезда: Божаровская, Брыковская, Дарновская, Еремеевская, Ильинская, Лужецкая, Лучинская, Никулинская, Покровская, Рубцовская, Скрябинская, Степановская, Сысоевская, Талицкая, Телепневская, Троицкая. В школах, которые стали организовывать школьный приварок впервые, ситуация была следующей:

<i>школа</i>	<i>учени- ков</i>	<i>порций</i>	<i>общая стои- мость</i>	<i>стои- мость порции</i>	<i>организатор</i>
Степаньковская ц-пр.шк.	24	2328	28 р. 25 к.	1,1 к.	–
Павловская ц-пр.шк.	40	1555	24 р. 4 к.	1,5 к.	св. П. Скобеев

В следующем году целесообразно придерживаться того же.

Год шестой: 1901–1902. Признано целесообразным расширить район школ для приварка, но не выходить за ценность каждой порции в 0,75–1 к. [12, с. 3]. Было обращение к попечителям школ за содействием в организации приварка. Саввинское отделение Кирилло-Мефодиевское братство за подписью епископа Трифона выразило благодарность за заботу об учащихся 5-и церковно-приходских школ, в которых был устроен горячий приварок [12, с. 4]. Пожертвовано на школьный приварок [12, с. 8]: С. М., Л. В., О. М. Поповы – 325 р.; С. П. Берг – 200 р.; Н. Ф. Крушинского на Александровскую школу – 25 р.; Б. А. Брусилова на Божаровскую школу – 30 р.; через священника Ф. Фивейскаго в Никулинскую школу 4 р. 62 к.; А. М. Михайлова – 5 р.. Всего 627 р. Школьный приварок был устроен в 21 школе на 542 р. [12, с. 9].

Сведения об организаторах школьных приварков
за 1901–1902 учебный год [13, с. 19].

№	Школа	организатор
1	Александровская ц-пр.шк.	св. Тропаревский
2	Божаровская земс.шк.	Ю. Доннер
3	Брыковская земс.шк.	М.М. Банников
4	Дарновская ц-пр.шк.	св. Л. Гниловский
5	Еремеевская земс.шк.	Н. Афонская
6	Ильинская ц-пр.шк.	св. Д. Гиляров
7	Лужецкая ц-пр.шк.	св. Н. Скобеев
8	Лучинская земс.шк.	Е. Никольская
9	Никулинская ц-пр.шк.	св. Ф. Фивейский
10	Огниковская ц-пр.шк.	Е. Соловьева
11	Павловская ц-пр.шк.	св. П. Скобеев
12	Покровская земс.шк.	М. Никольская
13	Рубцовская земс.шк.	А. П. Гиляров
14	Скрябинская земс.шк.	А. Ильина
15	Сысоевская земс.шк.	Е. Климетова
16	Талицкая земс.шк.	Е. З. Иванова
17	Телепневская земс.шк.	М. И. Воронина
18	Троицкая ц-пр.шк.	св. В. Лебедев

Решили, что в следующем году целесообразно придерживаться того же.

Год седьмой: 1902–1903. Была вынесена глубокая признательность семейству Поповых за вновь щедрое пожертвование, кроме прежних 8000 р., еще 2000 р. От Поповых 325 р. на школьный приварок (от С.М., Л.В. и О.М. Поповых – 200, 100, 25 р.) и С.П. Берга за ежегодные пожертвования на приварок 200 р., от Б.А. Брусилова на Божаровскую школу – 30 р. Расход на школьный приварок – 632 р. [13, с. 9].

Сведения о школьном приварке за 1902–1903 учебный год [13, с. 16]:

№	школа	уче-ников	пор-ций	общая стои-мость	на при-слугу	стои-мость порции	организатор
1	Александровская ц-пр.шк.	13	926	11 р.	3 р.	0,8 к.	св. Тропаревский
2	Божаровская земс.шк.	34	2503	23,5 р.	–	0,8 к.	Ю.А. Доннер
3	Бриковская земс.шк.	60	4450	40 р.	4 р.	0,8 к.	М.М. Банников
4	Дарновская ц-пр.шк.	52	4223	47,5 р.	7,5 р.	0,9 к.	св. Л. Гниловский
5	Еремеевская земс.шк.	53	4790	37 р.	5 р.	–	Н. Афонская
6	Ильинская ц-пр.шк.	27	–	12 р. 92 к.	4,5 р.	–	св. Д. Гиляров
7	Лужецкая ц-пр.шк.	–	3049	33 р. 71 к.	6 р.	1 к.	Н. Скобеев
8	Лучинская земс.шк.	48	1965	19,5 р.	4 р.	0,8 к.	Е.М. Банникова
9	Никулинская ц-пр.шк.	38	2237	37 р.	1,5 р.	1 к.	св. Ф. Фивейский
10	Огниковская ц-пр.шк.	25	–	20 р. 35 к.	2,4 р.	0,5 к.	Е. Соловьева
11	Павловская ц-пр.шк.	36	2185	27 р.	5,5 р.	1,2 к.	св. Н. Скобеев
12	Покровская земс.шк.	73	–	55 р.	8 р.	–	М. Никольская
13	Рубцовская земс.шк.	50	5630	34,6 р.	4 р.	0,6 к.	А. П. Гиляров
14	Скрябинская земс.шк.	16	1525	13,75 р.	3 р.	0,9 к.	А. Ильина
15	Сысоевская земс.шк.	47	–	28 р. 47 к.	2,25 р.	–	Е. Климетова
16	Талицкая земс.шк.	–	–	50 р.	–	–	Е. З. Иванова
17	Телепневская земс.шк.	40	3295	23 р.	4,5 р.	0,7 к.	М.И. Воронина
18	Троицкая ц-пр.шк.	37	3386	31 р. 32 к.	5,2 р.		св-к В. Лебедев

Устроен приварок в 21 школе Звенигородского уезда на 741 р. [13, с. 18].

Год восьмой: 1903–1904. Заявлено о пожертвовании Б.А. Брусиловым 1000 кочанов капусты на школьный приварок. Решено не брать на себя приварки в Уборовской школе ввиду ее близости к Перхушевскому Благотворительному обществу [14, с. 4]. Церковно-приходские школы в Ламишино взять в район Воскресенского Благотворительного Общества, если будет достаточно на это средств [14, с. 4]. Поступили пожертвования на школьный приварок: от С.П. Берг – 200 р., З.Г. Морозовой (для Рубцовской школы) – 54 р. 60 к., от Л.В. Поповой – 75 р., от Б.А. Брусилова на Божаровскую школу – 25 р. Сбор со спектакля на Ивановской фабрике – 25 р. Израсходовано на школьный приварок – 530 р. [14, с. 6].

Сведения об организаторах школьных приварков
за 1903–1904 учебный год [14, с. 18]:

№	Школа	организатор
1	Александровская ц-пр. шк.	св. Тропаревский
2	Божаровская земс. шк.	Ю. А. Доннер
3	Брыковская земс. шк.	М.М. Банников
4	Дарновская ц-пр. шк.	св. Л. Гниловский
5	Еремеевская земс. шк.	Н. Афонская
6	Ильинская ц-пр. шк.	св. Д. Гиляров
7	Лужецкая зем. шк.	св. Н. Скобеев
8	Лужецко-Павловская ц-пр. шк.	св. Н. Скобеев
9	Лучинская земс. шк.	Е.М. Банникова
10	Никулинская ц-пр. шк.	св. Ф. Фивейский
11	Никулинская зем. шк.	св. Беляев
12	Огниковская ц-пр. шк.	Е. Соловьева
13	Павловская ц-пр. шк.	св. П. Скобеев
14	Покровская зем. шк.	М. Никольская
15	Рубцовская земс. шк.	А. П. Гиляров
16	Скрябинская земс. шк.	А. Ильина
17	Сысоевская земс. шк.	Е. Климетова
18	Талицкая земс. шк.	Е. З. Иванова
19	Телепневская земс. шк.	М.И. Воронина
20	Троицкая ц-пр. шк.	св. В. Лебедев

Год девятый: 1904–1905. На заседании 31 октября решено выдавать приварок в Горкинскую и Ламишинскую школы. [15, с. 4]. Поступили пожертвования на школьный приварок: от О.М. и С. М. Поповых – 25+300 р.; от Б.А. Брусилова – 44 р. [15, с. 6]. Есть указание на то, что Рубцовская земская школа находится на содержании З.Г. Морозовой. Расход на школьный приварок – 576 р. [15, с. 7].

Сведения о школьном приварке за 1904–1905 учебный год [15, с. 18]:

№	Школа	уче-ников	общая стоим-мость	стои-мость порции	организатор
1	Александровская ц-пр.шк.	14	11 р.	1,1 к.	св. Тропаревский
2	Бужаровская земс.шк.	53	44 р.	0,7 к.	Ю. А. Доннер

№	Школа	уче-ников	общая стоим-мость	стои-мость порции	организатор
3	Брыковская земс. шк.	65	40 р.	0,9 к.	М. М. Банников
4	Горковская шк.	23	18 р. 63 к.	0,9 к.	–
5	Дарновская ц-пр. шк.	48	48 р. 41 к.	1 к.	св. Л. Гниловский
6	Еремеевская земс. шк.	–	–	0,75 к.	Н. Афонская
7	Ильинская ц-пр. шк.	44	20 р.	0,5 к.	св. Д. Гиляров
8	Ламишинская ц-пр.шк.	27	22 р.	0,6 к.	А.П. Кадышев
9	Лужецкая зем. шк.	52	30 р.	–	св. Н. Скобеев
10	Лужецко-Павловская ц-пр. шк.	40	–	–	св. Н. Скобеев
11	Лучинская земс. шк.	52	22 р. 80 к.	0,9 к.	Е. М. Банникова
12	Никулинская ц-пр. шк.	41	35 р. 54 к.	1 к.	св. И. Беляев
13	Огниковская (Огневская) ц-пр. шк.	32	24 р. 32 к.	0,5 к.	Е. Соловьева
14	Павловская ц-пр. шк.				св. Н. Скобеев
15	Покровская зем. шк.	80	50 р.	0,75 к.	М. Никольская
16	Рубцовская земс. шк.	54			А. П. Гиляров
17	Скрябинская земс. шк.	23	17 р.	0,8 к.	А. Ильина
18	Сысоевская земс. шк.	47	25 р. 24 к.	0,6 к.	Е. Климетова
19	Талицкая земс. шк.	45 р.	33 р. 40 к.	1 к.	Е. З. Иванова
20	Телепневская земс. шк.	37	26 р. 87 к.	0,7 к.	М. И. Воронина
21	Троицкая ц-пр. шк.	37	10 р.	–	св. В. Лебедев

Был устроен приварок в 22 школах Звенигородского уезда. В следующем 10-м году было решено, что целесообразно придерживаться того же.

Год 14-й: 1910–1911. Собрание утвердило повышение сметного назначения на школьный приварок с 560 до 650 р. ввиду необходимости организации приварка еще в 4 школах: Зенькинской, Полевшинской, Еремеевской и Мокрушинской. Отказано Васильевской и Синевской школам, т.к. это другой участок (обслуживаются только Воскресенский и Ивановский участки). Приветствовалось участие населения продуктами на приварок, т.к. средства Общества не позволяли расходовать более 1–1,5 к. в день на 1 учащегося, и только в продолжение 2-х больших постов. Общество обратилось в уездное Земство на пособие на приварки, чтобы охватить весь учебный год и повысить ценность приварка. На школьный приварок израсходовано 604 р. в 22 школах. При

участии населения доставкой картофеля и капусты расход на ученика в день превысил ненамного 1 к. Дети по-прежнему получали горячее варево из круп, гороха. Хлеб приносили с собой. Звенигородское уездное земское собрание ассигновало 300 р. на приварки в школы всего уезда. В отзывах учителей был призыв увеличить ценность приварка до 2 к., чтобы он был в течение всего года. Некоторые жаловались, что в школе нет помещений для хранения продуктов, просили, чтобы у каждого ученика была своя тарелка [16, с. 13].

Организация школьного приварка обошлась Обществу в 650 р.

Сведения о школьном приварке за 1910–1911 учебный год [16, с. 23]:

№	Школа	учени-ков	общая стои- мость	стои- мость порции	организатор	кто готовит пищу	
1	Бужаровская земс. шк.	49	48 р.	0,9 к.	уч. Н. Бутягина	школьная прислуга	
2	Брыковская земс. шк.	50	40 р.	1,0 к.	М. М. Банников		
3	Горковская шк.	31	15 р.	1,4 к.	И. Воронцов		
4	Дарновская ц-пр. шк.	44	29 р.	1,5 к.	уч. Е. Суворова		
5	Еремеевская земс. шк.	49	20 р.	1,0 к.	уч. Н. Афонская		
6	Ильинская ц-пр. шк.	49	15 р.	0,6 к.	уч. Е. Львова		
7	Красновидов- ская шк.	отчет не предоставлен					
8	Ламишинская ц-пр. шк.	33	23 р.	1,3 к.	св.В. Смоленский	жена сторожа	
9	Лужковская зем. шк.	отчет не предоставлен					
10	Лучинская земс. шк.	48	20 р.	1,0 к.	Е. М. Банникова	школьная прислуга	
11	Мокрушинская шк.	30	10 р.	1,5 к.	уч. Е. Фомина		
12	Никулинская ц-пр. шк.	36	25 р.	1,0 к.	уч. А. Розанова	нанятая прислуга	
13	Огниковская ц-пр. шк.	24	28 р.	1,0 к.	уч. Е. Соловьева	школьная прислуга	
14	Павловская ц-пр. шк.	отчет не предоставлен					
15	Покровская зем. шк.				М. Никольская	–	

№	Школа	учени-ков	общая стои-мость	стои-мость порции	организатор	кто готовит пищу
16	Полевшинская шк.	46	25,5 р.	1,3 к.	уч. А. Щедрова	сторожика
17	Скрябинская земс. шк.	25	25 р.	0,8 к.	А. Ильина	школьная прислуга
18	Сысоевская земс. шк.	60	30 р.	1,25 к.	уч. А. Соколова	
19	Талицкая земс. шк.	50	40 р.		Е. З. Иванова	–
20	Телепневская земс. шк.	отчет не предоставлен				
21	Троицкая ц-пр. шк.	37	20 р.	1,0 к.	св. В. Лебедев	жена школьного сторожа

В сведениях о школьном приварке за 1910–1911 учебный год не указаны школы, в которых ранее было организовано питание детей: Александровская церковно-приходская школа, Лужецко-Павловская церковно-приходская школа, Рубцовская земская школа. Организация школьного питания даже в наше сытое время дело непростое.

В настоящее время существует целая Концепция организации и контроля горячего питания в образовательных организациях. Выпущены методические разработки по организации питания в школе, где, например, сказано следующее: «Организация горячего питания обучающихся образовательных учреждений должна обеспечивать качество, безопасность, сбалансированность питания, индивидуальный подход к ребенку, внедрение современных технологий и предусматривать проведение необходимых занятий по развитию культуры питания у школьников. Рациональное, здоровое питание в образовательных организациях является необходимым условием обеспечения здоровья обучающихся». Президент Российской Федерации В.В. Путин 15 января 2020 года в Послании к Федеральному Собранию Российской Федерации поставил задачу обеспечения бесплатным горячим питанием всех учащихся начальной школы. В просторных школьных столовых за накрытыми столами обучающиеся получают завтрак и обед с заранее определенным набором блюд. Бесплатно питаются в школе и старшеклассники из многодетных семей, учащиеся, получающие социальные льготы. Сейчас заботу об этой стороне детской жизни взяло на себя государство. Как бы порадовались за нас те, кто более 100 лет назад думал о будущем России, о здоровье и образовании ее детей. Между прочим, наших с вами бабушек и дедушек.

Летние ясли

В отчете за 1901–1902 шестой год существования Общества появляется информация о еще одном замечательном его начинании, организации летних яслей для детей [12].

Одно заседание Совета Общества было проведено с приглашением господ 3. Г. Морозовой, д-ра Д. С. Таубер, Е. И. Никольской и Н. И. Верещагиной по вопросу организации летних яслей, устраиваемых Морозовой в д. Лучинской, Ябедине, Крючкове и Рожнове на ее средства и о содействии, которое может оказать Общество. Летние ясли для детей особенно грудного возраста, болеющих и умирающих в громадном количестве в летние месяцы от неправильного ухода и питания, входит в задачу Общества. Общество могло бы помочь в приискывании лиц, заведующих яслями Морозовой, иметь надзор за ведением дела. Чтобы успешно работали ясли, надо их устраивать почти в каждой деревне, что при расходе 200–300 р. на ясли в 25–30 детей имело бы громадный расход, непосильный для Общества. И потому в то время ясли могли устраиваться только для примера со стремлением возбудить возможно большее материальное участие населения в этом деле (молоком, продуктами, помещением, соломой для тюфяков). Устраивать ясли без подготовленного персонала рискованно. В то время такого персонала нет. Губернское земство могло бы оказать услугу устройством института для подготовки нянек и сестер милосердия. Заведующая должна была быть интеллигентной, ее жалование могло быть от 25 до 30 р. Продовольствие на 1 ребенка могло составлять 4–6 к. А полное его содержание обошлось бы в 20–25 к. в день. На 40 детей это 150 р. Летние ясли обыкновенно функционировали от конца июня до 20 августа. В следующем году было решено, что целесообразно признать устройство летних яслей желательным.

Год седьмой: 1902–1903 [13]. Летние ясли не устраивались, т.к. на этот предмет не было пожертвований. Только 3. Г. Морозова в 1902 г., в июле и августе, до 20 числа устраивала летние ясли в д. Лучинской, Ябедине и Кречкове. Врачи Воскресенской лечебницы 1 раз в неделю посещали их. В 1903 году было отпущено 100 р. губернским земством на устройство яслей в с. Никулине на 40 детей. 3. Г. Морозова отпустила весь инвентарь своих яслей на лето в с. Никулино. Священник с. Никулина, И. А. Беляев, предоставил помещение школы под ясли. При таком любезном содействии устройство летних яслей в с. Никулине обходилось недорого: менее 170 р. на 40 детей, на 1,5 месяца. Надзор за яслями взял на себя врач О. С. Штейнберг. Было решено, что в следующем году целесообразно придерживаться того же. Признали устройство летних яслей желательным.

Год восьмой: 1903–1904 [14]. По предложению П. А. Архангельского было решено обратить большое внимание на летние ясли, приравнять их к школьному приварку и расходовать на ясли остатки по усмотрению Совета. Летом в предыдущем году в Никулино были устроены ясли частью на средства земства – 95 р. 30 к., частью на средства Б. А. Брусилова – 35 р., агронома Зубрилина – 5 р. и помощника Котляревского – 5 р. Детей перебывало 50 человек, израсходовано 140 р. Продовольствие обошлось в 7 к. в день. Крестьяне охотно носили своих детей, очень желательно поддержать это хорошее дело.

Год девятый 1904–1905 [15]. Зачитана телеграмма от С. М. Попова с заявлением, что он вносит в кассу Общества 3500 р. с тем, чтобы 500 р. были ассигнованы на устройство яслей будущим летом, а 3000 р. – в неприкосновенный капитал. Послали ответную телеграмму с выражением глубокой благодарности. 6 мая состоялось заседание по вопросу яслей. Для удешевления дела няню решили нанимать из крестьянок, тогда можно охватить больше детей. Но при отсутствии интеллигентного присмотра за детьми можно просмотреть первичные случаи инфекционных заболеваний и развития эпидемии. Лучше в таких условиях не браться за ясли. Д. С. Таубер прочла отчет о яслях в Осташеве и других местах. В среднем они обходились в 200 р., расход на 1 ребенка в день 25 к. при посещении 25 детей. «Население поначалу настороженно относится к яслям, но быстро приучается, оценивают их». Ясли ставят целью не только помогать матерям, но и учить их правильному уходу за детьми. Необходим присмотр за детьми, когда матери уходят на полевую работу. Выбор места для яслей было решено предоставить врачам Воскресенской и Ивановской больниц. Ясли в д. Лучинской были открыты 3 июля 1905 г. в здании прежней школы, предоставленной на летнее время госпожой Ольгой Максимовной Поповой, и закрыты 15 августа. Из 76 детей деревни посещало ясли только 40. Заведовала яслями учительница д. Давыдовской А. М. Державина за 25 р. в месяц на своем столе, обошлись в 222 р. На продовольствие выделено 70 р., на инвентарь – 82 р., жалование надзирательницы и нянькам – 59 р., мелкие расходы – 5 р. Продовольствие одного ребенка обошлось в 5 к. Детские ясли летом 1905 г. были организованы в селе Петровском-Голом Лучинской волости на капитал, пожертвованный С. М. Поповым. При сравнительном многолюдстве, 69 дворов, население было бедно и малокультурно. Матери из этой деревни просили устроить у них ясли. Пред тем у них уже были организованы ясли на средства того же Попова. Открыты 5 июля, а закрыты досрочно 20 августа из-за дождя. У детей появилась ветряная оспа. За 6 недель ясли работали 34 дня, было 1224 посещения, в день 36 посещений. Из 43 домов, где были малые дети,

приносили детей из 28 домов. Всего записалось 54 ребенка, но приходило 49. Для помещения была нанята наибольшая в деревне изба, за 8 р. в месяц, с дровами, водой и привозом песка, в котором дети играли. Маленькие дети спали в корзинах. В заведующие была приглашена молодая дочь фабричного служащего, которая окончила местную школу и имела некоторый навык по уходу за детьми. В помощь были 4 няньки, из них одна кухарка. Няньки были на своем содержании, т.к. они из той же деревни. Получали по 7 р. в месяц и по переднику. Матери приносили яйца, молоко, картофель, кто что мог, остальное покупали. К 8 часам приносили детей. Ванны делали только рахитической девочке. Когда дети были в сборе, их кормили кашей, маленьким давали молоко. В 11 часов поили чаем с молоком и белым хлебом. В час давали мясной суп с картофелем, иногда яичницу или жареный картофель. В 4 часа опять чай с молоком и хлебом. К 7–8 часам детей забирали. После обеда многие дети укладывались спать, дети постарше уходили гулять с няней. При хорошей погоде гуляли на воздухе, пели песни. Дети настолько привыкли к яслям, что вечером после того, как расходились по домам, потом снова собирались у заведующей и гуляли с ней. Результаты яслей удовлетворительные. Заведующая хоть и была без образования, но ласковым обращением привлекла к себе детей. Не было ни одного столкновения или неприятности. Матери приходили благодарить. Для того, чтобы ясли приносили пользу, надо было проводить их несколько лет подряд в одной деревне. А однократное проведение забудется. Устройство яслей обошлось в 225 р.: на обзаведение инвентаря (белье, посуда...) затрачено 99 р., он почти весь остался.

Год четырнадцатый: 1910–1911 [16]. Капитал С. М. Попова на летние ясли – 3000 р.

С детскими яслями в 1910 году вышла большая неудача. В текущем году, уступая настоятельной просьбе крестьян деревни Вельяминовой Лучинской волости, им было обещано устроить ясли нынешним летом в их деревне. Но так как в начале лета в этой деревне было несколько случаев заболевания дифтеритом, то ясли открылись на неделю позже обычного срока, когда болезнь, по-видимому, затихла, в самый разгар полевых работ. Перед открытием яслей большинству ребят, записавшихся в приют, была предварительно привита предохранительная антидифтерийная сыворотка. Однако же через 8 дней по открытии яслей заболел дифтеритом один ребенок, а еще через 2 дня заболела одна из нянек, и ясли пришлось закрыть, к крайнему сожалению матерей. Таким образом, ясли действовали всего 10 дней – с 9-го по 19-го июля. В заведующие была приглашена учительница Ильинской школы Е. Львова, которая с большой охотой взялась за дело. Всех детей, посещавших ясли, было 63, дней, проведенных ими в яслях – 398, так что на каждый день

в среднем приходилось 39,8 детей. Всего израсходовано на содержание яслей 54 р. 23 к. Стоит порадоваться, что в настоящее время детские ясли – это не только начинание отдельного Благотворительного общества, а также неравнодушных граждан-жертвователей.

Сейчас существует серьезная система присмотра и ухода за детьми дошкольного возраста. И каждый гражданин России, имеющий малолетнего ребенка (с 2 месяцев до 7 лет), может воспользоваться этой услугой круглогодично. Размер родительской платы для воспитанников до 3-х лет с 5-часовым пребыванием в дошкольном учреждении по г.о. Истра – 37 р. За ребенка старше 3-х лет, посещающего группу, функционирующую в режиме полного дня (10,5–12 часового пребывания), устанавливается плата в размере от 150 до 203 рублей в день (по Московской области), для г.о. Истра – 164 рубля⁵. Существуют льготы для детей из многодетных и малоимущих семей, для детей и родителей с инвалидностью.

Память о Чехове. Библиотека [15]

В 1910 году страна отмечала 50-летие со дня рождения А.П. Чехова. На заседании совета Общества почтили вставанием память покойного писателя, бывшего одним из первых членов Благотворительного общества. Было предложено увековечить память о писателе учреждением библиотеки-читальни имени А.П. Чехова. Собрание единогласно постановило: 1) Ходатайствовать перед Звенигородским земским собранием, чтобы библиотека им. Чехова была открыта в Воскресенске, 2) Просить Воскресенское городское самоуправление также содействовать открытию библиотеки предоставлением бесплатного помещения и назначить субсидию на ее содержание. Переговоры уполномочили вести Т.С. Морозову, было высказано пожелание, чтобы библиотека была в том доме, где жил Чехов. Библиотека должна быть и читальней. Собрание выделило на устройство библиотеки 200 р. С ходатайством о библиотеке Чехова в уездное земство вышло недоразумение. Там поняли, что просят денег, ассигновали 100 р. и попросили такую же сумму у губернского земства. Однако по уставу у Общества не было права на открытие просветительских учреждений. После переговоров по этому вопросу с Председателем Звенигородской земской управы был принят устав земской библиотеки имени Чехова. Собрание городских уполномоченных по Воскресенску постановило отпускать ежегодно по 120 р. с 1911 года на найм помещения.

⁵ Постановление Правительства Московской области от 14.03.2023 года № 106 ПП/5.

Среди местного населения проект учреждения библиотеки-читальни имени А.П. Чехова также встретило горячее сочувствие, пожертвования потекли рекой, за короткое время капитал им. Чехова превысил 1500 р. Особенное внимание оказали С.М. Попов и Т.С. Морозов, пожертвовавшие крупные суммы. Последний сумел заинтересовать своих состоятельных родственников и знакомых. Кроме того, членом Общества Б.А. Брусиловым было сделано крупное пожертвование книгами (рублей на 600) и С.М. Поповым книгами же (рублей на 100). Отозвалась местная интеллигенция, учителя. Устроили литературный вечер, посвященный памяти Чехова, он состоялся в начале января 1911 г. при близком участии бывшего артиста МХТ Н.Н. Вашкевича. Малолетние ученики городского училища исполнили кантату, С.М. Попов прочитал вступительное слово. На сцене был портрет Чехова, украшенный растениями. Вечер прошел удачно, в зале едва хватило мест. Чистый сбор в 183 р. был приобщен к капиталу Чехова. Устав библиотеки вырабатывался в начале 1911 года. Проект устава при участии председателя Звенигородской земской управы Ю.Г. Карпова был представлен Чрезвычайному Собранию и был принят. Но губернское собрание нашло недостаток (отсутствие пункта, по которому заведующий библиотекой должен утверждаться губернатором) и отклонило устав. В проекте устава было сказано, что библиотека устраивается Звенигородским земством, книги предоставляются населению бесплатно, можно читать на дому или в помещении библиотеки. Членами библиотеки считаются лица, внесшие взнос 1 р. [16, с. 17–18].

Список лиц, внесших пожертвования на библиотеку-читальню им. Чехова: С.М. Попов – 400 р.; Боголюбовы, П.А. Архангельский, С.И. Топленинов – 25 р., Т.С. и М.Н. Морозовы – 203 р., Ю.Г., Т.Г., А.Т. Карповы – 24, 25, 10 р., З.Г. Рейнбот – 100 р., Е.С., М.С., С.В., М.Ф., А.И. Морозовы – 100, 100, 25, 200, 5 р.; С.Н. Дараган – 100 р. От спектакля в Воскресенске – 183 р. Итого – 1589 р.

Сухие на первый взгляд цифры отчета Общества говорят нам о том, как дорого было воскресенцам имя А.П. Чехова, как ценили они Чехова-писателя, как искренне любили они Чехова-Человека. На общем собрании П.А. Архангельский поделился воспоминаниями о жизни Антона Павловича, за что ему была выражена благодарность. Признав необходимым ознаменовать близость писателя к Воскресенску и Обществу, в 1911 году в «Отчете Благотворительного общества при Воскресенской земской лечебнице Звенигородского уезда за 1910 год» Архангельский опубликовал статью «Из воспоминаний о Чехове». Это бесценные свидетельства о жизни молодого Чехова в Воскресенске. Эта брошюра была передана доктором Гопенгаузенном чеховеду Ю.В. Соболеву, когда тот посетил Воскресенскую больницу, изучая чеховские места Воскресенска. В 1916 году вышла книга Соболева

«Неизданные страницы». Помещенные в отчете Общества мемуары Архангельского – живой рассказ современника и очевидца – стал достоянием широкого круга читателей. Библиотека имени А.П. Чехова в Воскресенске была открыта. И несколько лет назад мы отмечали ее 110-летний юбилей. Это и поныне лучшая библиотека Московской области (по моему мнению и мнению моих друзей), так как в ней есть главное – в любимой Истринской Чеховке царит дух уважения к человеку, творчества и любви к русской культуре. Именно такими истинами руководствовались те, кого 100 лет назад объединило Воскресенское благотворительное общество.

Спасибо вам, дорогие воскресенские благотворители, современники Чехова, за вашу доброту, умение приходить людям на помощь, за искренность, энтузиазм, неравнодушие, силы не опускать руки в самых трудных ситуациях, веру в людей, милосердие, душевную щедрость и духовную высоту! Дай Бог, чтобы спустя века на Истринской земле вспоминали ваши имена и говорили, что вы на свете жили и работали не зря!

Список использованной литературы и источников:

1. Мамаев С.Ю. Павел Архангельский – устроитель Воскресенской земской лечебницы / С.Ю. Мамаев // Истра РФ. – 2022. – № 3 (56). – С. 4–15.
2. Мамаев С.Ю. Поиски вчерашнего дня. Истоки настоящего. – Москва: Издательство «Перо», 2018. – С. 98–107.
3. Маслова В.Б. Семейные легенды и архивные документы / В.Б. Маслова // Пятые Воскресенские чтения. «Библиотеки и краеведение: опыт и традиции. Чеховские памятные места, музеи и библиотеки». 8 декабря 2021 г. / Истринская центральная библиотека имени А.П. Чехова (МУК «Истринская ЦБС»); под общ. ред. Т.В. Вартаковой. – Истра; – Москва: Издательство «Перо», 2022. – С. 62–96.
4. Михеев В.А. Благотворители / В.А. Михеев. – Текст: электронный // Новый Иерусалим во времени и пространстве: [сайт]. – URL: <http://ierusalem.ru/?p=1156>. – (дата обращения: 05.06.2023).
5. Михеев В.А. Истринская районная больница / В.А. Михеев. – URL: <https://istra-ltc.ru/publication/pdf/miheev-bolnica.pdf?ysclid=ll52sw6211738636146>. – Текст: электронный
6. Михеев В.А. Подвижник земской медицины. Очерк о П.А. Архангельском. / В.А. Михеев, Краеведческое общество «Наследие». – Текст: электронный // Новый Иерусалим во времени и пространстве: [сайт]. – URL: <http://ierusalem.ru/?p=1158> (дата обращения: 05.06.2023).
7. Носиков С.П. Борис Алексеевич Брусилов – последний владелец усадьбы Глебово / С.П. Носиков. – Истра: [б.и.], 2018. – 104 с.
8. Отчет Благотворительного общества при Воскресенской земской лечебнице Звенигородского уезда за 1896–97 г.: Год первый / Воскресенская земская лечебница (Звенигород, уезд). Благотворительное общество. – Москва, 1897. – 18 с.

9. Отчет Благотворительного общества при Воскресенской земской лечебнице Звенигородского уезда за 1897–98 г.: Год второй / Воскресенская земская лечебница (Звенигород, уезд). Благотворительное общество. – Москва, 1898. – 20 с.

10. Отчет Благотворительного общества при Воскресенской земской лечебнице Звенигородского уезда за 1898–99 г.: Год третий / Воскресенская земская лечебница (Звенигород, уезд). Благотворительное общество. – Москва, 1899. – 30 с.

11. Отчет Благотворительного общества при Воскресенской земской лечебнице Звенигородского уезда за 1899–1900 г.: Год четвертый / Воскресенская земская лечебница (Звенигород, уезд). Благотворительное общество. – Москва, 1900. – 24 с.

12. Отчет Благотворительного общества при Воскресенской земской лечебнице Звенигородского уезда за 1901–02 г.: Год Шестой / Воскресенская земская лечебница (Звенигород, уезд). Благотворительное общество. – Москва, 1902. – 22 с.

13. Отчет Благотворительного общества при Воскресенской земской лечебнице Звенигородского уезда за 1902–03 г.: Год Седьмой / Воскресенская земская лечебница (Звенигород, уезд). Благотворительное общество. – Москва, 1903. – 18 с.

14. Отчет Благотворительного общества при Воскресенской земской лечебнице Звенигородского уезда за 1903–04 г.: Год Восьмой / Воскресенская земская лечебница (Звенигород, уезд). Благотворительное общество. – Москва, 1904. – 22 с.

15. Отчет Благотворительного общества при Воскресенской земской лечебнице Звенигородского уезда за 1904–05 г.: Год Девятый / Воскресенская земская лечебница (Звенигород, уезд). Благотворительное общество. – Москва, 1905. – 20 с.

16. Отчет Благотворительного общества при Воскресенской земской лечебнице Звенигородского уезда за 1910 г.: Год 14-й / Воскресенская земская лечебница (Звенигород, уезд). Благотворительное общество. – Москва, 1911. – 32 с.

17. Сведения о заразных болезнях и санитарно-врачебной организации в Московской губернии / Губернское санитарное бюро Московского земства. – Москва: [б.и.], 1883–1902. – 25 см.

18. Сельское поселение Осташевское Волоколамского муниципального района Московской области: Историческая справка / Администрация сельского поселения Осташевское. – Текст: электронный // Сельское поселение Осташевское: [официальный сайт]. – 2013. – URL: <https://web.archive.org/web/20131206015947/http://www.ostashevo-adm.ru/settlement/history/>. – Дата публикации: 09.08.2012.

19. У стен Нового Иерусалима: история города Воскресенска-Истры / М.А. Крюкова и др.: отв. ред. Н.А. Абакумова. – Москва: Ист.-архитектурный и худож. музей «Новый Иерусалим»: Лето, 2010. – 430 с.

20. Штейдле Е.В. Врач-подвижник, врач-гуманист / Е.В. Штейдле. – Текст: электронный // Новый Иерусалим во времени и пространстве: [сайт]. – URL: <http://ierusalem.ru/?p=19835> (дата обращения: 05.06.2023).

С. П. Мамаев

ПАВЕЛ АРСЕНЬЕВИЧ АРХАНГЕЛЬСКИЙ – УСТРОИТЕЛЬ ВОСКРЕСЕНСКОЙ ЛЕЧЕБНИЦЫ

В 2022 году исполнилось 170 лет со дня рождения замечательного земского врача, первого заведующего Воскресенской земской лечебницей (предшественницей Истринской районной клинической больницы) Павла Арсеньевича Архангельского. Это был один из выдающихся устроителей земской медицины в Московской губернии. Слава его как терапевта была настолько велика, что к нему съезжались на практику и студенты-медики, и молодые врачи. «Милейший человек и прекрасный врач», – говорил об Архангельском выдающийся писатель и его друг Антон Павлович Чехов.

Павел Арсеньевич Архангельский родился 14 января 1852 года в селе Серебряные Пруды Веневского уезда Тульской губернии в семье дьякона [22, с. 1162]. В семь лет он поступил в Веневское духовное училище, по окончании которого в 1866 году перешел в Тульскую семинарию. В 1871 году он окончил семинарию и, «по выдержании поверочного испытания при Московском университете, поступил на медицинский факультет» [22, с. 1162]. «Имея желание продолжить свое образование, – писал Павел Архангельский в прошении на имя ректора университета, – по окончании полного курса общеобразовательных наук Тульской семинарии, покорнейше прошу принять меня в число студентов Московского императорского университета на медицинский факультет... 1871 года августа 7 дня» [11, л. 1].

К прошению прилагалось свидетельство об окончании семинарии с оценками (по всем предметам, включая тригонометрию, физику и космографию – «очень хорошо» [11, л. 3]), и выписка из метрической книги Троицкой церкви села Серебряные Пруды о рождении: «У диакона Арсения Афанасьева Архангельского и законной жены его Агрипины Поликарповой, православных, родился сын Павел, который крещен 15 числа священником Павлом Модестовым с причтом. Восприемниками были: села Красного священник Василий Андреев Вьюнов и дочь диакона девица Александра Арсеньева Архангельская» [11, л. 4].

Эти сведения содержатся в архивном деле «О принятии в студенты Павла Архангельского и об окончании им курса», которое обнаружил в фондах Центрального государственного архива Москвы истринский краевед Сергей

Павлович Носиков. В том же деле находится и аттестат Архангельского об окончании университета: «При очень хорошем поведении» Павел Арсеньевич «окончил курс учения по медицинскому факультету, и за оказанные им отличные успехи... утвержден в степени лекаря с отличием... Июля 31 дня 1876 года» [11, л. 8]. После учебы Павел Арсеньевич поступил врачом в Вере́йский уезд, сначала в село Петровское, а затем перешел в город Верею.

В это самое время в Московской губернии только начинала зарождаться земская медицина. В середине XIX века на огромный по территории Звенигородский уезд, в состав которого входил и заштатный город Воскресенск, существовала единственная больница на 20 мест в Звенигороде, в которой работал один врач [7, с. 109]. По понятным причинам для жителей города и уезда она не имела почти никакого значения, да и состояние ее помещений было удручающим. После 1864 года вопросами здравоохранения стали заниматься земские учреждения (выборные органы местного самоуправления).

История создания Воскресенской лечебницы непосредственно связана с деятельностью Московской губернской земской управы. В 1873 году в ней была создана постоянная губернская санитарная комиссия, секретарем которой стал Евграф Алексеевич Осипов, а одним из членов – 25-летний земский врач Павел Арсеньевич Архангельский [20, с. 27]. Благодаря этой комиссии и было вскоре положено начало постановке всей земской медицины. В 1877 году на одном из собраний Осипова поддержал влиятельный московский гласный, общественный деятель и писатель Дмитрий Федорович Самарин. Он предложил кардинально изменить направление деятельности комиссии и выделить «пятнадцать тысяч рублей на устройство лечебницы в одном из беднейших уездов» [7, с. 110].

После обследования выбор пал на Звенигородский уезд, где в одной версте от заштатного города Воскресенска находились помещения бывшей ткацкой фабрики, которые можно было выкупить и без больших затрат переоборудовать под лечебницу. Участок в 13 десятин был приобретен Звенигородским уездным земством у купца Адриана Дмитриевича Чикина, а точнее – у его супруги, потомственной почетной гражданки Екатерины Ильиничны Чикиной. В 1857 году на этом участке была основана ткацко-бумажная фабрика, но проработала она всего 12 лет – затем купец Чикин был объявлен должником, фабрику закрыли, а еще через несколько лет участок с полуразрушенными фабричными строениями Чикина продала земству на предмет погашения долгов ее мужа [7, с. 67].

Значительная часть участка была покрыта лесом, недалеко находился большой пруд. В одном из фабричных корпусов располагался временный военный госпиталь для раненых и больных солдат, доставленных сюда с фронтов

русско-турецкой войны. Именно в этом вскоре освободившемся корпусе 1 декабря 1878 года была открыта Воскресенская земская лечебница [7, с. 111]. Активное участие в создании новой больницы принял местный помещик, владелец усадьбы Зенькино Николай Владимирович Рукин, который тогда был уездным предводителем дворянства [23, с. 164]. Больница полностью содержалась губернским земством, а город платил тысячу рублей в год, за что имел две кровати, амбулаторный прием «и вообще все, что может понадобиться в смысле обеспечения жителей врачебной помощью» [23, с. 164].

В истории российского здравоохранения Воскресенская лечебница отмечена как первая губернская земская лечебница, ее открытие ознаменовало начало деятельности сельских земских лечебных учреждений в Московской губернии. Значительную роль в становлении Воскресенской лечебницы, в совершенствовании организации работы принадлежала ее первому заведующему – Павлу Арсеньевичу Архангельскому. «В Воскресенске он проработал 17 лет, и можно утверждать, что именно он создал известную всей медицинской России лечебницу» [23, с. 164].

Истринский краевед Елена Вильгельмовна Штейдле писала: «Он не только справился с труднейшими задачами становления нового учреждения, но и благодаря своему таланту врача и организатора и самоотверженному труду достиг поистине выдающихся результатов. К концу XIX века Воскресенская лечебница уже представляла собой небольшой городок, отличалась высоким для того времени уровнем оснащения и стала лучшей сельской лечебницей в Московской губернии» [27]. В 1911 году макет Воскресенской лечебницы демонстрировался на Международной гигиенической выставке в Дрездене [7, с. 113].

За время работы Павла Арсеньевича Архангельского с ноября 1878 года по март 1896 года в лечебнице были построены приют для неизлечимых больных, комплекс помещений для «заразного павильона», летний барак для выздоравливающих больных, различные хозяйственные помещения. Лечебница увеличила штат медицинского персонала, пополнилась новым оборудованием. По воспоминаниям современников, «больница считалась поставленной образцово» [15, с. 30].

Воскресенская лечебница отличалась не только высоким профессионализмом врачей. Известный врач Петр Иванович Куркин в своих воспоминаниях отмечал, что все врачи больницы были проникнуты «поистине любовным, душевным отношением к больному». «Павел Арсеньевич Архангельский, – продолжала рассуждать в своем материале Елена Штейдле, – был человеком, как сейчас бы сказали, в высшей степени креативным. При этом креативность и энергичность сочетались в нем с удивительной доброжелательностью

и умением вселить в человека веру в себя. Неслучайно он стал известен в кругах московской медицинской общественности» [27]. Удивительно, но молодой провинциальный врач (а ему на тот момент было около 30 лет) без высоких титулов и званий стал известен всей Москве! И в заштатный Воскресенск потянулись студенты и практиканты медицинского факультета Московского университета. Среди них случайным образом оказался и Антон Павлович Чехов.

Их знакомство состоялось летом 1881 года, когда семья Чеховых впервые перебралась на лето в Воскресенск к Ивану Павловичу, получившему должность заведующего приходским училищем. Несколько лет Чеховы использовали учительскую квартиру Ивана Павловича как летнюю дачу. Чехов и Архангельский очень сдружились, и Павел Арсеньевич вскоре стал руководителем врачебной практики студента Антона Чехова. «Не помню, когда и как я познакомился с Антоном Павловичем; должно быть, это произошло в квартире его брата...», – писал позднее Архангельский о знакомстве с писателем. – Первые мои яркие воспоминания об Антоне Павловиче относятся к 1881 году, когда он с братом Мишей, а может быть и еще с кем-нибудь из своих родственников, пришел привести вечерок на «Чикино», где находится земская лечебница и арестный дом» [2, с. 28].

Верхний этаж упомянутого арестного дома заселялся летом приезжей молодежью (как раз студентами-практикантами из Москвы). «Как сейчас вижу Антона Павловича, – продолжал Архангельский, – поместившегося на табурете посреди комнаты перед столом, на котором был паштет из цыплят, ... здесь же на столе стоял объемистый самовар и «лампопо» – напиток из пива с лимонадом, сухарями и другими специями» [2, с. 29]. Эта вечеринка сблизила чикинскую компанию с Антоном Павловичем и его семьей, и с тех пор начались их совместные прогулки, встречи и посиделки. Действительно, в этой лечебнице Чехов познакомился с людьми, которые стали его добрыми знакомыми на долгие годы.

Действительно, Воскресенская лечебница была местом, где каждый год проходили практику выпускники медицинских факультетов и молодые врачи. Павел Арсеньевич Архангельский, судя по воспоминаниям, был одним из образцовых земских деятелей, которые и создали славу русскому самоуправлению конца XIX века. Его личное обаяние просто притягивало молодежь [23, с. 167]. «По сути, он создал свою школу – школу высокого профессионализма и гуманного отношения к страждущим. Именно этический, нравственный заряд являлся главной особенностью этого неофициального учения» [27]. Знаменитый статистик медицины и земский деятель Петр Иванович Куркин, прошедший школу Архангельского, отмечал: «Что более

всего затронуло меня во всей этой неожиданно развернувшейся деревенской врачебной деятельности – это поистине душевное отношение к больному, которым проникнуты были все собравшиеся в стенах этого учреждения люди, делавшие изо дня в день свое скромное дело» [5, с. 15]. «В середине 1880-х годов вместе с Антоном Павловичем Чеховым в Воскресенске под руководством Архангельского работали многие будущие светила медицины» [23, с. 168]. Это и Василий Николаевич Сиротинин, и Николай Семенович Кишкин, и Михаил Павлович Яковлев, и Дора Семеновна Таубер, и упомянутый выше Петр Иванович Куркин.

Сохранились воспоминания брата Чехова Михаила Павловича об Архангельском: «Павел Арсеньевич был очень общительным человеком, и около него всегда собиралась для практики медицинская молодежь, из которой многие потом сделались врачебными светилами... Часто после многотрудного дня собирались у одинокого Архангельского, создавались вечеринки, на которых говорилось много либерального и обсуждались литературные новинки. Много говорили о Щедрине, Тургеневым зачитывались взапой, пели хором народные песни, со смаком декламировали Некрасова» [26, с. 137].

В 1884 году Чехов получил удостоверение лекаря и уездного врача и появился в Воскресенской лечебнице уже не практикантом, а настоящим врачом. «Природа кругом великолепная. Простор и полное отсутствие дачников. Грибы, рыбная ловля и земская лечебница...» [24, с. 114], – писал Антон Павлович из Воскресенска издателю журнала «Осколки» Лейкину в письме от 25 июня 1884 года. И в следующем же письме: «Через день я хожу в земскую больницу, где принимаю больных. Надо бы каждый день ходить, да лень. С земским врачом мы давнишние приятели» [24, с. 118].

Этот «давнишний приятель» затем вспоминал: «Помню: идешь, бывало, часов в 9 утра в больницу и видишь, как из-за кладбища по березовой аллее подвигается велосипед с огромным передним колесом, а на нем кто-нибудь из братьев Чеховых в сопровождении остальных; попеременно садясь и падая, они достигали, наконец, больницы. Антон Павлович обыкновенно оставался и шел со мной в больницу, а братья или следовали по дороге дальше, или же возвращались назад.

Антон Павлович производил работу не спеша, иногда в его действиях выражалась как бы неуверенность; но все он делал с вниманием и видимой любовью к тому больному, который проходил через его руки. Он всегда терпеливо выслушивал больного, ни при какой усталости не возвышал голоса, хотя бы больной говорил и не относящееся к выяснению болезни» [2, с. 30].

Любопытна история, случившаяся однажды в Чикинской больнице, стала, по утверждению Михаила Павловича Чехова, сюжетом знаменитой чеховской

«Хирургии». Однажды в Воскресенскую больницу пришел на прием больной с зубной болезнью. Доктор Архангельский был занят с другим, более серьезным больным, и поручил прикомандировавшемуся к нему студенту вырвать у больного зуб. Неопытный студент наложил щипцы и после некоторых истязаний вырвал у пациента вместо больного здоровый зуб. Вырвал и сам испугался. «Ничего, ничего, – шутливо одобрил его Архангельский, – рви здоровые, авось до больного доберешься!» Студент стал рвать больной зуб и сломал на нем коронку. Пациент выругался и ушел [28]. Как видно, медицинская практика одновременно стала и писательской практикой Антона Павловича Чехова.

И хотя литература «перевесила» медицину в предпочтениях Антона Павловича, лечением больных он не переставал заниматься до самого переселения в Ялту (да и там консультировал нуждающихся). Позже Архангельский говорил о Чехове: «Он не сделался врачом-практиком, но остался тонким диагностом душевных состояний человека и чутким изобразителем горестей людских» [2, с. 32]. Сам же Чехов, как часто это бывало, говорил об этом в шутливой форме: «Медицина – моя законная жена, литература – незаконная» [25, с. 169].

У Павла Арсеньевича Архангельского все случилось с точностью до наоборот – всю свою жизнь он отдал медицине, но свои врачебные обязанности совмещал с разнообразной научной и статистической деятельностью, публиковал статьи в медицинских журналах. А в 1887 году вышла в свет его книга «Отчёт по осмотру русских психиатрических заведений». Губернский земский санитарный совет на заседании в мае 1886 года постановил «командировать одного из врачей для ознакомления с организацией призрения душевнобольных и вообще со всеми обстоятельствами, касающимися этого рода больных в различных земствах» [14, с. VI]. Эта миссия и была доверена Павлу Арсеньевичу.

«Целью моей командировки, – писал Архангельский, – было – собрать данные, которые могли бы послужить указанием при организации призрения душевнобольных в Московской губернии» [14, с. 1]. Разъезды начались 19 мая и закончились 23 ноября 1886 года. Павел Арсеньевич посетил 14 самых известных в России лечебниц для душевнобольных (из них 11 – земских). Весь декабрь он работал над книгой, но не закончил её и дописывал, видимо, до июня 1887 года. Доподлинно известно, что Архангельский неоднократно общался с Чеховым на эту тему, возможно, что рассказывал писателю истории, произошедшие с ним в командировке. «Длинное путешествие, когда Архангельский почти не заезжал домой или заезжал на два-три дня или неделю, можно в некотором смысле рассматривать как пролог чеховской

сахалинской истории. Начать весной и к зиме вернуться, а затем за полгода написать увесистую, весьма дельную книжку – такое задание могло заинтересовать и увлечь Чехова, уже пережившего разного рода неудачи с личными замыслами. Возможно, на Чехова имел воздействие и тот факт, что Архангельский не был психиатром по роду основной своей деятельности, и тем не менее ему удалось осуществить в одиночку такое солидное предприятие» [4, с. 13–14].

Огромной заслугой Павла Арсеньевича Архангельского являются выполненные им обширные исследования психиатрических заведений. Этот труд получил высокую оценку в медицинских научных кругах. Важно отметить, что проведенная им исследовательская работа, включающая в себя также планы зданий данных заведений, в дальнейшем способствовала открытию психиатрических больниц в Московской губернии. В частности, в начале 1890-х годов была устроена первая лечебница для душевнобольных в селе Покровское-Мещерское Подольского уезда (ныне Московская областная психиатрическая больница имени Владимира Ивановича Яковенко).

Вспоминая о начале 1880-х годов, Михаил Павлович Чехов в своей книге писал, что вечеринки проходили у «одинокого Архангельского». Однако это длилось недолго, вскоре Павел Арсеньевич женился. Как рассказывала в своих мемуарах Мария Павловна Чехова, на которые ссылается краевед Елена Вильгельмовна Штейдле, однажды в Воскресенск в качестве практикантки приехала немка Мария Морицовна Эртель, учившаяся в Лейпцигском университете. Она вскоре и стала женой Павла Арсеньевича, взяв себе двойную фамилию. «Это был счастливый союз, основанный на любви и общих интересах. Мария Морицовна была отличным врачом-ассистентом и единомышленником во всех начинаниях своего мужа» [27]. У Архангельских было двое детей – Павел (1884) и Мария (1885).

Мария Морицовна Эртель-Архангельская принадлежала к славному поколению первых русских женщин-врачей. «Родившись в 1852 году в немецкой семье в Одессе, там же получила среднее образование, которое закончила в 1869 году. В Лейпцигском университете прошла весь курс медицинских наук, в 1880 году получила диплом доктора наук за диссертацию, в 1882 году в Петербурге получила право врачебной практики в России. Осенью 1882 года заведовала отрядом по борьбе с эпидемией скарлатины и сыпного тифа в Подольском уезде, затем заняла место сначала фельдшера, а потом врача-ассистента при Воскресенской лечебнице губернского земства» [18, с. 29].

К концу 1880-х годов Павел Арсеньевич Архангельский занял ведущее положение среди врачей губернии. Именно ему была поручена корректировка основных положений деятельности земских лечебных заведений [1].

Продолжал он и конкретную работу, выходящую за пределы его больницы. В начале 1890-х годов была выстроена лечебница в селе Пятница-Берендеево Звенигородского уезда. Устройством нового врачебного участка руководил именно Павел Арсеньевич. Это во многом облегчило жизнь Воскресенской больнице и приблизило врачебную помощь к некоторым отдаленным селам [23, с. 166]. Как и многие земские врачи, Архангельский много занимался статистикой. Он провел подробнейшее описание санитарного состояния школ Звенигородского уезда [3].

«В 1894 году Павел Арсеньевич подал в губернскую земскую управу прошение об отпуске, из которого видно, что он не отдыхал все 15 лет своей службы в Воскресенске. Управа предоставила ему отпуск на 4 месяца, но он не восстановил подорванное здоровье» [23, с. 166]. В 1896 году Архангельский был вынужден уйти с поста заведующего Воскресенской лечебницы по состоянию здоровья, а на его место был назначен Михаил Степанович Толмачев. Сказался труд без отпусков и постоянное нервное напряжение: на его плечах было становление нового типа провинциального лечебного учреждения. Еще раньше, в конце 1892 года, занимаемое место врача-ассистента в Воскресенской лечебнице покинула и супруга Архангельского Мария Морицовна, тоже по состоянию здоровья.

Московское земство, стараясь отметить безупречную службу одного из виднейших врачей губернии, подало целый ряд прошений о производстве Архангельского в полагающиеся ему за выслуженные годы чины. За те немногие годы, которые оставались до конца XIX века, Павел Арсеньевич Архангельский практически без перерыва был произведен в коллежские ассессоры, надворные советники, затем – в коллежские советники [13].

Семья Архангельских с детьми переехала из Воскресенска в Москву, и «располагая лишь назначенной обоим супругам от земства пенсией, проживала в маленькой квартирке на заднем дворе одного из довольно обширных владений» [18, с. 30] – дом на Смоленском бульваре принадлежал известному московскому доктору Федору Даниловичу Шнейдеру. Там Павел Арсеньевич продолжил свою работу уже в качестве частнопрактикующего врача [16, с. 12]. Занимаясь этим, он участвовал в традиционных съездах земских врачей, не забывал и о важных делах в Воскресенске. Так, например, «глубоким сочувствием к бедствующим, – писала краевед Елена Вильгельмовна Штейдле, – потребностью поддержать нуждающихся была продиктована замечательная инициатива Архангельского организовать Благотворительное общество при Воскресенской лечебнице» [27].

«В январе 1896 года выработан устав Благотворительного общества и возбуждено ходатайство через Московскую губернскую земскую управу, перед

правительством об его утверждении, которое и последовало через 3 месяца» [17, с. 21]. Устав общества гласил: «Слагающееся направление практической деятельности общества, кроме помощи в случаях острой нужды, намечает по преимуществу два главных вопроса: организацию помощи неимущим больным, не нашедшим себе приюта в лечебнице или богадельне, и устройство убежища для детей во время пребывания их матерей на излечении в больнице». Первым же большим делом общества стало устройство яслей при лечебнице, открытие которых состоялось 2 августа 1898 года [19, с. 37].

«Сочувствие населения к зарождающемуся обществу выразилось весьма рельефно, так как еще прежде, чем оно приступило к деятельности, начали поступать пожертвования разных размеров» [17, с. 21]. В кассе общества на 1 июля 1897 года было 4774 рубля, из них 3622 рубля – капитал имени Павла Арсеньевича Архангельского, которого вместе с супругой 21 июля 1896 года избрали пожизненными почетными членами общества [9]. На третьем общем собрании членов Благотворительного общества 2 августа 1898 года Архангельский был избран членом совета, но уже в 1900 году по состоянию здоровья от этой должности отказался [21, с. 40]. В первый год существования Благотворительного общества в нем состояли 90 членов, из них 5 – почетных, 80 – действительных, два сотрудника и три благотворителя. Действительными членами общества были многие известные в городе люди: помещики, предприниматели, учителя, врачи, священники. Членом общества был и Антон Павлович Чехов.

В 1897 году в судьбе Павла Арсеньевича Архангельского случился очередной крутой поворот – 27 ноября от брюшного тифа скончалась его супруга Мария Морицовна. К ее погребению «29 ноября на Введенских горах собрались товарищи-врачи Московского земства, на могилу были возложены венки от Московской губернской земской управы, от товарищей-врачей Московского губернского земства, от сослуживцев в Звенигородском уездном земстве и много других» [18, с. 31].

Все последующие годы, несмотря на тяжелые испытания и прогрессирующий мучительный недуг (нефрит), были подчинены служению профессиональному и общественному долгу. Кроме медицинской практики, его деятельность была направлена на решение насущных проблем. В поле его внимания по-прежнему была Воскресенская лечебница и созданное им Благотворительное общество при ней.

«В 1903 году, в дни празднования 25-летия Воскресенской земской лечебницы, ей было присвоено имя Дмитрия Федоровича Самарина, которому принадлежала инициатива ее создания. На стене амбулатории появились его портрет и мраморная доска. С тех пор во всех официальных документах

лечебница стала именоваться Самаринской. Дань уважения была отдана и первому врачу лечебницы Павлу Арсеньевичу Архангельскому, портрет которого был помещен в приемные лечебницы» [7, с. 114].

В сентябре 1910 года на общем собрании Благотворительного общества при Воскресенской земской лечебнице Павел Арсеньевич Архангельский предложил в честь 50-летия со дня рождения Антона Павловича Чехова почтить память писателя учреждением в Воскресенске библиотеки-читальни его имени. Предложение было принято с энтузиазмом. Члены Благотворительного общества обратились к земским и губернским властям с прошением об учреждении библиотеки. Открытие библиотеки состоялось 1 января 1911 года в здании Чикинской больницы [6, с. 68]. Год спустя, в январе 1912 года, библиотеке официально было присвоено имя Антона Павловича Чехова [12], которое она с подачи Архангельского носит по сей день.

С каждым годом состояние здоровья Павла Арсеньевича все ухудшалось, нефрит прогрессировал, и 5 ноября 1913 года в 22:30, находясь на лечении в Осташевской лечебнице, Архангельский скончался. В метрической книге Спасской церкви села Осташево Можайского уезда сохранилась запись: 1913 года ноября 5 дня скончался «врач, надворный советник Павел Арсений Архангельский, 62 лет» [27, л. 496 об]. Причина смерти – от воспаления почек. «Вследствие постоянной рвоты исповедан и приобщен перед смертью не был» [8, л. 497], то есть в последние часы жизни Павлу Арсеньевичу было настолько плохо, что исповедаться и причаститься Святых Христовых Тайн не мог.

«Тяжелая неизлечимая болезнь заставила Павла Арсеньевича оставить любимое дело задолго до смерти. Мучительный недуг, исключительные, необычайные испытания в личной жизни, гнетущая мысль о невозможности служить тому делу, которому были отданы лучшие годы, – вот что наполняло последние 17 лет жизни Павла Арсеньевича. И это при полном сохранении духовных сил и неугасающем интересе к земской и вообще общественной работе! Похороны Павла Арсеньевича прошли 9 ноября в Воскресенске. Он погребен, согласно его воле, на Воскресенском кладбище, рядом с усадьбой устроенной им Воскресенской лечебницы губернского земства. На его могилу было возложено несколько венков, в том числе от Московской губернской земской управы с надписью «Незабвенному земскому работнику», от врачебно-санитарной организации губернского земства с надписью «Дорогому товарищу» и от земских врачей Московской губернии с надписью «Строителю земской медицины»» [22, с. 1162]. Как же велико было его душевное притяжение к этому месту, если он, давно уже проживавший в Москве, пожелал, чтоб его похоронили вблизи родной лечебницы.

Некролог Архангельского, опубликованный в издании «Сведения земской санитарно-врачебной организации Московской губернии», оканчивался словами: «Павел Арсеньевич был в числе земских врачей первого призыва; он стоял в первом ряду строителей земской медицины Московской губернии, в её героический период 70–80-х годов». В одном из следующих номеров этого же журнала планировалось опубликовать очерк о деятельности Архангельского «как участкового врача, и характеристику его личности, сыгравшей в свое время крупную роль в земской медицинской организации». По неизвестным причинам этот очерк так и не вышел.

Об этом же писал и истринский краевед Вячеслав Андреевич Михеев, много лет посвятивший сбору материалов об истории Воскресенской лечебницы: «Я просмотрел номера журнала за 1913 и 1914 годы, но ни в ближайших номерах, ни в годовщину смерти Архангельского обещанного очерка о деятельности Павла Арсеньевича не оказалось» [10]. Лишь в нескольких номерах журнала за 1914 год краевед обнаружил заметки о том, что на разного рода врачебных заседаниях официально объявлялось о смерти земского врача Архангельского и везде память покойного «была почтена вставанием».

К сожалению, могила Павла Арсеньевича Архангельского на Истринском кладбище до наших дней не сохранилась. Этому талантливому медику, самоотверженному труженику, добрейшему человеку были благодарны многие и многие его современники, бесконечно благодарен ему был и великий Чехов. Увы, но нынешнее поколение эту благодарность не разделяет. До сих пор не решён вопрос о присвоении Истринской больницы имени ее создателя – замечательного подвижника медицины Павла Арсеньевича Архангельского.

Список использованной литературы и источников:

1. Архангельский П. А. Доклад по вопросу о пересмотре наиболее важных инструкций по деятельности земских лечебных заведений / П. А. Архангельский // Труды десятого губернского съезда врачей Московского земства: (журналы заседаний, доклады и рефераты); сентябрь 1889 года. – Москва: Типография М. П. Щепкина, 1890. – 713 с.
2. Архангельский П. А. Из воспоминаний об Антоне Павловиче Чехове / П. А. Архангельский // Отчёт Благотворительного общества при Воскресенской земской лечебнице Звенигородского уезда за 1910 год. – Москва: Типография П. П. Рябушинского, 1911. – 32 с.
3. Архангельский П. А. Санитарное описание земских школ Звенигородского уезда / П. А. Архангельский // Труды десятого губернского съезда врачей Московского земства: (журналы заседаний, доклады и рефераты); сентябрь 1889 года. – Москва: Типография М. П. Щепкина, 1890. – 713 с.

4. Ахметшин Р.Б. «Вопрос молодой, для врачей и земцев интересный» (Земская медицина и психиатрия в чеховской биографии) / Р.Б. Ахметшин // Мелихово. Альманах. Вып. 11. – Мелихово, 2019. – С. 9–22.

5. Белицкая Е.Я. П.И. Куркин: (Жизнь и деятельность). 1858–1934 / Е.Я. Белицкая. – Ленинград: Медгиз, 1963. – 180 с.

6. Дудолодова О.И. История Воскресенской библиотеки-читальни имени А.П. Чехова: новые страницы / О.И. Дудолодова // Первые Воскресенские чтения «Краеведческие традиции Истринской земли»: сборник материалов научно-практической конференции / под общ. ред. Т.В. Вартаковой. – Истра, Новосибирск: Новосибирский издательский дом, 2018. – С. 68–71.

7. Истринская земля / А.А. Зилов и др.; ред. Л.В. Гладков. – Москва: Энцикл. сел и деревень, 2004. – 846 с. – (Серия «Энциклопедия сел и деревень Подмосковья»).

8. Метрическая книга Спасской церкви села Осташёво Можайского уезда за 1913 год. Л. 496 об. // ЦГАМ. – Ф. 203. – Оп. 780. – Д. 4496.

9. Михеев В.А. Благотворители / В.А. Михеев // Новый Иерусалим во времени и пространстве: [сайт]. – URL: <http://ierusalem.ru/?p=1156> (дата обращения 19.04.2023).

10. Михеев В.А. Подвижник земской медицины. Очерк о П.А. Архангельском. / В.А. Михеев, Краеведческое общество «Наследие» // Новый Иерусалим во времени и пространстве: [сайт]. – URL: <http://ierusalem.ru/?p=1158> (дата обращения: 19.04.2023).

11. О принятии в студенты Павла Архангельского и об окончании им курса. 1871–18 // ЦГАМ. – Ф. 418. – Оп. 40. – Д. 386.

12. О присвоении имени А.П. Чехова Воскресенской библиотеке-читальне Звенигородского уезда. 1911–1912 // ЦГАМ. – Ф. 65. – Оп. 31. – Д. 405.

13. О службе врача П.А. Архангельского. 1876–1896 // ЦГАМ. – Ф. 184. – Оп. 14. Д. 362.

14. Отчет по осмотру русских психиатрических заведений, произведенному по поручению Московского губернского земского санитарного совета врачом Воскресенской земской лечебницы П.А. Архангельским: С прил. планов 13 психиатр. заведений / Архангельский П.А. – Москва: тип. В.В. Исленьева, 1887. – 327 с.

15. Поле зрения. Газета для офтальмологов: издание Московского научного общества офтальмологов / учредитель: ООО «Издательство «Апрель». – 2020. – № 5(61).

16. Российский медицинский список, изданный по высочайшему его императорского величества повелению. ... на 1902 год: (по сведениям к 15 февраля 1902 г.) / Медицинский департамент министерства внутренних дел. – Санкт-Петербург, 1902. – 638 с.

17. Сведения о заразных болезнях и санитарно-врачебной организации в Московской губернии / Губернское санитарное бюро Московского земства. – Москва: [б.и.], 1883–1902. – 1896. – № 5.

18. Сведения о заразных болезнях и санитарно-врачебной организации в Московской губернии / Губернское санитарное бюро Московского земства. – Москва: [б.и.], 1883–1902. – 1898. – № 10.

19. Сведения о заразных болезнях и санитарно-врачебной организации в Московской губернии / Губернское санитарное бюро Московского земства. – Москва: [б.и.], 1883–1902. – 1899. – № 7.

20. Сведения о заразных болезнях и санитарно-врачебной организации в Московской губернии / Губернское санитарное бюро Московского земства. – Москва: [б.и.], 1883–1902. – 1900. – № 3.

21. Сведения о заразных болезнях и санитарно-врачебной организации в Московской губернии / Губернское санитарное бюро Московского земства. – Москва: [б.и.], 1883–1902. – 1900. – № 4.

22. Сведения о заразных болезнях и санитарно-врачебной организации в Московской губернии / Губернское санитарное бюро Московского земства. – Москва: [б.и.], 1883–1902. – 1913. – № 11.

23. У стен Нового Иерусалима: история города Воскресенска-Истры / М.А. Крючкова и др.: отв. ред. Н.А. Абакумова. – Москва: Ист.-архитектурный и худож. музей «Новый Иерусалим»: Лето, 2010. – 430 с.

24. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: В 12 т. Т. 1. Письма / А.П. Чехов; редкол.: Н.Ф. Бельчиков (гл. ред.) [и др.]; АН СССР, Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького. – Москва: Наука, 1974–1983. – 1974. – 607 с.

25. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т.: Письма: в 12 т. Т. 5. Письма / А.П. Чехов; ред. Н.Ф. Бельчиков [и др.]; Акад. наук СССР, Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. – Москва: Наука, 1974–1982. – 1977. – 678 с.

26. Чехов М.П. Вокруг Чехова: Встречи и впечатления / предисл. Е.З. Балабановича, подгот. текста, коммент. С.М. Чехова. – 4-е изд., испр. и доп. – Москва: Московский рабочий, 1964. – 368 с.

27. Штейдле Е.В. Врач – подвижник, врач-гуманист / Е.В. Штейдле // Новый Иерусалим во времени и пространстве: [сайт]. – URL: <http://ierusalem.ru/?p=19835> (дата обращения: 23.04.2023).

28. Штейдле Е.В. Перечитывая письма Чехова: [по материалам краеведческого общества «Наследие»] / Е.В. Штейдле // Истринские вести. – 2004. – 10 сент.; 2005. – 4 февр., 11 марта, 8 июля, 23 сент., 28 окт., 23 дек.; 2006. – 3 марта.

**«ИЗ ВОСКРЕСЕНСКА...».
ВЕХИ ЖИЗНИ ЗАШТАТНОГО ПОДМОСКОВНОГО ГОРОДА
ОТ ЭПОХИ ВЕЛИКИХ РЕФОРМ ДО ПЕРВОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЫ В МАТЕРИАЛАХ ГАЗЕТЫ
«МОСКОВСКИЕ ВЕДОМОСТИ»**

«Великие реформы» 1860-х гг. преобразили облик русской провинции и дали мощный импульс для ее экономического и культурного развития. Развитие капиталистических отношений не оставило в стороне даже совсем небольшие города. Воскресенск, заштатный город второго стана Звенигородского уезда, является в этом отношении хорошим примером.

Воскресенск получил статус города в 1781 году. Существенная часть его доходов формировалась за счет паломников, направлявшихся в Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь, и дачников, привлеченных живописными окрестностями. Воскресенск относился к самым маленьким городам Московской губернии, в нем не было промышленных предприятий, а население росло медленно: с 1825 по 1870 годы население города выросло с 601 до 1111 человек [46, с. 79, 140]. Не удивительно, что там редко случались события, привлекавшие внимание газет.

Среди российских газет второй половины XIX – начала XX века наибольшее количество материалов о жизни городов Московской губернии публиковали «Московские ведомости». Трудом своего бессменного в течение двадцати лет (1867–1887) редактора М. Н. Каткова газета превратилась в главный печатный орган консервативных кругов. Поскольку «Московские ведомости» считались главной московской газетой, новости Москвы и Московской губернии выделялись, как правило, в отдельные разделы, наряду с российскими и зарубежными новостями.

Традиционно новости Московской губернии включали в себя сообщения о дворянских и земских собраниях, съездах ученых, врачей и учителей, строительстве фабрик, железных дорог, школ и больниц, освящении церквей, крупных благотворительных пожертвованиях и т.д. Журналисты газеты старались сообщить читателям исчерпывающие сведения о будоражащих событиях, таких как стихийные бедствия, пожары, наводнения, вспышки инфекционных заболеваний, несчастные случаи и преступления.

Летом 1869 года Воскресенск пережил страшный пожар. В понедельник, 14 июля, как свидетельствует в письме в редакцию «Московских ведомостей» анонимный очевидец происшествия, «... в полдень необычные частые удары колокола разнесли печальную, всем знакомую весть, а густой, столбом поднявшийся дым дал понять, что пожар недалеко...». В статье сообщается, что пожар возник в одной из соседних деревень, откуда, по причине сильного и порывистого ветра, распространился на городскую застройку. В течение полутора часов огонь охватил 60 домов. «Казалось, будто огненная река разлилась на полуверстном пространстве, истребляя в своем стремительном течении до основания все, что ей ни попадалось» – так образно катастрофу описывает очевидец событий.

Город оказался совершенно не подготовлен к разгулу стихии: «С одной стороны, знойная погода, сильный ветер, масса дерева и соломы, с другой – неимение исправных огнегасительных снарядов и общественных колодцев, при отдаленности реки давали простор пламени». Пожар угрожал единственному в городе каменному храму (церковь Вознесения Господня): «...на колокольне и на крыше трапезного храма во многих местах стал показываться огонь».

В критический момент руководство спасением храма от пожара взял на себя местный почетный гражданин фабрикант Павел Григорьевич Цуриков, прибывший со своим снаряжением для тушения пожара. «Невзирая на явную для себя опасность, он с христианским самоотвержением, после неоднократной попытки нашел возможность пробраться к церкви и отчасти своим примером, а более обещанием значительного вознаграждения расположил к содействию и других. Храм был спасен», – сообщал в газету очевидец событий.

Причины пожара не были установлены, но подозревали поджег. В статье сообщается об одной жертве пожара – пожилой женщине, пытавшейся спасти из огня свое скудное имущество. Без крова и вещей осталось около 60 семей. П. Г. Цуриков из своих средств оплатил ремонт получившей повреждения части храма и выплатил погорельцам более 1000 рублей [3]. Так впервые на страницы «Московских ведомостей» попало упоминание о крупнейшем благотворителе г. Воскресенска.

Тем же летом 1869 года настоятелем ставропигиального Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря был назначен архимандрит Леонид (Кавелин). 27 августа архимандрит прибыл в обитель [1, с. 253]. К началу управления архимандритом Леонидом Новым Иерусалимом численность братии монастыря составляла 29 человек, из них 22 инок и 7 послушников. Всего в обители, вместе с находившимися на испытании, проживало 36 человек

[1, с. 255]. Период настоятельства архимандрита Леонида в Новом Иерусалиме отмечен устроением новых приделов, масштабными строительными и реставрационными работами [1, с. 263]. Высокообразованный архимандрит Леонид вошел в историю монастыря также собирательством старинных рукописей, книг и других памятников старины, созданием монастырского музея и многочисленными историческим изысканиями [1, с. 270–277].

В мае 1873 года архимандрит Леонид принимал в Воскресенском монастыре писательницу Екатерину Владимировну Новосильцеву (1820–1885), известную в свое время популярными нравоучительными и назидательными очерками для детей и юношества на исторические и религиозные темы. В публикациях в «Московских ведомостях» Е. В. Новосильцева скрывалась под псевдонимом «Т. Н.» [2, с. 150].

Очерк Е. В. Новосильцевой в «Московских ведомостях» о пребывании в Новом Иерусалиме начинается с рассказа о криминальной истории, произошедшей за три дня до ее приезда: семнадцатилетний мещанин, некто Дмитрий (Митюха), живший в работниках у столяра, оглушил ударом дубины по голове, а после зарезал девяностолетнюю старуху, проживавшую с дочерью, торговавшей «красным товаром» – тканями. Убийца забрал из дома старухи сто рублей денег. Преступника спугнули, поэтому он поспешно покинул место преступления, разбив окно. Вернувшись весь в крови на квартиру к столяру, он начал поспешно отмывать руки и одежду, чем привлек всеобщее внимание. Между тем соседи опознали жилетку, оставленную на месте преступления. Убийца был задержан.

Об этом преступлении писательнице рассказал архимандрит Леонид, заключив свой рассказ тем, что «что-то роковое лежит на всем семействе убийцы. Его мать содержится в звенигородском остроге, а дядя его был сослан на каторжные работы за попытку ограбить монастырь». Затем он поведал своей гостье о том, что несколько лет назад в монастырь пробрался вор, ночью пытался вскрыть дверь в ризницу, но его останавливал некий внутренний голос. Под конец вор преодолел свой страх, проник в ризницу, ободрал драгоценные камни со всех митр, которые там хранились, и скрылся. Тем не менее, кражу быстро обнаружили и быстро приняли меры, расставив конные казачьи патрули на всех дорогах. Один из таких патрулей и задержал грабителя.

Архимандрит Леонид также рассказал, что «...в обители приняты все предосторожности против воров. Не надо забывать, что во храме сорок три придела и что летом посетителей очень много; прошлого года их было до двадцати тысяч. По невозможности усмотреть за ними, не оставляют никогда утвари на престолах, а по окончании службы все запирают в шкапы или сундуки».

Постепенно разговор перешел к теме повседневной жизни в обители.

Е. В. Новосильцева отмечает, что «архимандрит Леонид в продолжении своего четырехлетнего пребывания ввел самые счастливые преобразования». В подтверждение своих слов она пишет: «Он любитель древностей, привел в порядок манускрипты, которые нашел в архиве, и занялся отысканием древних портретов и мелких вещей, почему бы то ни было замечательных, рассеянных по подвалам и чердакам. Из всего собранного им он составил маленький музей, который поместил в комнатах, где жил преемник Никона, архимандрит Амвросий. К счастью, эти комнаты сохранили свой первобытный характер. Они на сводах, и главная их красота состоит в изразцовых печах самой изящной работы».

Из всех особенностей и традиций монастырской жизни в Новом Иерусалиме писательница особенно выделила почитание патриарха Никона: «...нас удивила популярность имени Никона. Нет бедной богомолки, которая не вписала бы его в свое заупокойное поминание. У его гробницы служат много панихид, за которые платят по складчине, и прикладываются к веригам, снятым царем Феодором с усопшего патриарха».

Еще одним местом паломничества был скит патриарха Никона, расположенный возле монастыря: «Толпы богомолков, пришедших издалека с костью в руке и с сумкой за плечами, желают также осмотреть скит, где спасался батюшка Никон (курсив в тексте – А.Л.). Е. В. Новосильцева пишет, что скит в византийском вкусе имел три яруса. На первом ярусе была трапезная, самое обширное помещение скита, на втором – прихожая, зала с портретом патриарха и церковь Богоявления; на третьем ярусе – церковь Петра и Павла и келейка Никона с его ложем – «камень, покрытый рогожкой». Под первым ярусом находился подвал, состоящий из двух комнат, кухни и кладовой. В скиту патриарха Никона постоянно жил один монах, в обязанности которого входило показывать скит посетителям.

Почитание патриарха Никона в Воскресенском монастыре привело к появлению необычного ритуала у местных паломников: «Окрестные жители рассказывают, что Никон сам таскал камни для сооружения храма Нового Иерусалима. Под влиянием этого преданья образовался странный обычай: в день отданья Светлого праздника обходят обитель крестным ходом; народ стекается толпами на эту церемонию, и каждый несет камень над головой. Случалось, что ломали ограды, и чтобы предохранить их от разрушения, архимандрит приказал насыпать около монастырских стен небольшие кучи камней» [4].

В 1876 году вся Россия следила за освободительной борьбой единоверцев – балканских славян, сербов и болгар против Османской империи.

Всёобщее негодование вызывали новости о жестоких расправах турецких солдат с мирным христианским населением. В обществе росла убежденность в том, что Россия должна не оставлять в беде братьев-славян и помочь им свергнуть многовековое турецкое иго. Представители всех сословий активно жертвовали денежные средства и личные вещи на нужды балканских христиан. Активнее всего сбором пожертвований занимались священнослужители русской православной церкви.

В Звенигородском уезде, в окрестностях Воскресенска, сбор организовал приходской священник села Надовражина Николай Федорович Разумовский. В № 212 Московских ведомостей от 20 августа была помещена заметка о его деятельности. Священник прочел собравшемуся в храме народу сообщения из Филиппополя (сейчас Пловдив), помещенные в № 200 «Московских ведомостей», «о тех мучениях и жестокостях, которые претерпевают несчастные болгары от рук ненавистных турок», а затем призвал прихожан пожертвовать «на помощь несчастным страдальцам». Народ в храме был глубоко тронут речью священника, люди жертвовали кто сколько мог: «иной нес пятак, другой гривенник, кто побогаче клал рубль». После богослужения священник обошел с кружкой все село. Местные крестьяне проявили деятельное участие в сборе пожертвований: «женщины со слезами на глазах подходили к нему и, крестясь, подавали платки, нитки, холсты, у кого что было».

В последующие дни священник обошел все деревни своего прихода, расположенные друг от друга на расстоянии нескольких верст. Таким образом, ему удалось собрать «...от сорока двух до сорока пяти рублей, несколько десятков аршин холста, два фунта ниток, несколько пар чулок, носков, платков и т.п. Все эти пожертвования, как вещи, так и деньги, Н. Ф. Разумовский препровождает в Славянский Благотворительный Комитет».

Автор заметки, подписавшийся инициалами Н.К., заключает, что приход в Надовражине бедный, но вокруг есть богатые торговые села, «...многие жители которых известны своею зажиточностью. Сбор с этих приходов мог бы дать, без сомнения, гораздо большую сумму» [5].

В период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в г. Воскресенске был организован госпиталь для раненых русских солдат. Для этой цели земство купило участок с полуразрушенными зданиями бывшей фабрики купца П. Д. Чикина в двух верстах от Воскресенска. Часть денег выделила губернская земская управа, часть собрали добровольцы, среди которых следует особо упомянуть фабриканта П. Г. Цурикова, пожертвовавшего три тысячи рублей. Обустройством госпиталя занимались земские деятели и владельцы расположенной недалеко от Воскресенска усадьбы Покровское-Рубцово братья Голохвастовы – Павел Дмитриевич и Дмитрий Дмитриевич. Вскоре после

завершения войны, в 1879 году, бывший госпиталь при деятельном участии звенигородского предводителя дворянства Н. В. Рукина был преобразован в городскую больницу [46, с. 163–164].

Первая публикация об организации госпиталя появилась в № 248 от 8 октября 1877 г. за подписью «М. Ц – Ъ». В публикации сообщалось: «Сочувствуя потребностям времени, Звенигородское земство пожертвовало на устройство лазарета для раненых и больных воинов довольно поместительный дом, находящийся около города Воскресенска, и 1000 рублей деньгами. Здание состояло из совершенно нежилого корпуса, и, чтобы приспособить его под госпиталь, потребовалась значительная сумма денег. Уездный предводитель дворянства князь А. М. Голицын и председатель земской управы Д. Д. Голохвастов стараниями своими много способствовали исполнению задуманного предприятия». Далее сообщалось, что первым на приглашение к пожертвованию отозвался «сочувствующий всегда всему доброму и благородному местный землевладелец и фабрикант П. Г. Цуриков, предложивший изрядную сумму, на которую и был отделан весь лазарет; кроме того, он же взялся содержать на свой счет всех больных». В статье отмечается, что «благодаря неунынным стараниям гг. Голохвастова и Рукина, госпиталь устроен со всеми подходящими к гигиеническим условиям приспособлениями». В статье описывается внешний вид госпиталя: он представлял собой двухэтажное здание (первый каменный этаж, где размещался персонал, и второй деревянный этаж, где размещались раненые), окруженное парком.

В статье отмечается, что госпиталь имел необходимое оборудование, в том числе железные кровати, столы, стулья, посуду, халаты и белье для больных. Обеспечение госпиталя халатами и бельем взяли на себя дамы г. Воскресенска. Основной персонал госпиталя состоял из врача, фельдшера, двух служителей и пяти сиделок. Наблюдать за госпиталем вызвалась А. С. Тулузакова, у которой, как отмечала газета, имелся большой опыт, полученный в Крымскую войну, во время обороны Севастополя. Торжественное открытие Воскресенского госпиталя Красного креста состоялось 22 сентября «...в присутствии почти всего местного комитета и почетных лиц города...» [6].

В номере «Московских ведомостей» от 26 ноября был помещен материал о прибытии в госпиталь г. Воскресенска первого транспорта с ранеными и больными, переведенными из московских больниц. Газета сообщает, что перевозку раненых организовывал комитет «Христианская помощь». Автор отмечает, что «...лучшего удобства при перевозке больных и раненых и желать нельзя». Далее описывается устройство экипажа для перевозки раненых: «...довольно длинный и высокий фургон вмещает в себе до восьми коек, две пары внизу и таковые же наверху висячие, все койки на пружинах, так что

качки почти нет. Каждая койка по мере надобности при труднобольном снимается, и на ней прямо переносят больного в палату. На каждой койке матрац с бельем и теплым одеялом. Внутренность всего помещения обита карболизированным толстым войлоком; экипаж имеет все приспособления и удобства для дороги». Автор заметки ставит в заслугу комитету «Христианская помощь» и лично ее уполномоченному А. С. Киселеву безукоризненный порядок, с которым была проведена перевозка раненых на 58 верст из Москвы в Воскресенск. Среди первых пациентов госпиталя были и довольно тяжелые с ранами от разрывной пули и от кинжала. Также в первой партии раненых, прибывших в госпиталь г. Воскресенска, был Георгиевский кавалер из 20 Галицкого пехотного полка Роман Коваленко, удостоившийся награды лично от императора Александра II [7].

В январе 1878 года жители Воскресенска пребывали в трауре: скончался известнейший в городе и его окрестностях купец, промышленник и благотворитель Павел Григорьевич Цуриков. Свидетельством значимости П. Г. Цурикова не только для Звенигородского уезда, но и для всей Московской губернии является то, что в газете «Московские ведомости» поочередно вышли сразу три обширных материала, посвященных П. Г. Цурикову.

В номере от 10 января помещено сообщение об отпевании и погребении П. Г. Цурикова, состоявшихся 8 января в селе Ивановском Звенигородского уезда. На прощании планировал присутствовать митрополит Московский Иннокентий, но не смог из-за поездки в Санкт-Петербург. По поручению митрополита на погребении П. Г. Цурикова присутствовал епископ Дмитровский и викарий Московский Игнатий, преподнесший от имени митрополита вдове покойного Анне Сергеевне икону Божьей Матери. Он провел богослужение совместно с архимандритом Ново-Иерусалимским Вениамином, наместником Саввино-Сторожевского монастыря Галактионом. В богослужении также участвовали представители братии Троице-Сергиевой Лавры и священники из окрестных сел.

Иерей Сергей, автор статьи, участвовавший в богослужении, отмечал: «Прекрасная церковь, устроенная Павлом Григорьевичем, не могла вместить в себе огромного числа народа; он молился за помин души новопреставленного около церкви. Последнее прощание было трогательно, все были допущены, и каждый теснился в последний раз приложиться к иконе и поцеловать благодетельную (так в тексте – А.Л.) руку почившего скромного труженика. Гроб был опущен преосвященным Игнатием во склеп правого придела храма при общей молитве тысяч народа» [8].

В № 16 «Московских ведомостей» был помещен очерк-некролог «П. Г. Цуриков», подписанный «А.В.». Значимость личности П. Г. Цурикова в нем

отмечается следующим образом: «...Все его знали не только как одного из значительнейших русских фабрикантов, но и как горячего ревнителя православия, любителя церковного благолепия, щедрого дателя (так в тексте – А.Л.), всегда готового помочь благу делу... Покойный вышел из рядов народа, он любил это вспоминать, близко знал простой народ и умел помогать ему. К Звенигородской своей родине П. Г. был горячо привязан и, несмотря на богатство, никогда не покидал тех мест, где протекло его убогое детство. Для рабочих своих он был отцом».

В очерке подробно перечисляются благодеяния, сделанные П. Г. Цуриковым: «Он учредил примерную во всех отношениях лечебницу и школу, которая считается одной из первых по уезду. Все церкви края были им или обновлены, или созданы вновь, или же получили богатые вклады. В Воскресенске он устроил великолепное училище, в Звенигороде основал Мариинскую земскую школу. Все тут было дело рук его – и новые прекрасные дома, и полное обзаведение, и самое содержание этих школ. Звенигородская больница лет шесть тому назад была перестроена на его деньги, а в настоящем году образцовый лазарет Красного Креста на земской даче близ Воскресенска отделан и содержится почти исключительно на средства П. Г. Цурикова. Им же проведены были шоссе от фабрики до Волоколамской земской дороги, и от Саввина монастыря до Звенигорода. Но и это составляет только бледную сторону не оскудевавшего милосердия покойного». Далее автор сообщает, что проститься с П. Г. Цуриковым пришло очень много простых людей со всего Звенигородского уезда: «Нет деревни во всем уезде, где бы ни раздавался теперь самый искренний, самый раздирающий душу плач. Четыре дня стояло тело до погребения. И во все эти четыре дня раздавалась в скромном домике покойного одна немолчная панихида. Жители не только окрестных, но и отдаленных сел, с причтами во главе, являлись помолиться у гроба мирно почившего благодетеля. Панихида следовала за панихидою, не прерываясь. Этот плач, это истинное глубокое неподдельное горе – лучшая похвала покойному» [9].

Наконец, 25 января в № 24 «Московских ведомостей» был опубликован полноценный некролог, содержащий краткую биографию П. Г. Цурикова. В некрологе приводилась красивая, но явно далекая от истины версия происхождения фамилии фабриканта, якобы предки П. Г. Цурикова родом из Швейцарии, а фамилия Цуриков происходит от названия кантона Цюрих. По версии автора некролога (М. Ц-В'Ъ), Цуриков родился около Воскресенска и получил домашнее образование. Начальный капитал получил от доставшегося ему в наследство небольшого суконного производства, которое он усовершенствовал и расширил: «...впоследствии выработка сукон Цурикова доведена была до замечательной степени совершенства, и по

своей доброкачественности и добросовестности приготовления получила известность во всей России. Раз начатое дело не ослабевало в продолжение почти 40 лет; даже в критическое время торговли, когда некоторые фабрики сокращали выработку, фабричная деятельность П. Г. Цурикова продолжалась в значительных размерах». В некрологе отмечается, что сначала Цуриков был купцом 3-й гильдии, но за выдающиеся заслуги был возведен в потомственные почетные граждане и назначен мануфактур-советником, а его фабрика имела государственный герб. Позже П. Г. Цуриков был возведен и в потомственное дворянство.

Так же, как и в двух предыдущих публикациях, большое внимание автор уделил набожности и благотворительной деятельности П. Г. Цурикова. Так, например, в Иерусалиме Цуриков выкупил участок, на котором, по преданию, находился Мамврийский дуб, построив там часовню и основав богадельню и гостиницу для паломников.

Среди прочего, в некрологе перечислены награды П. Г. Цурикова: ордена св. равноапостольного князя Владимира 3-й и 4-й степени, св. Анны 2-й степени с короной и св. Станислава 2-й степени с короной [10].

Потрясения 1880-х гг., такие как революционный террор народовольцев и начало стачечного движения рабочих, обошли заштатный Воскресенск стороной, поскольку в городе было мало как рабочих, так и учащейся молодежи – двух наиболее социально активных групп населения. Воскресенск продолжал неторопливо развиваться. В Воскресенске практически не происходило событий, которые обычно привлекают внимание журналистов. Исключение составляла хроника происшествий. Так «Московские ведомости» за 1888 год сообщают: «В городе Воскресенске крестьянин Иван Рудаков, 38 лет, будучи в пьяном виде, стал купаться в реке Истре и на глубине 5 аршин утонул» [11]. В другом номере: «В городе Воскресенске, в саду г-жи Менгалевой, повесился на дереве воскресенский мещанин Никита Андреев, 46 лет» [12]. В том же номере сообщалось еще о нескольких чрезвычайных происшествиях в окрестностях Воскресенска: **Несчастный случай.** Близ деревни Крюковой Звенигородского уезда, на крутом косогоре был задавлен опрокинувшимся возом крестьянин Василий Антонов, 58 лет. **Утонувшая.** Близ села Ивановского Звенигородского уезда, в реке Истре усмотрено мертвое тело крестьянки Авдотьи Капраловой, 55 лет. **Пожары.** В селе Карцеве, Звенигородского уезда от неисправности дымовых труб сгорело три дома. Убытка 400 рублей. В деревне Алехнове сгорело пять домов. Убытку понесено на 2620 рублей» [12].

1890-е годы, отметившиеся в России бурным ростом экономики, промышленным подъемом и активным железнодорожным строительством, не сильно

повлияли на тихую и размеренную жизнь жителей города Воскресенска. Главным событием в сфере управления стало принятие нового Городового положения. Думу заменило собрание уполномоченных, а городского голову – староста. Выбирать и быть избранными в городское управление могли горожане от 25 лет, владевшие недвижимостью стоимостью от 300 рублей. Таким образом, был повышен имущественный ценз, а число избирателей существенно сократилось. Собрание уполномоченных осуществляло распорядительную власть, а городская управа – исполнительную. Староста возглавлял управу и был председателем городского собрания. В Воскресенске староста имел одного помощника [46, с. 195].

Главной потерей 1890-х гг. стал для жителей Воскресенска уход из жизни 22 октября 1892 года архимандрита Леонида Кавелина, скончавшегося в Троице-Сергиевой лавре, наместником которой он был с 1877 года. В «Московских ведомостях» вышла статья под заголовком «Заметка по поводу кончины архимандрита Леонида», написанная известным в свое время публицистом и духовным писателем Е. Поселяниным (Евгений Николаевич Погожев, 1870–1931). В статье автор пересказывает свою беседу с архимандритом Леонидом, который предстает перед нами интеллектуалом: «...он водил в свой кабинет, заставленный сплошь книжными шкафами...», скромным: «...обед лаврского наместника был беднее обеда на общей трапезе...», приветливым и общительным человеком с «молодым оживленным лицом и поэтической речью». Среди прочего, во время беседы с автором заметки архимандрит Леонид признался в любви к поэзии и декламировал стихи, «больше всего выбирал из произведений ему близкого, малоизвестного поэта Цурикова». Е. Поселянин пишет: «Отец Леонид говорил, что у него собрано все, что можно было собрать по смерти Цурикова, и что он все думает, как бы издать его стихи» [13].

Из значимых городских событий 1890-х гг., упомянутых на страницах «Московских ведомостей», можно отметить празднование двадцатилетия Воскресенской лечебницы губернского земства. Газета сообщала: «На молебен, совершенный в стенах лечебницы, прибыл из Москвы врач П. А. Архангельский, более 15 лет заведовавший этой лечебницей. Портрет г. Архангельского в этот день, по постановлению земского собрания, украсил впервые стены лечебницы; кроме г. Архангельского прибыли из Москвы член губернской земской управы М. В. Челноков, земские врачи и другие служащие» [14].

Также случались в этот период в Воскресенске чрезвычайные происшествия и преступления, но они были очень редки. Так, например, в 1899 г. в окрестностях Воскресенска произошло двойное убийство. «Московские ведомости» писали: **«Воскресенск. Убийство.** Не так давно мы сообщали

о двух загадочных убийствах близ г. Воскресенска, около которого были найдены трупы двух неизвестных – мужчины и женщины. По этому случаю было произведено дознание, в результате которого выяснилось, что убитый – крестьянин Степан Иванов Кондратьев, 40 лет, шедший в село Нахабино с целью записаться в Общество трезвости; звания же женщины пока не выяснено. Убитый для своего паломничества взял отпуск у своего хозяина и, как рассказывают, при отправлении в дорогу имел всего 60 коп. денег, так что можно предполагать, что он дорогой с кем-либо поссорился и во время ссоры был убит» [15]. По всей видимости, преступление так и не было раскрыто.

Наступление нового столетия ознаменовалось появлением в г. Воскресенске железной дороги, принесшей в тихий купеческий городок существенное оживление. «Московские ведомости сообщали: **«Воскресенск.** Городским общественным управлением Воскресенска Московской губернии был получен на днях ответ от Министерства путей сообщения по поводу возбужденного им ходатайства, что вблизи города в указанном им месте Московско-Виндавской железной дороги будет устроена станция для приема и высадки пассажиров, но без приема и выдачи, однако, багажа и грузов» [16].

В окрестностях Воскресенска продолжалось и храмовое строительство. Так 9 ноября 1900 года «Московские ведомости» сообщали: **«Освящение нового храма.** 8 ноября состоялось освящение вновь сооруженного трехпридельного храма во имя Архистратига Михаила в селе Дарне Звенигородского уезда. Чин освящения и литургию совершал высокопреосвященный Владимир, митрополит Московский и Коломенский соборне. Владыка произнес за литургией слово и после богослужения благословил молящихся, собравшихся на торжество в большом количестве. После литургии происходило чествование прихожанами местного ктитора, которому от прихожан была поднесена икона» [17].

Революционные события 1905–1907 гг. негативно отразились на состоянии всего российского общества. В городе Воскресенске и его окрестностях после 1905 года, по материалам периодической печати мы можем наблюдать существенный рост преступности. Характерно, что во многих случаях объектами преступных посягательств становились православные храмы и священнослужители. Это можно объяснить как богатством церкви и сравнительной доступностью церковных ценностей для преступников, так и тем, что в преступной среде стал пропадать образ храма как сакрального неприкосновенного места, поскольку прежде подобные криминальные эпизоды фиксировались значительно реже. Так, например, 21 сентября 1907 г. в селе Бужарове был убит священник Преображенской церкви Виктор

Николаевич Воздвиженский 68 лет и его супруга Ольга Федоровна 64 лет. Священник и его супруга были застрелены в голову из револьверов, их дом был ограблен и подожжен. По данным газеты, преступников было несколько, поскольку соседи убитого священника дали показания, что незадолго до преступления появлялось несколько подозрительных молодых людей, расспрашивающих о том, где живет священник. Также в лесу, рядом с местом преступления, были обнаружены остатки ужина преступников [24]. В Воскресенске и окрестных населенных пунктах преступления в отношении имущества церковей совершались и позднее, но они обходились без кровопролития. Например, в январе 1908 года в алтаре храма Воскресения Христова в Воскресенском Ново-Иерусалимском монастыре был задержан бывший унтер-офицер Фомин, проникнувший туда с целью кражи. У неудачливого преступника были изъяты золотые «запонки» с драгоценными камнями, снятыми с иконы Спасителя [26]. В следующем, 1909 году, подобные преступления повторялись. Только в июне в звенигородском уезде были ограблены церкви в селах Рождествено, Теплеве и Знаменское. Похищались ковчеги, сосуды, кресты, другие предметы церковной утвари, а также деньги [31].

В Звенигородском уезде появлялись даже крупные банды. Одна такая банда, в ночь на 24 мая 1909 года совершившая вооруженное ограбление в Шараповской волости Звенигородского уезда, вскоре была настигнута отрядом стражников во главе с урядником Лобановым. Противостояние развернулось близ Борисоглебского Аносина монастыря. Три бандита отчаянно отстреливались. В результате перестрелки один бандит был убит, двое других скрылись, бросив телегу с награбленными вещами и коллекцией ножей и кинжалов [30].

Каких-либо революционных выступлений или террористических актов на территории Звенигородского уезда в 1905–1907 годах, по материалам «Московских ведомостей», не фиксируется. Единственный, непосредственно связанный с революционными событиями инцидент произошел на станции «Снигири» (тогда название станции писалось через букву «и» – А.И.) Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги 23 мая 1906 года. Из арестантского вагона почтового поезда № 4 сбежал виленский мещанин Гирша Менделев Гумяинский 20 лет, высылаемый на житье в Тобольскую губернию на 4 года за участие в запрещенной политической деятельности [18]. Вскоре он был задержан недалеко от станции «Нахабино» [19].

Несмотря на революционные потрясения, церковь оставалась одной из важнейших составляющих провинциальной жизни. В августе 1906 года в «Московских ведомостях» вышла большая статья, посвященная 35-летию пребывания в святительском сане архиепископа Иустина (в миру Ивана

Яковлевича Охотина) (1829–1907), бывшего архиепископа Одесского и Херсонского, в 1905–1907 гг. являвшегося настоятелем Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря. Автор статьи отмечает: «...Неутомимые труды на пользуверяемых ему паств, ревностная заботливость об улучшении всех отраслей епархиального управления, постоянное попечение о распространении духовных училищ и церковно-приходских школ, заботы о благоустройстве храмов (капитальный ремонт Одесского Преображенского собора) и щедрая благотворительность – все это снискало архиеп. Иустину глубокое уважение среди православного населения тех епархий, где приходилось служить этому достойному архипастырю» [20].

В том же году «Московские ведомости» сообщили еще о двух событиях в Звенигородском уезде, связанных с церковной жизнью: 23 ноября в Павловской Слободе скончался священник И. Никольский, прослуживший в сане 30 лет [21], а в декабре также в Павловской Слободе состоялось освящение храма во имя Благовещения Богоматери. Иконописцем В. П. Гурьяновым был отреставрирован старинный иконостас и иконы XVIII века. Вся реставрация обошлась в сумму порядка 20.000 рублей [22].

25 мая 1907 года скончался настоятель Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря архиепископ Иустин. Новым настоятелем монастыря был назначен архиепископ Тихон, в миру Василий Варсонофьевич Никаноров (1855–1920). Четвертого сентября 1907 года «Московские ведомости» опубликовали материал о прибытии в Новый Иерусалим нового настоятеля. В заметке приводились основные сведения о биографии нового настоятеля: сын псаломщика из Олонецкой епархии, в 1881 году окончил курс Петербургской Духовной академии, в 1884 году принял монашество в сане иеромонаха и был назначен инспектором Новгородской духовной семинарии, в 1890 г. стал ректором и был возведен в сан архимандрита, в 1892 г. стал епископом Можайским, в 1899 г. – епископом Полоцким, а в 1902 г. – епископом Пензенским. Газета сообщала: «По прибытии в Новый Иерусалим преосвященный Тихон был встречен с подобающими почестями. Через несколько дней преосвященного Тихона посетили преосвященный Владимир, митрополит Московский и Коломенский, и преосвященный Никон, епископ Вологодский и Тотемский» [23].

Первым крупным мероприятием, в котором принял участие новый настоятель, стало освящение придела в честь святой праведной Анны. «Московские ведомости» сообщали, что придел был обновлен на средства, завещанные архиепископом Иустином. Двухъярусный иконостас был заново позолочен, а 26 находившихся там икон были отреставрированы придворным иконописцем В. Н. Гурьяновым. Также в газете сообщалось: «Согласно воле почившего

архипастыря Иустина, погребенного в названном приделе, над могилою его в настоящее время положена массивная металлическая плита с надписью: «Архиепископ Иустин, управлявший Воскресенским монастырем, в Бозе почил 25 мая 1907 года. Помяни мя, Господи, в царствии твоём». В ногах могилы архиепископа, в стене придела водружена медная вызолоченная доска, также с вышеприведенной надписью [25], на стене у могилы была помещена икона Курской Богоматери «Знамение» в серебряном окладе с неугасимой лампадой. Чин освящения придела при большом стечении молящегося народа провел лично епископ Тихон со старшей братией монастыря [27]. Епископ Тихон пробыл настоятелем Нового Иерусалима до 1912 года, затем став епископом Калужским и Боровским.

Пожарная безопасность в начале XX века, несмотря на усилия городских властей, оставалась уязвимым местом для Воскресенска, где все еще преобладали деревянные дома. Самым масштабным в этот период в городе стал пожар, охвативший 16 июля 1908 года детский приют имени Морозовых, помещавшийся в деревянном доме. «Московские ведомости» сообщали: «Пожар был замечен надзирательницей. Раздались обычные свистки, и ударили в набат. С большим трудом удалось вывести полусонных детей от 3-х до 10 лет и спасти имущество приюта. Дети были помещены в свободном помещении здешнего отделения Преображенской психиатрической больницы». Это происшествие вскрыло серьезные проблемы в пожарной безопасности г. Воскресенска и вызвало резкую критику местной пожарной команды: «Пожарная команда Воскресенска очень плоха, хотя пожары в Воскресенске и предместье Нового Иерусалима очень часты. Все не доведено до конца: каланча выстроена, но часового на ней нет, бочки есть, а лошадей нет». Причина пожара не была определена, но местные жители склонялись к версии поджога [28].

Не только преступления и пожары волновали горожан Воскресенска. Периодически в Звенигородском уезде происходили локальные вспышки заразных заболеваний: оспы, холеры, сибирской язвы и тифа. О них регулярно сообщали газеты. Как правило, вспышки происходили в деревнях, но иногда они возникали и в городе. Так, например, в конце февраля 1909 года в Воскресенской больнице произошла вспышка сыпного тифа. Среди заболевших были женщина-врач Н. М. Гожанская, фельдшерица и сиделка [29].

Манифест 17 октября стимулировал развитие политической жизни в обществе и интерес к публичной политике на всех уровнях, в том числе на уровне земств. 1909 год был отмечен серьезной политической борьбой в Звенигородском земстве. После манифеста члены земств смогли легально оформить свою партийную принадлежность. Это обстоятельство прибавило политической борьбе остроты. В номере от 1 ноября газета «Московские

ведомости» сообщала, что закрылась сессия Звенигородского земского собрания, происходящего под председательством графа И. С. Шереметева. Председателем управы был избран Ю. Г. Карпов, членами управы – Н. М. Русанов и А. Н. Рукин; губернскими гласными – А. Г. Карпов, Н. П. Патрикеев, В. Н. Никитин и В. П. Стариченков. На том же заседании обсуждалось выделение денег на народное образование. В этом вопросе ожидался большой прогресс, потому что на нужды народного образования в 1910 году было отпущено 35 000 рублей против 11 000 в 1909 году [32]. В номере «Московских ведомостей» от 4 ноября снова освещалась работа звенигородского земства. Консервативная газета выразила удовлетворение тем, что вновь избранный состав земства оказался достаточно «умеренным»: «...вместо левого члена управы крестьянина Никитина, прежнего ставленника кадетов, избран умеренный А. Н. Рукин...», но выразила сожаление тем фактом, что в губернские гласные были выбраны двое левых: Стариченков и Никитин. Газета отметила, что это произошло «...потому что некоторые гласные из октябристов, несмотря на соглашение с правыми, в последнюю минуту отдали голоса в пользу левых...». На том же заседании, по инициативе гласного от крестьян Дубакина, было отвергнуто предложение дать Макрушинской школе близ Нового Иерусалима имя Л. Н. Толстого и повесить в ней портрет писателя [33].

Годы, предшествовавшие Первой мировой войне, были для Воскресенска временем уверенного развития и экономического роста. В городе поддерживались и развивались традиции благотворительности, заложенные П. Г. Цуриковым. Также, преимущественно на частные средства и пожертвования, в городе продолжали открываться социально значимые учреждения. Так, в одном из январских выпусков «Московских ведомостей» за 1910 год сообщалось, что «С. М. Попов, один из наследников А. С. Цуриковой, пожертвовал Звенигородскому земству дом с усадьбой и капитал в 300 000 руб. на устройство и обеспечение дома призрения» [34]. В этом же году в Воскресенске по инициативе председательницы Воскресенского общества сельского хозяйства госпожи Карповой были открыты учительские общеобразовательные курсы для учителей народных школ Звенигородского, Рузского и Клинского уездов, где предполагалось чтение лекций по естествознанию [35].

В 1912 году в городе была открыта библиотека-читальня им. А. П. Чехова. Легальная в тот период газета «Правда», печатный орган РСДРП, отметила, что «...библиотека составлена очень недурно, главным образом из пожертвованных книг» [45]. «Московские ведомости» открытие библиотеки в Воскресенске не осветили. В июне 1914 года, перед самой войной, в Воскресенске при лечебнице губернского земства состоялось открытие приюта для хроников на 8 кроватей. «Московские ведомости» сообщали, что приюту

было присвоено имя А. С. Цуриковой, а устроен он был на средства, пожертвованные губернскому земству С. М. Поповым [38].

В 1910-е гг. в Воскресенске (станция «Новый Иерусалим») находился крупнейший железнодорожный узел на всем северо-западе Московской губернии [46, с. 235]. Через Воскресенск по железной дороге проходили грузы из Центральной России к портам Балтийского моря и обратно. Пассажирские поезда из Москвы в Ржев и Ригу делали остановку в Воскресенске. Железная дорога стала великим благом для города, но один раз она принесла группе горожан неожиданные неприятности. 28 ноября 1910 года «Московские ведомости» опубликовали следующую заметку: **«Спорное дело.** По ошибке бывшего Воскресенского старосты городская земля, отчужденная под постройку Московско-Виндаво-Рыбинской жд., была названа «мещанской» в акте отчуждения. Когда пришло время получать деньги, то Общество Виндавской дороги отказалось выдать деньги (до 14 000 руб.) городскому управлению Воскресенска, принимая во внимание, что земля названа «мещанской». Причитающееся вознаграждение за землю было переведено в депозит губернского правления. Теперь поднялось на ноги мещанское общество и желает получить деньги в свою пользу; уже приглашен адвокат» [36]. Чем завершилась эта скандальная история, состоялся ли судебный процесс и в чью пользу было принято решение, об этом в последующих номерах «Московских ведомостей» не сообщалось.

Увеличение пассажиропотока через Воскресенск, обусловленное как развитием самого города, так и появлением многочисленных дач в его окрестностях, выдвинуло на повестку дня вопрос улучшения транспортного сообщения Воскресенска с Москвой. В этой связи появился необычный, смелый и самый амбициозный транспортный проект в истории Воскресенска – проект ширококолейной трамвайной железной дороги протяженностью 48 верст от Воскресенска до центра Москвы. Идея принадлежала потомственному дворянину, владельцу усадьбы Зенькино Алексею Николаевичу Рукину и московскому потомственному почетному гражданину, лесопромышленнику Михаилу Александровичу Попову.

Трамвайная железная дорога, по задумке, должна была соединяться с городской трамвайной сетью Москвы. Поезд должен был иметь два-три вагона, по времени весь маршрут должен был занимать около одного часа, остановки в пути предполагались по требованию. Обосновывая необходимость строительства дороги, Попов и Рукин указывали на уникальные климатические и топографические данные местности, также предполагалось, что трамвайная дорога поможет всем желающим москвичам обосноваться на постоянной основе за городом, не теряя при этом связи с Москвой. Авторам проекта

удалось заручиться поддержкой губернского земства, которое отметило пользу строительства трамвайной железной дороги для развития промышленности и кустарных промыслов в населенных пунктах, через которые пройдет трамвайная дорога.

26 августа 1911 года последовало разрешение от императора Николая II на производство изысканий для строительства железной дороги [46, с. 238]. В апреле 1912 года в «Московских ведомостях» появилась заметка: «К сооружению электрической дороги до Воскресенска». В заметке сообщалось: «Строители электрической железной дороги до Воскресенска, которая пройдет на Рублевскую водопроводную станцию, сообщили Московскому городскому голове о своем предложении сомкнуть новую линию с линией городского электрического трамвая у виадука чрез Брестскую железную дорогу (около Ваганьковского кладбища), где будет проложена линия трамвая для соединения Солдатенковской больницы с Пресненской заставой. При этой комбинации строители новой дороги имеют в виду, по соглашению с городским управлением, направить свои пассажирские вагоны до Театральной площади для приема пассажиров, которые будут направляться в Воскресенск или в места, расположенные по линии новой дороги. Они просят разрешения останавливаться их вагонам в углу площади, близ Китайгородской стены и гостиницы «Метрополь».

Г.г. Рукин и Попов просят городское управление командировать своего представителя в междуведомственное совещание о новых дорогах для поддержания их проекта сооружения электрической дороги до Воскресенска» [37]. В начале 1914 года Государственный совет утвердил проект трамвайной железной дороги. Губернская управа начала искать денежные средства для реализации проекта. Городские власти Москвы тоже поддерживали проект, но высказали ряд собственных требований и претензий, касавшихся преимущественно технической стороны дела. Пока между сторонами шли переговоры, началась Первая мировая война. В 1916 году право на строительство трамвайной железной дороги приобрело Бельгийское трамвайное общество. Авторы проекта получили должности пожизненных почетных директоров [46, с. 239]. Революция 1917 года окончательно поставила на проекте трамвайной железной дороги крест.

Первая мировая война не внесла существенных коррективов в жизнь заштатного Воскресенска, находившегося более чем за тысячу километров от фронта. Непосредственно война вошла в жизнь лишь в семьи мобилизованных. Повседневная городская жизнь между тем текла своим чередом. В сентябре 1914 года в Звенигороде собиралось чрезвычайное уездное земское собрание, обсуждавшее вопросы войны [39]. Следом за ним – собрание

членов восьми артелей кустарей-деревообделочников Звенигородского уезда, также для обсуждения вопросов, связанных с войной. Было решено все подготовительные работы, не требующие знания мастерства, отдавать для исполнения семьям запасных, а также отчислять из чистого заработка артелей 3% в пользу раненых и 2% в пользу семейств запасных [40]. В феврале 1915 года в запасной батальон, располагавшийся в Павловской слободе, вместе с группой добровольцев прибыл из Серпухова 14-летний Николай Сорокин. Мальчик хотел попасть на фронт, так как его отец погиб в русско-японскую войну, мачеха бросила его, а опекавшая до недавнего времени бабушка – скончалась. Мальчик занимался в Серпухове нищенством. Мальчик был отправлен обратно в Серпухов «для водворения и призрения» [41]. Война целиком приковала к себе внимание прессы, в то же самое время она замедлила экономическую жизнь в стране, поэтому внутренних известий, в том числе и из Воскресенска, в газетах немного. По-прежнему исключение составляли сводки преступлений и происшествий. Так, в самом конце декабря 1914 года во время охоты из-за неосторожного обращения с оружием смертельное огнестрельное ранение получил подданный Италии Карл Манже, служивший на фабрике Дедовской мануфактуры, а в ночь с 23 на 24 мая 1915 года в колонии для малолетних беспризорных детей в деревне Садки произошел пожар, в результате которого сгорел дотла деревянный одноэтажный дом колонии, все надворные постройки, скот и имущество. В пожаре погибло шесть человек – заведующая колонией Н. И. Верещагина и пять детей от трех до пятнадцати лет [42].

Первая мировая война привела к усугублению экономических проблем в государстве и обеднению значительной части населения. С фронта домой солдаты возвращались искалеченными не только физически, но и душевно. Далеко не все из них смогли вернуться к прежней мирной жизни. В то же самое время на фронт были призваны или ушли добровольцами многие кадровые сотрудники полиции. Все эти обстоятельства способствовали росту тяжких преступлений, таких как убийство. Так, в течение 1915 года в Звенигородском уезде произошли два загадочных убийства. По всей видимости, оба они так и остались нераскрытыми. В мае в кустарнике на пустоши недалеко от Дедовской мануфактуры был обнаружен человеческий череп, разбросанная верхняя мужская одежда, причем пальто и пиджак были в нескольких местах прорезаны. Тут же был обнаружен кухонный нож с покривившимся лезвием. Само тело предполагаемого убитого так и не было обнаружено [43]. В августе на реке Истре пастухом из деревни Буньково Сергеем Корзиным был обнаружен труп прилично одетой молодой женщины. Ею оказалась беженка из Курляндской губернии, крестьянка Ева Ипшман 23 лет. Убитая приехала из Москвы

от своей родной сестры с целью устроиться на работу. Три дня она прожила в Покровско-Рубцовском госпитале, но работу так и не нашла. В «Московских ведомостях» сообщалось, что «... на теле покойной замечены следы насильственной смерти. Медицинским вскрытием трупа установлено, что покойная была брошена в воду уже мертвой» [44]. О дальнейшем ходе расследования и о нахождении преступника в следующих номерах газеты не сообщалось.

Реформы периода царствования Александра II определили последовательное развитие Российской империи по капиталистическому пути. Это хорошо видно на примере провинциального заштатного городка Воскресенска. Уже в 1870-е годы прирост населения, вызванный расширением прежних и строительством новых текстильных фабрик в окрестностях города, дает импульс появлению в городе первых социально значимых учреждений (больница). Строительство железной дороги определило превращение Воскресенска в достаточно крупный железнодорожный узел северо-запада Московской губернии, значительно укрепило экономические связи города с Москвой и способствовало привлечению в Воскресенск и его окрестности туристов, паломников и дачников. В городе активизировалась культурная жизнь: открывались школы, училища, курсы, библиотека. Развитию социальных и культурных учреждений способствовали как церковь (Ново-Иерусалимский монастырь), так и частный капитал (П. Г. Цуриков и его наследники). Первая мировая война прервала развитие и экономический рост как всей огромной России, так и отдельно взятого города Воскресенска. Февральская революция 1917 года в первые недели и даже месяцы вселила в людей надежду на возобновление успешного развития страны, но ситуация лишь усугубилась. Победа большевиков в октябре-ноябре 1917 года знаменовала решительный разрыв с прошлым. Развитие Воскресенска (с 1930 года – Истры), как и всей страны, продолжилось, но на новых – социалистических принципах.

Список использованной литературы и источников:

1. Кудласевич И. Деятельность архимандрита Леонида на посту настоятеля Ново-Иерусалимской обители (1869–1877) / И. Кудласевич // От Иерусалима до Нового Иерусалима. К 200-летию со дня рождения архимандрита Леонида (Кавелина): Коллективная монография. – Москва: Институт археологии РАН, 2022. – 253 с.
2. Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: в 4 т. Т. 3: Псевдонимы русского алфавита Р-Я / И. Ф. Масанов; подг. к печати Ю. И. Масанов; ред. Б. П. Козьмин; Всесоюзная книжная палата. – Москва: Изд-во Всесоюз. книжной палаты, 1958. – 150 с.
3. Московские ведомости. – 1869. – № 159. – 20 июля.
4. Московские ведомости. – 1873. – № 128. – 25 мая.

5. Московские ведомости. – 1876. – № 212. – 20 августа.
6. Московские ведомости. – 1877. – № 248. – 8 октября.
7. Московские ведомости. – 1877. – № 293. – 26 ноября.
8. Московские ведомости. – 1878. – № 9. – 10 января.
9. Московские ведомости. – 1878. – № 16. – 17 января.
10. Московские ведомости. – 1878. – № 24. – 25 января.
11. Московские ведомости. – 1888. – № 186. – 7 июля.
12. Московские ведомости. – 1888. – № 200. – 21 июля.
13. Московские ведомости. – 1891. – № 295. – 25 октября.
14. Московские ведомости. – 1898. – № 333. – 3 декабря.
15. Московские ведомости. – 1899. – № 165. – 18 июня.
16. Московские ведомости. – 1900. – № 156. – 8 июня.
17. Московские ведомости. – 1900. – № 310. – 9 ноября.
18. Московские ведомости. – 1906. – № 132. – 24 мая.
19. Московские ведомости. – 1906. – № 133. – 25 мая.
20. Московские ведомости. – 1906. – № 194. – 6 августа.
21. Московские ведомости. – 1906. – № 286. – 26 ноября.
22. Московские ведомости. – 1906. – № 310. – 24 декабря.
23. Московские ведомости. – 1907. – № 203. – 4 сентября.
24. Московские ведомости. – 1907. – № 224. – 30 сентября.
25. Московские ведомости. – 1907. – № 234. – 13 октября.
26. Московские ведомости. – 1908. – № 14. – 17 января.
27. Московские ведомости. – 1908. – № 135. – 12 июня.
28. Московские ведомости. – 1908. – № 169. – 22 июля.
29. Московские ведомости. – 1909. – № 48. – 28 февраля.
30. Московские ведомости. – 1909. – № 119. – 27 мая.
31. Московские ведомости. – 1909. – № 137. – 17 июня.
32. Московские ведомости. – 1909. – № 251. – 1 ноября.
33. Московские ведомости. – 1909. – № 253. – 4 ноября.
34. Московские ведомости. – 1910. – № 7. – 10 января.
35. Московские ведомости. – 1910. – № 179. – 5 августа.
36. Московские ведомости. – 1910. – № 275. – 28 ноября.
37. Московские ведомости. – 1912. – № 85. – 13 апреля.
38. Московские ведомости. – 1914. – № 149. – 28 июня.
39. Московские ведомости. – 1914. – № 208. – 7 сентября.
40. Московские ведомости. – 1914. – № 227. – 1 октября.
41. Московские ведомости. – 1915. – № 27. – 14 февраля.
42. Московские ведомости. – 1915. – № 71. – 29 марта.
43. Московские ведомости. – 1915. – № 112. – 17 мая.
44. Московские ведомости. – 1915. – № 191. – 20 августа.
45. Правда: ежедневная рабочая газета. – 1912. – № 164. – 25 (12) июня.
46. У стен Нового Иерусалима: история города Воскресенска-Истры / М. А. Крюкова и др.: отв. ред. Н. А. Абакумова. – Москва: Ист.-архитектурный и худож. музей «Новый Иерусалим»: Лето, 2010. – 430 с.

**ИЗ ЕВПАТОРИИ – В НАХАБИНО.
ИСТОРИЯ ДЕТСКОГО ДОМА № 6
ДЛЯ ИСПАНСКИХ ДЕТЕЙ**

Большинство педагогов и воспитанников детдома № 6 были выходцами из г. Хихон испанской провинции Астурия. Многие дети прибыли в СССР на теплоходе «Кооперация» в результате эвакуации во время гражданской войны в Испании.

Хихон – прибрежный город, так что в Крымской АССР испанские дети чувствовали себя почти как дома. Детский дом № 6 города Евпатория разместился на берегу Черного моря по адресу: ул. Советская д. 6 (ныне – Дувановская улица). Санаторий был образован на базе «Первой Приморской санатории физических методов лечения академика живописи Лосева», основанный в Евпатории в 1905 году. Это была первая лечебная здравница в этом городе. С началом Первой мировой войны в «Приморской санатории» разместился лазарет имени императрицы Александры Федоровны.

О довоенном периоде детского дома № 6 для испанских детей известно немного. Согласно «Списку сотрудников» от 7 февраля 1939 г., обязанности директора исполняла Т. М. Михайлова. Заместителем директора по внешкольно-воспитательной работе был Н. В. Голубев, обязанности заместителя директора по учебной части исполняла Р. М. Мильнер.

В детдоме работали испанские педагоги: Эстер Альварес Алонсо, Педро Хосе Рабональ Родригес, Виктория Амелия Флорес Эстадес. Был среди иностранного персонала детдома и итальянец Либерто Гаспари, или «Либерто Карлович», как его по-дружески называли советские коллеги.

Для жителей Евпатории приезд их испанских сверстников стал событием: «В городе только и говорили: едут дети испанских революционеров, чьи родители погибли. Их радостно встречали, цветы дарили. Чувство было единым – сопричастности, милосердия... Помнили: это сироты, которым надо помочь. Родовались, что им здесь хорошо, окружены теплом и заботой», – многие годы спустя рассказывала жительница г. Евпатории Раиса Абрамовна Холомянская [6].

Многие испанские ребята, особенно подросткового возраста, были травмированы войной, и педагогам с ними было непросто. В документах

упоминается 15-летний воспитанник Рене Чикарус Ойос. В характеристике указывается, что отец юноши был убит в Астурии еще во время октябрьского вооруженного восстания 1934 г. С тех пор Рене воспитывался в приюте. Прибыл в Ленинград 4 октября 1937 года. В детском доме № 6, куда Рене попал в августе 1940 г., он заслужил отнюдь нелестные отзывы. Отмечалось, что мальчик по складу своего характера упрям, неряшлив, грубит старшим, курит. При этом учился он неплохо, имея «посредственно» лишь по русскому письменному и «отлично» по другим предметам. Однако хорошую успеваемость портила лень воспитанника и безразличие к собственному будущему: «Особого интереса ни к чему не проявляет. Желает учиться в Ленинградском техникуме судостроения. Однако в целях воздействия на психологию Рене необходимо приучить его к физическому труду. Ни в коем случае не допускать в Ленинград, где Рене имеет друзей, пагубно действующих на него...», писал классный руководитель Рене в характеристике воспитанника [5, л. 5].

С началом войны и в связи с наступлением фашистских войск перед детдомом возникла угроза оказаться на оккупированной территории. Директор Селяметов докладывал начальнику управления детдомами при Наркомпросе РСФСР Коняхиной, что ряд учреждений, детских санаториев г. Евпатория уже эвакуировал своих детей в другие, более безопасные края и области, и просил срочно дать указание на отъезд. Однако получил 15 июля телеграмму из Москвы, начинающуюся словами: «Выезда не разрешаю», за подписью заместителя Наркома просвещения РСФСР Сарычевой. Таким образом, драгоценное время было упущено. Тем временем враг наступал стремительными темпами, и из Евпатории все же пришлось срочно эвакуироваться. Сначала добрались до Керчи, оттуда на катере, над которым кружили фашистские самолеты – в Краснодарский край. Там сначала детдом разместили в станице Отрадной, далее – в станице Ольгинской. Условия были очень трудные, так как станицы были буквально переполнены беженцами, прибывающими с территорий, занятых врагом.

Из Краснодарского края через Сталинград детский дом был отправлен в Саратовскую область, село Орловское. Это село до ликвидации АССР немцев Поволжья являлось административным центром Орловского сельского совета Маркшгадтского кантона. Директор Селяметов был призван в Красную Армию. Новым руководителем детского дома в Орловском был назначен А. К. Киселев, сам бывший детдомовец, ученик А. С. Макаренка.

«Это был необыкновенный человек. Тогда ему было, наверное, лет сорок. Он был высокий, сильный, и по неизвестной причине его не забрали на фронт. Благодаря ему мы, его детдомовцы, выжили в то голодное, холодное, страшное время», – годы спустя вспоминал воспитанник Мануэль Арсе [2, с. 54].

Киселев добился от местного райисполкома выделения трех дополнительных зданий, в том числе одну недостроенную школу. В двух помещениях пришлось в месячный срок проводить ремонт, чтобы подготовить их к зиме. Ребята занимались во вторую смену в Орловской средней школе. Уроки по-прежнему шли на испанском языке. Однако после длительной и сложной эвакуации многим ученикам уже было трудно заставить себя заниматься. Дети плохо посещали школу, самовольно уходили с уроков, грубили преподавателям, плохо выполняли домашние задания. К тому же суровой зимой 1941–1942 гг. школу несколько раз закрывали из-за продолжительных морозов. В результате успеваемость детей была низкой.

Вскоре после приезда в село Орловское большинство старших воспитанников детдома № 6 были направлены на учебу через систему трудовых резервов в школы ФЗО и в ремесленные училища. В детдоме осталась совсем небольшая группа детей, уже шла речь о закрытии испанского интерната из-за его малочисленности и перевода оставшихся школьников в более крупные учреждения для испанских детей. Однако уже в сентябре 1942 года детдом не закрыли, а наоборот, укрупнили – в село Орловское перевели 215 детей из Саратова. Это были дети, ранее эвакуированные из Одессы.

На 1 октября 1942 года в испанской школе детского дома № 6 числилось 230 детей. [3, л.14, ф.307, оп.1, д.233, л.14]. Школьная жизнь постепенно налаживалась. Значительно улучшилась дисциплина. В отличие от предыдущего учебного года, уроки теперь проходили в тишине и порядке. Утром воспитанники выполняли домашние задания, в два часа начинались уроки в классах – испанской школе выделили часы во вторую смену.

Остро стоял вопрос с комплектацией учебников и других необходимых для школьного обучения материалов. Так, на все классы имелось 18 учебников по истории, а по русскому языку – лишь 12 книг. Находясь в сельской местности, детдом не имел возможности получить в свое распоряжение даже произведения русской художественной литературы, не говоря уж об испанской. Не лучше обстояло дело и с учебниками по остальным предметам, которые также имелись «в ничтожном количестве». По некоторым предметам, например по физике, на класс был лишь один учебник, не было вовсе учебников по естествознанию, не хватало задачников по арифметике.

Для испанских ребят, ранее проживавших в прибрежных солнечных городах СССР – Евпатории и Одессе, переезд в Поволжье не сопровождался ломкой образовательного цикла, т.к. уроки по-прежнему шли на испанском языке. Новым было другое – сельская местность, континентальный климат, достаточно морозные снежные зимы.

Как последователь А. Макаренко, А. К. Киселев считал, что труд сам по себе имеет воспитательную ценность – дисциплинирует детей, укрепляет их волю. Он увлекал за собой и подавал пример всем детям и сотрудникам детдома. Когда надо было принести воды из Волги, он таскал самые большие ведра, и ребята все шли за ним. Когда надо было принести дров, А. К. Киселев поднимал всех ребят на ноги рано утром, выстраивал в шеренгу, сам шел впереди и тащил самое большое бревно, а за ним шли ребята, и каждый тащил по бревну, кто какое мог, зимой, по льду, в сорокаградусный мороз. Он организовал при детдоме мастерские: сапожную, слесарную, столярную, швейную, где дети могли обучаться необходимым навыкам и профессиям.

Но все же из всех физических работ основным было сельское хозяйство. Казалось, к этому располагали все условия – необъятные степи, большое количество земли. И если в 1942 году подсобное хозяйство детдома состояло из 30 гектар, то уже к 1943 году выросло до 60 гектар, которые целиком обрабатывались силами учащихся и педагогов. Значительную роль в столь богатом урожае сыграл приказ директора А. К. Киселева № 53 от 12 июня 1943 г. – яркое свидетельство того, какой ценой детдом получал тонны овощей и других культур. В этом приказе были утверждены нормы выработки для групп воспитателей и детей на подсобном хозяйстве детдома, которые состояли из следующих ежедневных работ: прополка мотыгой – 300 квадратных метров, прополка ручная – 150 квадратных метров, поливка огурцов – 12 ведер на грядку, и т.д. Регламентированы были также поливы капусты, помидор, арбузов, дынь и тыкв. Для детей с ослабленным здоровьем были установлены более низкие нормы выработки на подсобном хозяйстве. Таким образом, рацион воспитанников пополнился овощами, на зиму в детдоме делали консервированные заготовки.

Типичной формой организации досуга учащихся в годы войны являлись кружки. Кружки творческой направленности выполняли функцию организации культурного досуга как учащейся молодежи, так и раненых в госпиталях, коллективов производственных предприятий, тружеников села [1, с. 182].

В детдоме № 6 так же, как и во многих других испанских детских домах, была хорошо развита художественная самодеятельность. Кружки, изначально созданные в детдоме с целью «развития эстетического чувства в детях» и некоторого «культурного ликбеза», с течением времени вышли на хороший профессиональный уровень. Воспитанники детдома выступали не только на праздничных мероприятиях детдома, но имели большой успех в воинских частях. Кроме того, дети регулярно давали концерты в соседних колхозах «Красная Наука», «Свобода», в селе Воскресенском, в городе Марксе. Самодеятельные коллективы испанского детдома пользовались большой

популярностью. Флагманом художественной самодеятельности детдома № 6 был кружок хорового пения, в состав которого входили 40 детей. В период ВОВ любимым жанром стали патриотические песни советских композиторов, посвященных Великой Отечественной войне: И. О. Дунаевского, М. И. Блантера, А. В. Александрова. Неизменными аплодисментами публики оканчивалось исполнение испанскими воспитанниками на русском языке таких песен, как «Священная война», «По морям, по волнам», «Красная Армия в бой идет». На хорошем профессиональном уровне выступал и хореографический коллектив детдома, участники которого разучивали национальные танцы Испании и народов СССР – лявонию, гопака, матросский танец. В г. Воскресенске праздничный вечер дал сбор в сумме 700 рублей, которые были немедленно направлены в пользу фронтовиков. Кроме того, колхозники предоставили детскому дому 700 килограммов семян для посева.

В 1944 году в Орловское прибыли испанские дети, ранее находившиеся в санатории для испанских детей села Алексеевское. 15-летнего Мануэля Арсе, который до этого жил в санатории из-за потери двух ног в результате несчастного случая в Саратове, в Орловском также поместили в лазарет. Приближался конец войны, и воспитанники понимали, что скоро их жизнь изменится. Ночами, лежа в кровати, ребята мечтали вслух о том, как они будут жить, когда наступит мирное время. Мечты и Мануэля Арсе, и его товарищей были скромные: «Больших надежд и желаний у нас не было, и мы мечтали только об одном: если после войны будет вдоволь хлеба и картошки, то больше ничего и не надо» [2, с. 54].

Среди других испанских детских домов детдом № 6 реэвакуировался одним из самых последних – 29 июля 1945 года в Нахабино, которое в те годы входило в Истринский район Московской области. В село Желябино, где до революции было имение купца-старообрядца Сергея Викуловича Морозова, а в годы ВОВ постройки перешли в ведение военных. Таким образом, шефство над детдомом было возложено на Главное военно-инженерное управление Красной Армии.

Помимо детей, с детдомом реэвакуировалось 50 человек сотрудников и членов их семей, в том числе А. К. Киселев – директор детдома, В. Н. Шиманский – заместитель директора по учебно-воспитательной работе, М. П. Рябошанко – педагог и воспитатель, Р. И. Китаин – педагог и воспитатель, Б. Г. Лейзеровская – воспитатель, Л. Г. Лейзеровская – переводчик, Викторiano Омбродос – врач, а также испанские педагоги и воспитатели: Х. Нагейро, А. Рубио, Г. Аллегрия, Хорхе Полит и др.

Летом 1945 года коллектив привез с собой из эвакуации крупный рогатый скот, несколько свиней, лошадей. Для столь необходимого для животных

сена и кормов приходилось обращаться в Наркомзаг, а также в соседние колхозы Истринского района.

Вернувшись из эвакуации, детдом столкнулся с острым дефицитом оборудования и мебели. А. К. Киселев безуспешно обращался в Министерство просвещения и обивал пороги местных снабжающих организаций. Тогда он решил обратиться на самый верх. В письме от 11 октября 1945 г. к заместителю Председателя Президиума Верховного Совета РСФСР И. В. Власову директор А. К. Киселев просил выделить детдому: столов канцелярских – 6 шт; столов письменных – 4 шт; стульев – 150 штук; кроватей – 100 шт., тумбочек – 150 шт., а также 50 ведер.

Возможно, кому-то в Министерстве просвещения не понравились жалобы директора испанского детского дома в Верховный Совет СССР по поводу отсутствия тумбочек и кроватей. Слишком независимая позиция А. К. Киселева явно пришлась не по душе вышестоящим чиновникам от образования, и вскоре в результате проверки одной из комиссий Киселева снимают с работы. Новым руководителем нахабинского испанского детдома был назначен Н. Ф. Шаренков.

При Н. Ф. Шаренкове жизнь детдома строилась на трех китах: борьба за образцовый порядок, борьба за идеальную чистоту и за отличную учебу. В детдоме стали проводиться конкурсы на «лучшую комнату» в интернате. Специально выбранное жюри из числа педагогов, совета детского дома и совета пионерской дружины оценивало жилые помещения по следующим критериям: заправка постелей, чистота в комнате, порядок в тумбочках. Победители получали поощрительные награды, неряхи – высмеивались и критиковались на общих собраниях и в стенгазете. После войны стали строже относиться и к отстающим ученикам. За «ленивое отношение» к учебе и «плохую дисциплину» можно было получить выговор директора школы. Зато отличникам объявлялась благодарность. Так, по итогам первого полугодия 1946/1947 учебного года были награждены отличники А. Паскуаль, С. Портан, О. Ферро [4, л. 3].

В учебном 1946/47 году в школе оставалось 99 учеников. После военного лихолетья воспитанники продолжали нуждаться во всем самом необходимом:

«1946-й год, первый послевоенный год в Нахабине, был не лучше военных лет, что касается питания. С продуктами было плохо, и хотя в детдоме нас, естественно, кормили, как могли, но этого было недостаточно, все мы были в возрасте, когда организм растет и нуждается в усиленном питании, и ходили всегда полуголодные. Однако за годы войны мы уже многому научились и добывали себе дополнительную пищу на стороне... Нас было много – 120 с лишним человек, мы налетали на огороды, как саранча,

и местные жители часто приходили жаловаться нашему директору «на испанцев» [2, с. 71].

Воспитанники детдома поступали в вузы, техникумы, уезжали из нахабинского детского дома навсегда. Мануэль Арсе научился ходить на протезах и очень гордился, что уже может передвигаться без чужой помощи. В 1947 году он стал студентом педучилища в городе Лебедянь.

1947/48 учебный год стал последним для испанского детского дома № 6. И хотя три четверти прошли в обычном режиме, к 1-му марта 1948 года Министерство просвещения РСФСР приняло решение нахабинский детский дом ликвидировать, в связи сокращением контингента воспитанников. Испанским ребятам пришлось заканчивать учебный год в других испанских школах-интернатах, а нехитрое имущество детского дома распределили по детским домам Истринского района.

Список использованной литературы и источников:

1. Свободное времяпровождение детей и подростков в годы Великой Отечественной войны: содержание, ресурсы, особенности. / В. А. Агеева. // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2015. – Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – С. 180–186.
2. Арсе М. Воспоминания о России: воспоминания одного из 3500 испанских детей, приехавших в СССР в 1937 году / Мануэль Арсе. – Мадрид: б.и., сор. 2011. – 172 с.
3. ГАРФ. – Ф.А. – 307. – Оп. 1. – Д. 233.
4. ГАРФ. – Ф.А. – 307. – Оп.1. – Д. 235.
5. ГАРФ. – Ф.А. – 307. – Оп. 2. – Д. 255.
6. Терентьев Л. Ностальгия или Испанцы в Крыму / Л. Терентьев. – Текст: электронный // Проза.ру: портал Российского союза писателей. – URL: <https://proza.ru/2010/04/18/362> (дата обращения 23.06.2022).

М. Г. Кирьянова

БЛАГОТВОРИТЕЛИ ДАРАГАН И КУЗНЕЦОВЫ В ИСТОРИИ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ И КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

Что объединяет Воскресенский Ново-Иерусалимский ставропигиальный мужской монастырь в городе Истра Московской области и административный центр Красноярского края город Красноярск?

Две фамилии в тексте эпитафии на большом гранитном памятнике-плите к югу от подземной церкви святых равноапостольных Константина и Елены: «ЛЕВЪ ПЕТРОВИЧЪ КУЗНЕЦОВЪ РОД. 20 ФЕВРАЛЯ 1858 г. сконч. 20 МАЯ 1886 г. ЕЛЕНА КОЗЬМИНИЧНА КУЗНЕЦОВА РОЖДЕННАЯ ДАРАГАНЪ РОД. 18 ЯНВАРЯ 1858 г. сконч. 18 МАЯ 1884 г» [16, с. 348].

Каменное надгробие в виде саркофага супругам Кузнецовым находится сразу за надгробием А. С. Цуриковой в виде киота из черного лабрадора. Близость захоронения супругов к Воскресенскому собору предполагает, что Кузнецовы были вкладчиками Воскресенской обители.

Лев Петрович Кузнецов – представитель большой купеческой династии Кузнецовых, хозяев знаменитого Кузнецовского подворья в городе Красноярске Енисейской губернии [4].

Елена Козьминична Кузнецова – из известной дворянской династии Дараган, заявившей о себе еще в XVIII в. и владевшей усадьбой Полевщина неподалеку от Нового Иерусалима.

В 1750 г. была начата перестройка подземной церкви равноапостольных Константина и Елены. Осуществлена она была на пожертвования братьев Разумовских и их сестры Веры. Вера Григорьевна Разумовская была замужем за Ефимом Федоровичем Дараганом. У отца Федора Дарагана был брат Данило. Елена Козьминична – из ветви последнего.

Усилиями Разумовских к 1754 г. в церкви взамен первоначального керамического был устроен медный, местами вызолоченный, чеканный иконостас в стиле барокко. Эти иконы показывают историю обретения Креста Господня. Вечный покой и свой крест обрели в Новом Иерусалиме рядом с церковью и супруги Кузнецовы: на наклонной верхней грани саркофага вырезан выпуклым рельефом четырехконечный «корсунский» крест.

Муж и жена умерли совсем молодыми – 28 и 26 лет соответственно! Сиротой осталась дочь Елена, которую воспитывали красноярские родственники.

Лев Петрович окончил физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета. Его учителями были известные корифеи науки, такие как Сеченов, Менделеев, Бутлеров. За годы своей короткой жизни Лев Петрович Кузнецов совершил немало благотворительных дел. Он оказывал материальную и организационную помощь созданному Обществу вспомоществования учащимся сибирякам в Петербурге, входил в состав комитета Общества. Спустя год после смерти жены Елены Козьминичны

14 мая 1885 года Лев Петрович в конторе Санкт-Петербургского нотариуса Николая Петровича Янкина по Литейному проспекту № 32 в присутствии свидетелей дворянина Александра Васильевича Янкина, потомственного почетного гражданина Николая Николаевича Кузнецова и врача Иннокентия Ивановича Кускова составил завещание: «одну тысячу рублей на постройку школы в память жены, потомственной почетной гражданки Елены Козьминичны Кузнецовой, урожденной Дараган, в одной из деревень в окрестностях имения Никольского Московской губернии Звенигородского уезда, принадлежащего потомственному дворянину Иннокентию Козьмичу Дарагану, 10 тысяч рублей в пользу этой же школы; 1000 рублей в пожизненное пользование процентами бывшей кормилице дочери завещателя Елены – крестьянке из деревни Кабаловка (около села Парголово С. Петербургского уезда) Евдокии Сергеевой (возможно, Сутеевой, неразб.); 2/10 оставшегося капитала, за исключением означенного выше, Сибирскому университету для учреждения на проценты стипендии на естественном факультете ... преимущественно для уроженцев Сибири и 1/10 тому же Сибирскому университету на премии за лучшие сочинения на русском языке по истории Сибири, другой раз по антропологии и социологии; 1/10 часть городу Красноярску» [10]. На средства, указанные последними, в Красноярске была построена первая в городе лечебница, а в 1902 году уже его дочь Елена Львовна Дараган пожертвовала сумму 12365 рублей – на ремонт и расширение этой лечебницы [19, с. 19].

Врач Владимир Михайлович Крутовский от себя и от имени покойного Льва Петровича Кузнецова передал в городскую библиотеку Красноярска около 1300 книг (более 1000 названий) [28].

Брачные узы не в первый и не в последний раз связали фамилии Дараган и Кузнецовы. Известный в Красноярске автор воспоминаний об Енисейской губернии, коренной красноярец Парфентьев Иван Федорович (1823–1899), был частным поверенным в делах первого в городе купца 1-й гильдии

Кузнецова Ивана Кирилловича (1792–1847). В своих записях он сообщает: «У Ивана Кирилловича была ещё дочь Анна Ивановна, одна из красавиц г(орода) Красноярска, вся в отца; красоту ея ни пером описать, ни в словах обсказать не могу... впоследствии Анну Ивановну выдали в замужество за адъютанта генерал-губернатора Вильгельма Яковлевича Руперта-Дараган, с хорошим приданным, на несколько сот тысяч руб(лей)» [26, с. 241–242]. Согласно записи в метрической книге Воскресенского собора г. Красноярска на 1842 год части второй «О бракосочетавшихся»: «1 ноября, жених, Иркутской губернии Главного Управления Восточной Сибири Чиновник особых поручений Коллежский Секретарь Косма Яковлев Дараган, православный, 29 лет первым браком, невеста, Анна Иванова, дочь Красноярского 1-й гильдии купца Ивана Кириллова Кузнецова, православный, 19 лет» [26].

Брак оказался прочным. Козьма Яковлевич Дараган (около 1813–17.08.1874) был выходцем из дворян Полтавской губернии. После ухода со службы занялся предпринимательством – развитием судостроения на Байкале, чему немало способствовало и большое приданное жены. После свадьбы супруги жили в Иркутске, затем в Москве, а в Красноярске бывали наездами [5].

Состоя на службе в Иркутске, Козьма Яковлевич поддерживал декабриста Петра Ивановича Борисова: заказывал и покупал у него акварельные рисунки. Коллекция была весьма достойной: сохранилось шестьдесят шесть акварелей в альбоме с рисунками цветов Восточной Сибири и пять альбомов с рисунками птиц, содержащий каждый по 10 акварелей. К. Я. Дараган был хорошо знаком и с другими декабристами. Тесные контакты с ними он поддерживал и после отъезда из Иркутска. Особо дружеские отношения сложились у него с Александром Викторовичем Поджио. А. В. Поджио жил у него в с. Никольское Московской губернии в 1860–1861 годах. В письме к Е. И. Якушкину в феврале 1860 года Поджио сообщал: «поселиться же думаю, где мне готовый дом и пр. – у Дарагана, старого знакомого по Сибири и так горячо мне предложившего пристанище», а в письме Н. А. Неустроевой 22 мая 1860 года Александр Викторович пишет: «Мои Дараганы так предупредительны, как самые горячие друзья и спасибо им» [27, с. 241; 248].

Квартира Дараганов в Москве у Покровских ворот в доме купца Овчинникова была местом, где декабристы передавали друг другу письма, а А. В. Поджио, находясь в Москве по необходимости, жил некоторое время.

Козьма Яковлевич, ушедши в отставку, писал небольшие литературные произведения, управлял золотыми приисками в Сибири и на Урале, занимался благотворительностью. Согласно протоколам тюремного комитета 1858 года пожертвовано «поверенным купца Белоголового коллежским ассесором Дараган на улучшение пищи ... в тюрьме ... 9 руб. 94 коп. сер.» [29, л. 5].

Дела шли, видимо, не так хорошо, как хотелось. Золотые прииски, записанные на жену Анну Ивановну, давали все меньше прибыли. Главной причиной уменьшения добычи золота была выработка богатых россыпей. В Енисейске Татьяна и другие прииски в компании с Толкачевым, генерал-лейтенантом Бибиковым, Посылиным, графом Толстым не разрабатывались. Пришлось завести судебный процесс с Архипом Толкачевым в Енисейском городском суде. Суду предстояло рассмотреть: «1) с чьей стороны была уклончивость от разработки приисков; 2) правильно ли назначены в смете на 1862 год расходы на работы приисков и с кого исходить затраченный Толкачевым капитал» и прочее [20, с. 397–398].

В 1862 году компании Бенардаки, Щеголева, Кузнецова и Дараган добыли в Енисейском округе на Преображенском прииске по вершине речки Удерея шлихового золота 6 пудов 28 фунтов на 74 тысячи 87 рублей [9].

Увы, прошли те в буквальном смысле «золотые» времена, когда в 1847 году Енисейская губерния за год добывала 90% всего золота в России, а это 1305 пудов драгоценного металла. В 1863-м вся Восточная Сибирь выдала всего лишь 714 пудов.

Росла конкуренция. Промышленники нервничали, воевали за рудники и дешевую рабочую силу. Месторождения быстро разоряли – собирали золото «по верхам» и бросали. Отрасль мельчала, оставались только мелкие прииски и артели старателей. Разрабатывать прииски вручную стало невыгодно.

К 1862 году у Козьмы Яковлевича и Анны Ивановны было уже пятеро детей: Анна (1836–?), Иннокентий (16.08.1843–20.07.1912), Наталья (1845–?), Варвара (1848–?) и Елена (18.01.1858–18.05.1884).

В шестидесятые годы собственный дом в Пречистенской части Москвы в Штатном (совр. Кропоткинском) переулке Дараганы сдавали внаем, оставляя за собой квартиру № 2. В доме жили служащие лица: врач Плассовицкий Рейнгольд Иванович, Сергиевский Петр Александрович, Чуркин Александр Иванович, в 1860 году в доме было благотворительное заведение, состоящее под ведомством московского дамского попечительства о бедных, Мариинское Ермолаевское (Ермоловское) училище для благородных девиц [22].

Подрастали дети. Надо было учить сына. Иннокентий Козьмич Дараган, выдержав экзамены во второй московской гимназии 27 августа 1862 года, подал прошение в Императорский Московский университет на физико-математический факультет. К прошению прилагалась копия свидетельства Иркутской Духовной консистории, «по которой оказалось по метрической книге Градо-Иркутской Прокопиевской церкви за 1843 год под № 12 значится августа 16 дня у чиновника особых поручений Главного Управления Восточной Сибири Коллежского Секретаря Козмы Яковлева Дарагана

и законной жены его Анны Ивановой, оба православного исповедания, родился сын Иннокентий; восприемниками его были Генерал-Губернатор Восточной Сибири Генерал-Лейтенант ... Вильгельм Яковлев Руперт и 1-й гильдии купца Коммерции-Советника Почетного Гражданина Никиты Федорова Мясникова жена Анна Васильева ... выдано в 1850» [11]. Надо отметить, что Мясников Никита Федорович – ростовский, затем красноярский купец 1-й гильдии, крупнейший енисейский золотопромышленник, был бездетным.

Сведения об окончании университета Иннокентием Козьмичем отсутствуют, но в РГИА в фонде Комитета по техническим делам МТИП есть дело «О выдаче привилегии на 10 лет дворянину Дарагану на новой системы золотопромышленную машину. (Патент № 2612)» [23]. Значит, знания технического характера все-таки у него имелись.

Иннокентий Козьмич был вице-командором Санкт-Петербургского речного яхт-клуба, председателем комиссии гонок в 1877 году. Созданный в 1860 году еще до отмены крепостного права этот клуб стал первым спортивным добровольным обществом в Российской империи, явив пример всем последующим.

Интересно описание обеда, данного Санкт-Петербургским речным яхт-клубом шкиперу шхуны «Утренняя заря» капитану Шваненбергу и штурманам Нумелину и Мейвальдту 3 декабря 1877 года в книге Студитского Федора Дмитриевича (1814–1893) «История открытия морского пути из Европы в сибирские реки и до Берингова пролива»: «Третье декабря надолго останется в памяти С.-Петербургского речного яхт-клуба. В летнем его помещении, на Крестовском острове, где еще Нева не покрывалась льдом, как бы ожидая чего-то особенного, собрались знаменитые почетные его члены: адмиралы: Г. И. Бутаков, П. А. Перелешин, П. Ю. Лисянский, т.с. Н. А. Качалов, с членами яхт-клуба и некоторыми сибиряками с Амура, Енисея и Оби и председателями от Обществ: для содействия русской промышленности, р.т. мореходству и подания помощи при кораблекрушениях. Собрались для того, чтобы приветствовать экипаж «Зари, который совершил отважный подвиг в мореходстве: проплыл 11000 верст из города Енисейска в С.-Петербург. При входе шкипера Шваненберга и двух с ним штурманов музыка заиграла марш. Затем после изящной закуски предложен обед. За столом, против четырех почетных членов, посажен был экипаж «Зари». Обед был начат тостами, предложенными вице-командором яхт-клуба И. К. Дараган за здоровье Государя Императора, царского дома и покровителя общества, Генерал-Адмирала. Каждый тост оглушал залу громогласными «ура». Потом, вице-командор, обратясь к экипажу «Зари», изобразил в кратких, но сильных

выражениях борьбу его с препятствиями и со стихиею на судне без железных скреплений. Он провозгласил тост за мужество экипажа и за идею М. К. Сидорова об открытии морского пути из Енисея в Петербург. Этот тост принят был с особенным восторгом... Вице-командор Дараган предложил тост за Шваненберга от сибирских дам и поднес ему при этом белого медведя, плывущего на льдине, отлично сделанного из серебра, на память того времени, когда он плавал между льдами в отечестве белых медведей, и в воспоминание того, что он лежал больной в лесу весною, а медведь ходил около него, только что вышедши из берлоги. Как будто чувствуя храбрость больного, он не решился на него напасть. Шваненберг, обняв медведя и поцеловав его, предложил тост за сибирских дам, покровительниц мореходства. Затем поднесены были Шваненбергу и двум штурманам три золотых бокала, наполненные фалернским вином. В бокал капитана помещена была целая бутылка вина. Вице-командор, при поднесении, сказал речь и попросил осушить трюм от воды» [17, с. 257–260].

Очевидно, Иннокентий Козьмич был человеком увлекающимся!

Кроме того, потомственный почетный гражданин И. К. Дараган состоял в Московском обществе охоты имени императора Александра II, русском фотографическом обществе в Москве (РФО). В Уставе РФО предписывалось содействие в разработке и распространении художественных, научных и технических знаний в области фотографии. С целью объединения фотографов всей России и обмена опытом весной 1896 года был проведен 1-й съезд русских деятелей по фотографическому делу. Среди участников съезда был и Иннокентий Козьмич.

Помимо родового имения в Полевщине близ реки Истра, Иннокентий Козьмич имел при селе Пруды Новосильского уезда Тульской губернии недвижимое имение, состоящее из 2154 десятин земли. В Прудах был известный конный завод рысистых лошадей орловских кровей, основанный в 1858 году. В Москве известный коннозаводчик И. К. Дараган жил по адресу: Старая Башиловка, в собственном доме № 11 (по состоянию на 1886 год) [8].

Иннокентий Козьмич был женат на Глафире Александровне Икорниковой (1842–13.10.1910). Супруги имели трех детей: Анну (14.10.1871–?), Сергея (24.09.1873–1 июля 1953) и Сарру (09.06.1875–?).

Автор книги «Лошади моего сердца» – Яков Иванович Бутович (1881–1937), современник Козьмы Яковлевича Дарагана, крупный селекционер-коннозаводчик царской России, историк породы орловского рысака, основатель единственного в мире частного музея коневодства, издатель, так писал о Башиловке и Иннокентии Кузьмиче: «Вечером возле бегов, на Башиловке, по балконам и квартирам членов общества и наездников горели

огни, допоздна шли бесконечные разговоры о лошадях. Днем на Башиловке, Верхней Масловке и в Петровском парке можно было наблюдать выводки лошадей – это приезжие владельцы осматривали своих рысаков и решали их дальнейшую судьбу. Охотники и любители, съехавшиеся со всех концов России, группами заходили в конюшни, прося показать знаменитых рысаков, о которых они столько слышали и читали. Канцелярия работала вовсю, выдавая билеты и справки, а в бухгалтерии было трудно протолкнуться, так как многие приезжие коннозаводчики и охотники приурочивали к дерби получение выигранных денег, подчас порядочных сумм. И в городе – в парикмахерских, летних театрах и ресторанах – только и было разговоров, что о предстоящем дерби...

Время бега было не только развлечением охотников и коннозаводчиков, но и деловой встречей, когда обсуждались будущие покупки и продажи, смены наездников, шансы производителей. Нередко тут же заключались крупные сделки. Помимо коннозаводчиков, охотников, барышников и лиц без определенных занятий, вертевшихся вокруг бегов, в членской ложе бывало немало представителей артистического, финансового и торгового мира, а также аристократии и военных кругов... Жизнь кипела, громадная машина Московского бегового общества шла полным ходом, велись бесконечные «лошадиные» споры об орловском рысаке и метизации... Добрейший, но недалекий Дараган говорил Оконишникову, что, делая подбор, он умеет так смешивать крови, что получается точь-в-точь маседуан» [3].

Добрый, легкий характер имел и его дед, Иван Кириллович Кузнецов, дважды избиравшийся на должность городского головы города Красноярска. Иван Федорович Парфентьев записал случай, происходивший на Масленице (вероятно, 1831 год: Иван Федорович был лет восьми). На Масленицу горожане устраивали гулянье с песнями и плясками. Мещанин Хайлов под аккомпанемент скрипки исполнил для Ивана Кирилловича куплеты, которые потом разошлись в народе: «Головушка-голова, Красноярску похвала, затем поём и молим, горе с плеч своих отгоним; ты насущный дал нам хлеб, и тебя добрее нет; ты нам Маслену дозволил и сам приездом удостоил; старика, меня, прости и чаркой водки угости, дозвожь скрипку завести. В этих словах, хотя и нелогичных, но высказано много правды о том, как Ивана Кир(иллови)ча любили и уважали мещане» [26, с. 243].

Были у Иннокентия Козьмича и серьезные занятия: он был почетным мировым судьёй Новосильского уезда в течение девяти лет [34].

Кроме того, в 1890 году он – гласный Новосильского уездного земского собрания Тульской губ. [25, с. 140], в 1899 – кандидат на Звенигородского уездного предводителя дворянства [24, с. 219].

Доверчивостью Иннокентия Козьмича пользовались. В книге «Суконщики Поповы «Записки о московской жизни» и не только», в воспоминаниях о М. Е. Попове, описывается событие, произошедшее с И. К. Дараганом: «Когда у Максима Ефимовича появились свободные средства, он стал давать деньги под проценты... Не знаю, чем объяснить, но иногда Максим Ефимович пускался в денежных делах в откровенности. Студентом прихожу к нему как-то с докладом по делам магазина, и он говорит мне: «Был у меня сегодня Ин. Коз. Дараган, красавец, барин большой, хороший человек, золото копал – просил денег, да я отказал ему: Бог с ним, не везет ему, несчастному». Ин. К. Дараган был помещик Звенигородского уезда недалеко от фабрики. Максим Ефимович знал, вероятно, что его дела несколько расшатаны. Почему он мне сказал про Дарагана, не знаю, может быть, потому, что я гостил летом в имении Дараган у Бостанджогло, где они снимали дачу, и он об этом, как обо всем, знал. Что Дараган копал золото, – Максим Ефимович знал, вероятно, про его судебное дело, которое тянулось много-много лет. Дараган в компании с какими-то петербургскими господами вошел в общее дело по разработке золота в Сибири. Каждый компаньон должен был ежегодно вносить известную сумму на эксплуатацию. Дело много лет не давало дохода. Как-то Дараган приехал в Петербург и должен был вносить эти деньги нотариусу. По дороге он обещал заехать к приятелю своих компаньонов и оттуда с деньгами ехать к нотариусу. Был последний день взноса, в случае неявки по условию в срок пайщик терял свои прежние взносы и из дела автоматически выходил. Он стал торопиться ехать к нотариусу, но его уговорили еще посидеть, так как якобы его часы сильно идут впереди. Он, в конце концов, опоздал к нотариусу и потерял, таким образом, большие деньги, – оказывается, у его приятелей стенные часы в ожидании его умышленно были переведены назад. Долго длившийся процесс Дараган проиграл» [31, с. 195, 195].

И Иван Кириллович Кузнецов, по описанию И. Ф. Парфентьева, «красавец в полном смысле лицом был: глаза, брови, волосы чёрные, как смоль, походка, разговор, словом всё – аристократическое».

Доверие к людям было семейной чертой в семьях Дараган и Кузнецовых.

В РГИА в фонде «Государственный банк МФ» есть «Дело об иске Анны Дараган к Банку за похищенные из Банка 140 тысяч рублей». Из определения Санкт-Петербургского Окружного суда от 17 января/10 февраля 1875 года: «Поверенный Дараган Усов, предъявив 1 мая 1874 года иск к Государственному банку, в исковом прошении объяснил, что доверительница его 3 августа 1860 года представила в Московскую контору ГБ 4 именных билета бывшего Государственного Коммерческого банка на 128 тыс. рублей серебром и, сделав по ним бланковые надписи, уполномочила мужа своего обменять их на 5%

банковые билеты на её имя. Получив помянутые билеты, Анна Дараган передала их на сохранение титулярному советнику Ивану Васильеву Закревскому, не сделав на билетах передаточных надписей. Тому же Закревскому 9 января 1861 года Дараган дала на содержание еще 12 тысяч рублей кредитными билетами. Закревский вместе с армянином Казаром Карахановым сделали на именных банковых билетах на имя Дараган подложные от её имени бланковые надписи, и затем 7 и 9 января 1861 года билеты эти были обменены в Государственном Банке Карахановым на его имя. Когда это сделалось известным Анне Дараган, ею было возбуждено уголовное преследование против Караханова и Закревского и 17 февраля словесно, а 20 февраля она письменно уведомила Банк о произведенном подложном обмене ее билетов, но в этот же день после 12 часов Караханов сделал объявление об обмене билетов на предъявителя, и в этот же день таковой обмен был произведен, хотя обыкновенно он производится через три дня. Затем 8 марта 1861 года Караханов снова обменял свои предъявительные билеты на именные на свое имя и на имя своих родственников на Кавказе, но на какие именно неизвестно, так как Банк отказывал судебным местам в информации.

Уголовное дело доходило до Правительствующего Сената, который признал Закревского и Караханова виновными, первого – в выманивании у коллежского асессора Дараган и передаче Караханову, вследствие предварительного с ним сговора, банковских билетов и денег на 140 тыс. рублей серебром, и в сделанных на билетах подложных бланковых надписей, а второго – в принятии билетов и денег по предварительному сговору с Закревским, и определил взыскать с бывшего чиновника Закревского и с армянина Караханова 140 000 рублей, и на пополнение этой суммы взыскание обратить на их имущество. В случае недостаточности у них имущества, предоставить право Дараган взыскать с чиновников Государственного Банка, которые будут признаны виновными в содействии Караханову по сокрытию присвоенного им капитала. Анна Дараган в своем прошении в Государственный Совет доказывала, что взыскание должно быть направлено не на чиновников Государственного Банка, а на самое Правление оного, так как она доверила свой вклад самому Банку и билеты были обменены Карахановым уже после подачи ею заявления о подлоге в Банк. Виновность Банка состоит не только в содействии Караханову, но и в отказе в удовлетворении требований Следственной Комиссии.

Окружной суд признает исковые требования Дараган к банку недостаточными для обращения взыскания на Государственный Банк, так как виновными признаны Закревский и Караханов, а Банк не может быть виновным в преступлении, как юридическое лицо. Определено: в иске Анны

Дараган к Государственному Банку отказать, судебные издержки возложить на истцу» [12].

Возвращаясь к жизнеописанию Иннокентия Козьмича Дарагана, отметим, что «в 1898 году за неуплату взносов банку имения потомственного дворянина Иннокентия Кузмича Дарагана были назначены к продаже с торгов. Сюда относились: имение при Никольском – Малинках тож, д. Скориково и Савкино, в пустоши Егоровке (бывший Георгиевский монастырь), отхожем лугу Шеплягином на берегу р. Истры, при селце Воскресенском, Куртасове тож, пустоши Ноздрачевой, Мамоновой тож; имение при с-це Никольском, Размыслове тож. В обоих имениях 1306,5 десятины» [18, с. 383].

Последние годы Иннокентий Козьмич Дараган жил в служебной квартире Управления московского государственного коннозаводства в бывшей усадьбе Гагарина на Поварской улице. Здесь он и умер 28 июля 1912 года. Похоронили его и его супругу (умерла ранее – 13 октября 1910 года) на Ново-Иерусалимском кладбище, где были похоронены Козьма Яковлевич (17 августа 1874 года) и Анна Ивановна Дараган (13 февраля 1882 года).

Но на этом история не заканчивается!

У Иннокентия Козьмича был сын Сергей. Сергей закончил частную Поливановскую гимназию и был блистательного 1893 года выпуска, среди его соучеников Валерий Брюсов. В своих дневниках гимназист Брюсов написал (Дневник Брюсова. 1891 г.): «Сентябрь В<о>скр<есенье>. Утро дома. Веч<ером><у> Вильбушевича – винт... Написал для немца перевод Hoffnung (после разговора в классе). Подал перевод. Немец обещал передать его Л<ьву> Иван<овичу>. В классе мания poetica. Дараг<ан>. Вечер<ом> у меня вся компания, кроме Батурина» [1].

Из дневника Валерия Брюсова 1892–1893 годов 19 <марта>. (1893): «Я в моих поступках с Е.А. совсем не показываю знакомства с учением Овидия. Я – мальчишка, делающий промах за промахом. Я запутался в ее сетях бесконечно и тону, гибну... Лев вклеил мне пару за сочинение. Вот так штука. По-гречески 3 – и 3 –... Дараган обругал меня. Все поколебалось. Дрогнули сферы моего влияния» [2].

Как мы помним, после скоропостижной смерти Льва Петровича и Елены Кузьминичны Кузнецовых осталась маленькая дочь Елена. Воспитывалась Елена Львовна (Леля) в семье брата Льва Петровича – Александра Петровича. В одном из писем к матери Александр Петрович Кузнецов сообщает: «Дорогая Мамаша, приехал я в Красноярск с Катей, Шурой и Лелей 15 сентября совершенно благополучно. Леля здорова» 18 сентября 1885 года [30].

Леночку любили и баловали все тетушки и дядюшки. В семье Петра Ивановича Кузнецова, кроме Льва, было еще восемь детей: сыновья – Александр,

Иннокентий, Николай и Иван; дочери – Евдокия, Александра, Елизавета и Юлия. Все они были потомственными почётными гражданами Красноярска, все получили прекрасное образование, владели европейскими языками.

В Государственном архиве Тульской области хранится «Дело о внесении в родословную книгу дворян Тульской губернии Дарагана Иннокентия Кузмича, в котором имеется прошение в Тульское Дворянское Депутатское собрание. К прошению прилагается аттестат Сергея Иннокентьевича (сына), где он сообщает, что «предъявитель сего старший кандидат на должность по судебному ведомству при Московской судебной палате Титулярный советник Сергей Иннокентьевич Дараган родился 29 сентября 1873 года... имеет родовое недвижимое имущество – 240 десятин земли в Звенигородском уезде Московской губернии, 2100 десятин в Тульской губернии и деревянный дом в г. Москва; по окончании курса юридических наук в Императорском Московском Университете, с дипломом первой степени, приказом Старшего Председателя Московской Судебной палаты от 12 июня 1898 года за № 65 определен младшим кандидатом на должность по Судебному ведомству, приказом от 24 февраля 1903 года за № 24 – уволен от службы, согласно прошению, в отставку... женат первичным браком на дочери потомственного почетного гражданина Елене Львовне, урожденной Кузнецовой... Адрес: Москва, Пресненская часть, 2 участок, в доме Чижиковой» [7].

24 августа 1904 года у молодой четы Дараган родилась дочь Елена. Восприемниками были Иннокентий Козьмич и Анна Иннокентьевна Дараган.

Будучи в отставке, Сергей Иннокентьевич, вероятно, продолжал дело отца – занимался коневодством.

В журналах Звенигородского уездного земского собрания сообщается, что в Комиссию по народному образованию избраны записками: С.М. Попов, С.И. Дараган, Сергей Иннокентьевич Дараган избран в почетные мировые судьи [14, с. 15, 16]. Он же в Списке избранных попечителей школ: Макрушинское – Сергей Иннокентьевич Дараган [15, с. 12].

В докладе Звенигородской Уездной Земской Управы по народному образованию в 1910 году сообщается, что Сергей Иннокентьевич был попечителем Лытгинской и Мокрушинской земских школ, а из доклада Звенигородской Земской управы об учреждении публичной земской библиотеки имени А.П. Чехова в г. Воскресенске в 1911 году мы видим, что Сергей Иннокентьевич не остался равнодушен к этому мероприятию и сдал 100 рублей на её учреждение [33, с. 261].

Кроме того, С.И. Дараган был действительным членом Тульской губернской ученой архивной комиссии, созданной 10 ноября 1913 года. Комиссия занималась сбором сведений о состоянии архивов административных,

церковных, сословных учреждений, архивов частных лиц; изысканиями в области археологии и краеведения; историко-статистическим и археологическим описанием Тульской губернии. Устраивала празднование юбилейных памятных дат видных деятелей России и достопримечательных событий. Приобретала архивы дворянских родов, предпринимала меры к охране памятников старины, копировала писцовые книги Тульского края в Московском архиве Министерства юстиции, собирала образцы национальных костюмов. Издавала труды комиссии.

В состав комиссии входили лучшие силы тульской интеллигенции. Под номером 167 в действительных членах числится Дараган Сергей Иннокентьевич, Воскресенск, Московской губ. (Новый Иерусалим) с. Никольское, им. Дарагана [32].

После Октябрьской революции 1917 г. С. И. Дараган работал в различных музеях: в 1920–1921 гг. – заведующий отделом искусства и художественной старины Государственного музея Приенисейского края, затем в музеях Подмосковья: заведующий музеем-усадьбой Ольгово (Дмитровский район), с 1926 г. – музея-усадьбы Дубровицы (Подольский район), затем научный сотрудник Государственного Литературного музея (1934–1952).

В 2023 году исторический факультет Московского государственного университета опубликовал дневники советского историка, музейного работника, педагога Сергея Сергеевича Дмитриева (1906–1991). В дневнике есть такая запись: «Среда, 1 июля 1953. Вечером узнали трагическое известие. Повесился Сергей Иннокентьевич Дараган. Он всех бедный пережил: жена умерла, года полтора – два назад умер и единственный их сын. Поселился Дараган в Кускове, наверное, в 30-х годах, если не ранее. Дворянин и землевладелец до революции. Потом «бывший» человек. Работал в музеях-усадьбах. Перед войною 1941 г. работал в Литературном музее. Знал и помнил из литературного и дворянского быта много. Сам писал стихи. До войны раза два-три бывал у нас. С гордостью показывал как-то издание времён Екатерины II, перевод какого-то, помнится, французского сочинения, сделанный камер-пажом Дараганом. Это был один из его предков. Жизнь и быт покойного были очень тяжёлыми. Возраст его почтенный, за 80 лет» [13].

О том, что его жизнь была материально тяжелой, говорит и тот факт, что Сергей Иннокентьевич сдал архив своего отца в Исторический музей. Имея опыт работы в музеях, он замечательно описал документы и фотографии этого архива. Как много говорит наименование фотографии как музейного предмета: «Вид на Енисей из окна дачи тетушки А. П. Кузнецовой, в 1902 г. близ Красноярска» – и о родственных связях, и о том, что Сергей Иннокентьевич был в это время вместе с женой в Красноярске. Среди музейных предметов,

составляющих коллекцию этого фонда, фотографии всего семейства Дараган, портрет Ивана Кирилловича Кузнецова работы Брюллова, портреты Сергея Иннокентьевича и его жены работы П. Ефимова.

Сергей Иннокентьевич сдал и фотографии усадебного дома и комнат в имении К. Я. Дарагана Никольское-Размыслово в Государственный музей истории российской литературы имени В. И. Даля (Государственный литературный музей), последнее место его работы.

В описании к фотографиям подчеркнуто, что это место, которым в 1860–1861 годах управлял А. В. Поджио. Например, в описании фотографии «Гостиная в усадьбе К. Я. Дарагана Никольское-Радомыслово» (Никольское-Размыслово) текст: «Гостиная в доме ус. Никольское-Радомыслово, в которой в 1859–60 гг. жил декабрист А. В. Поджио, управляя имением. Обстановка современная Поджио, ни в чем не изменялась. Усадьба в то время принадлежала другу А. В. Поджио К. Я. Дарагану. / Большой портрет маслом изображает Алексея Гавриловича Разумовского (фаворита Елизаветы Петровны)».

Солидных размеров портрет А. Г. Разумовского в гостиной подтверждает родственные связи Дараган с Разумовскими.

В 2016 году в Москве в Историческом музее состоялась выставка «Глазами памяти». К выставке был приурочен альбом «Образы русской усадьбы в фотографии. 1860–1920-е» [6].

В альбоме есть фотографии из архива И. К. Дараган: аллея, ведущая к дому в Никольском-Размыслово, дом, пруд и парк в Никольском-Размыслово, датируемые 1900–1910 годами. На паспарту фотографии дома стихотворение:

Никольским липам

*Как часто ты в тени старинных лип сидела,
Откуда открывался вид на даль полей, –
В покое нежащем природа свою песню пела,
И радость тихая росла в душе твоей!*

*Те липы были местом созерцанья,
Ухода от докучной суеты,
Под ними слышались, порой, и робкие признанья,
И голос страсти, и волнения мечты!*

*Теперь их нет, их истребило время,
Их мерный быт ушел в потоке бурных дней,
И думаю с печалью я, вернет ли молодое племя
Былую прелесть старых липовых аллей!*

С. И. Дараган 26.4.1948

Кому посвящено это стихотворение? Каким был сын и почему единственный? Что стало с дочерью Еленой Сергеевной? Исследователям есть над чем подумать...

Список использованной литературы и источников:

1. Богомолов Н.А. Валерий Брюсов. Дневник 1890 год / Богомолов Н.А., Гайдук В.Л. (Предисл. Н.А. Богомоллова; подг. текста и примеч. В.Л. Гайдук и Н.А. Богомоллова). – Москва: Studia Litterarum, 2020. – Т. 5. – № 3. – С. 328–357. – URL: <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2020-5-3-328-357> (дата обращения: 22.02.2023). – Текст: электронный.
2. Богомолов Н.А. Из дневника Валерия Брюсова 1892–1893 годов / Николай Алексеевич Богомолов. – Текст: электронный // ВикиЧтение. Вокруг «Серебряного века». – URL: <https://culture.wikireading.ru/57700>. (дата обращения: 22.02.2023).
3. Бутович Я.И. Лошади моего сердца. Из воспоминаний коннозаводчика / Яков Бутович. – Москва: Издательство им. Сабашниковых, 2013. – 571 с.
4. Быконя Г.Ф. Енисейское купечество в лицах (XVIII – нач. XX в.) / Г.Ф. Быконя, Е.В. Комлева, А.И. Погребняк, отв.ред. Ю.Л. Александров; Ин-т истории СО РАН; М-во образования и науки РФ, Сиб. федерал. ун-т, Краснояр. гос. торг.-экон. ин-т, Краснояр. гос. пед. ун-т. – Новосибирск: Издательство СО РАН, 2012. – 316 с.
5. Гаращенко А.Н. Дараган, Козьма Яковлевич / Алексей Николаевич Гаращенко. – Текст: электронный // ИРКЕПЕДИЯ.RU. Энциклопедия и новости Приангарья. – URL: http://irkipedia.ru/content/daragan_kozma_yakovlevich (дата обращения: 27.02.2023).
6. «Глазами памяти». Образы русской усадьбы в фотографии. 1860–1920-е / Государственный исторический музей; [автор-составитель А.О. Васильченко]. – Москва: Государственный ист. музей, 2016. – 278, [1] с.
7. Дело о внесении в родословную книгу дворян Тульской губернии Дарагана Иннокентия Кузьмича // ГАТО. – Ф. 39. – Оп. 2. – Д. 644. – Л. 14.
8. Дело о внесении в родословную книгу дворян Тульской губернии Дарагана Иннокентия Кузьмича // ГАТО. – Ф. 39. – Оп. 2. – Д. 644. – Л. 20–25.
9. Дело о золоте К. Бенардаки, Щеголева, Кузнецова и Дараган, добытом в 1862 году // РГИА. – Ф. 570. – Оп. 3. – Д. 3183. – Л. 1–2.
10. Дело о пожертвовании Кузнецовым Львом Петровичем денег на постройку городской лечебницы // ГАКК. – Ф.161. – Оп. 2. – Д.1423. – Л. 2–4.
11. Дело университета о принятии в студенты Иннокентия Дарагана, 1862 // ЦГАМ. – Ф. 418. – Оп. 31. – Д. 816.
12. Дело об иске Анны Дараган к Банку за похищенные из Банка 140 тысяч рублей / Государственный банк. Судебный отдел // РГИА. – Ф. 587. – Оп. 56. – Д. 1464. – Л. 2–11.
13. Дмитриев С.С. Дневники: в 4 т. Т. 1. 1941–1960 / С.С. Дмитриев, подг. текста Е.Н. Мухиной, Л.С. Новосёловой, Л.И. Смирновой; коммент. Е.Н. Мухиной, И.Н. Мухина; вступ. ст. Е.Н. Мухиной. – Санкт-Петербург: Алетей, 2023. – 1378 с.
14. Журнал Звенигородского уездного земского собрания... – Звенигород. – 1907. – 12 октября. – 27 с.

15. Журнал Звенигородского уездного земского собрания... – Звенигород. – 1908. – 10 октября. – 23 с.

16. Зеленская Г.М. Некрополь Нового Иерусалима. Историко-семиотическое исследование / Г.М. Зеленская, А.В. Святославский. – Москва: Древлехранилище, 2006. – 417 с.

17. История открытия морского пути из Европы в сибирские реки и до Берингова пролива / сост. Студитский Федор Дмитриевич. – Санкт-Петербург: Типография Д.И. Шеметкина, 1883. – Ч. 2: Приложение. – URL: <https://meridian.kraslib.ru/> (дата обращения: 22.02.2023). – Текст: электронный.

18. Истринская земля / А.А. Зилов, Г.П. Калужный, Ю.П. Кардашев. – Москва: Энциклопедия сел и деревень, 2004. – 846 с.

19. Краткий отчет за 25 лет по Красноярской первой городской лечебнице для приходящих, 1885–1910 гг. / сост. В.М. Крутовский. – Красноярск: Типография М.И. Абалакова, 1910. – URL: <https://meridian.kraslib.ru>. – Текст: электронный.

20. Кытманов А.И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии, 1594–1893 годов / Кытманов, Александр Игнатьевич; предисл. В.Г. Дацышен; отв. ред. Л.П. Бердников. – Красноярск: СФУ, 2016 (ГУНБ, 2020). – 850 с.

21. Метрическая книга о родившихся, бракосочетавшихся и умерших Красноярского Воскресенского собора Красноярского городского благочиния, г. Красноярска, Енисейской губернии // ГАКК. – Ф. 559. – Оп. 1. – Д. 9. – Л. 319.

22. Нистрем К.М. Книга адресов жителей Москвы: [по годам]: В пользу учреждений под Высочайшим покровительством Их Императорских Величеств московских детских приютов / сост. по официальным документам К. Нистремом. – Москва, 1853–1865. – На обл. загл.: Адрес-календарь Москвы. – 352 с.

23. О выдаче привилегии на 10 лет дворянину Дарагану на новой системы золотопромывную машину. (Патент № 2612) // РГИА. – Ф. 24. – Оп. 3. – Д. 316. – Л. 24.

24. Памятная книжка Московской Губернии на 1899 год / составлена под редакцией Помощника Правителя Канцелярии Московского Губернатора А.В. Аврорина. – Москва: Губернская типография, 1899. – 782 с. – Текст: электронный // eLIBRARY.RU: научная электронная библиотека (НЭБ): [сайт]. – URL: http://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003955917/ (дата обращения: 27.02.2023).

25. Памятная книжка Тульской Губернии на 1890 год / Тульский Губернский статистический комитет. – Тула: Типография Губернского Правления, 1890. – 315 с. – Текст: электронный // eLIBRARY.RU: научная электронная библиотека (НЭБ): [сайт]. – URL: http://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_DIGIT_67096/ (дата обращения: 27.02.2023).

26. Парфеньев И.Ф. Воспоминания Парфентьева Ивана Федоровича (1777–1898): рукопись из фондов Красноярского краевого краеведческого музея / под ред., обработка текста и комментарии: Т.С. Комарова; предисл. Федоровой В.И. – Красноярск: Полкор, 2016. – 359 с.

27. Поджио А.В. Записки, письма / А.В. Поджио; [Вступ. ст. Н.П. Матхановой, с. 3–64]. – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1989. – 590 с.

28. Проскуряков П. Исторические заметки о возникновении Красноярского городского музея и библиотеки / Павел Проскуряков. – Текст: электронный // Красное

место: сайт. – URL: <https://www.krasplace.ru/istoricheskaya-zametka> (дата обращения: 13.02.2023).

29. Протоколы тюремного комитета, 1858 // ЦГАМ. – Ф.1066. – Оп.1. – Д. 41. – Л. 16.

30. Серебrenникова М.Е. Кузнецовы. Великие меценаты России / Серебrenникова М.Е., Серебrenников Е.Б. – Красноярск: Буква Статейнова, 2020.

31. Суконщики Поповы: «Записки о московской жизни» и не только / вступ. ст., сост., подгот. текстов и примеч. Н.А. Круглянской; предисл. М.С. Стукловой. – Москва: Русский путь, 2010. – 637 с.

32. Тульская ученая архивная комиссия. Личный состав Тульской губернской ученой архивной комиссии. – Тула: Электронпечатня и тип. И.Д. Фортунатова, 1915. – 34 с.

33. У стен Нового Иерусалима: история города Воскресенска-Истры / М.А. Крючкова, Н.А. и др.: отв. ред. Н.А. Абакумова, Ист.-архитектур. и худож. музей «Новый Иерусалим». – Истра: Лето, 2010. – 430 с.

34. Юристы Тульской губернии. 60–80-е годы XIX в.: Биографический справочник / Сост.: специалист 1 категории И.В. Комарова. – Тула: ГАТО, 2002. – 75 с.

В. В. Зыбин, Н. А. Егорова

**МОСКОВСКИЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ,
ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬ
НИКОЛАЙ ТИМОФЕЕВИЧ КАШТАНОВ
НА РОДИНЕ И В ЭМИГРАЦИИ:
ВОССТАНОВЛЕНИЕ ИМЕНИ И НАСЛЕДИЯ**

*Посвящается 100-летию Русского исхода
и деятелям русской эмиграции*

Трагедии отечественной истории XX века отразились на семье, к которой имеет честь принадлежать один из авторов данной статьи – Василий Вячеславович Зыбин. Дружную семью разорвало и развеяло ото рвов Бутовского полигона в Москве до могил с русскими крестами кладбища Батиньоль в Париже. На одной из них написано: Николай Тимофеевич Каштанов (1874–1950). Сегодня это имя знает лишь узкий круг специалистов, изучающих социально-экономическую историю России рубежа XIX–XX вв. Все могло быть иначе, но после рокового 1917 года один из крупных московских предпринимателей Н.Т. Каштанов оказался в эмиграции во Франции, а на Родине его ждало забвение.

Жизнь предпринимателя динамична, насыщена, порой драматична, особенно, если выпало жить во времена перемен. Н.Т. Каштанов застал и Россию исконную, патриархальную, и Россию, устремленную вдогонку за прогрессом, и Россию, взбаламученную войной и революцией, и Россию в изгнании. Все это он пережил, ко многому оказался причастен, ему было что вспомнить на склоне лет.

В 1942 году в оккупированном немцами Париже Николай Тимофеевич пишет мемуары и дает им длинное деловое название: «О Суконном фабриканте Николае Тимофеевиче Каштанове и его торгово-промышленной, финансовой и общественной деятельности как в России, так и за границей, в эмиграции»¹. Что побудило его к этому: недавнее горе – смерть жены, с которой прожил 37 лет, предчувствие собственной кончины или думы о России, вновь стоявшей над бездной? Бог весть...

¹ Рукописи воспоминаний хранятся в Нью-Йорке (США) – в Библиотеке конгресса США и в Бахметевском архиве русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета.

Сегодня Н. Т. Каштанов возвращается к нам своими воспоминаниями, позволяющими всмотреться в эту неординарную личность и в эпоху, частью которой она являлась. В начале 2021 года Российским научно-исследовательским институтом культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева (Институт наследия) выпущена книга «В России и в эмиграции: Воспоминания Николая Тимофеевича Каштанова (1874–1950), предпринимателя и общественного деятеля» [5]. Воспоминания, написанные в эмиграции, прозвучали современно и в наши дни, в 2022 году вышло в свет второе издание мемуаров Н. Т. Каштанова [6].

Николай Тимофеевич ощущал себя прежде всего «Суконным фабрикантом». Именно так – с большой буквы. Это не профессиональный статус – это стержень личности, ось судьбы. И это – глубоко осознанная миссия жизнестроительства. Суконный фабрикант – это и долг, ответственность перед Богом и Россией. Таково было миропонимание лучшей части русского купечества – той, которая во многом обеспечила стремительный подъем страны на рубеже XIX–XX вв.

В своих мемуарах Н. Т. Каштанов отображает жизнь целого поколения русских предпринимателей, ставших свидетелями и участниками революционных потрясений, приведших к уничтожению государственного строя Российской империи, к кардинальному изменению всех сторон жизни. Личность и судьба Николая Тимофеевича Каштанова во многом характерны. Он и подобные ему люди того поколения были полны стремления заново обустроить Россию и ощущали в себе силы для этого.

Николай Каштанов чувствовал и ценил свою глубинную укорененность в русской почве, предках – крестьянах, некогда старообрядцах, из старинного села Хатунь недалеко от Серпухова. Судьба предпринимателей Каштановых прочно связана со старинным подмосковным Серпуховым, ведущим свою историю с XIV в. Город-страж Московского княжества на тревожном порубежье с Диким полем – Серпухов, с течением веков стал городом-купцом, центром торговли и промышленности общероссийского значения. История Серпухова, начинавшаяся столь значимыми для русской государственности и духовности именами князя Владимира Андреевича Храброго и преподобного Сергия Радонежского, продолжилась в иные времена именами известных фабрикантов, торговцев, благотворителей Сериковых, Солодовниковых, Коншиных, Мараевых и др. Во второй половине XIX в. к ним прибавились и Каштановы.

Дед Николая Тимофеевича, Иван Васильевич, в начале XIX в. владел вместе с братом Яковом небольшим суконным заведением, унаследованным от отца. Переселившись из Хатуни в с. Подмоклое (ныне Подмоклово) на Оке напротив Серпухова, Иван Васильевич начинает производить сукно здесь, ставит

на фабрике паровую машину. Свое дело он передал следующему поколению Каштановых. Один из сыновей, Леонтий, отправляется в Москву вести торговую часть семейного предприятия и успешно закрепляется в столичном купечестве. Старший сын Ивана Васильевича, Тимофей, остается вместе с братом Василием на фабрике в Подмоклом. Дело Каштановых идет в ногу со временем, постепенно расширяется. Увеличивается и семья. В Подмоклом 5 марта 1874 г. у Тимофея Ивановича Каштанова рождается сын, которого нарекают Николаем.

В 1876 г. Каштановы приобретают в Серпухове за Нарой на Нижней Казенной (ныне Пролетарской) улице полусторевшую суконную фабрику Лыжина и начинают постепенно расширять ее территорию, строить новые 4–5-этажные корпуса, устанавливать современное оборудование, увеличивать выпуск продукции. В 1886 г. учреждается «Торговый дом братьев Тимофея, Леонтия и Василия-старшего Каштановых». Фирма считалась солидной, уважаемой. Ее глава Тимофей Иванович Каштанов стал гласным Серпуховской думы, много делал для города, удостоился звания потомственного почетного гражданина. Его сын, Николай Тимофеевич, считал Серпухов своей родиной.

Повествование о детстве Н. Т. Каштанова переносит нас в мир купеческой семьи – во многом патриархальный, но в чем-то уже затронутый новыми веяниями. Авторитет отца здесь непререкаем, в доме царят дисциплина, трудовая мораль. Любящая мать смягчает строгость воспитания, прививает детям религиозное чувство, учит молитвам, возит по святым местам. В доме есть не только преданная няня Васильевна, но и образованная гувернантка, бывшая институтка. Отец любит играть на итальянской гармонии и на рояле.

В семье Тимофея Каштанова ценилось образование. Один из братьев, Иван Тимофеевич, окончил 1-ю Московскую гимназию, а затем и Московский университет. Николай же вместе с братом Василием учился в одном из лучших средних учебных заведений Москвы – Реальном училище при реформатской церкви, директором которой был И. И. Фидлер. Сестры окончили Елизаветинский институт, тоже в Первопрестольной, на Гороховом поле. Юные провинциалы рано приобщились к столичной жизни. Свободное время они проводили у дяди Леонтия Ивановича в его доме на Малой Ордынке. Завзятый театрал, он водил их на детские утренники. Каникулы обычно проводили в отцовском доме в Серпухове или в имении Мосолово недалеко от города Алексина Тульской губернии.

С детства Николай любил бывать на фабрике, его интересовали машины и механизмы. Образование он продолжил в Московском императорском техническом училище (ныне Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана). Но Николай не проучился и нескольких

месяцев, как отец вызвал его в Серпухов, намереваясь после отбытия сыном воинской повинности передать ему фабрику в управление, а самому уйти на покой. Недавний студент недолго служил вольноопределяющимся в Сумском драгунском (некогда славном гусарском) полку, вышел из него унтер-офицером. Уже позднее, после воинских сборов, сдал экзамен на первый офицерский чин прапорщика.

Николай Каштанов принял фабрику в 1895 г., когда ему был от роду 21 год. За десять последующих лет на фабрике увеличилось число рабочих (до 1 тыс.) и производство сукна и шерсти. Недорогие каштановские сукна: крестьянское одежное, картузное, серое ученическое, отмеченные «Павлином» – гербом Серпухова, пользовались устойчивым спросом у русского потребителя. На фабрике производилось и мундирное армейское сукно из мериносной шерсти. Продукция фабрики не раз отмечалась наградами Всероссийских выставок. Каштановское цветное дамское сукно «драдедам» постепенно завоевало популярность и хорошо продавалось в Москве на Кузнецком мосту, выдерживая конкуренцию с лучшими иностранными образцами.

Все это было результатом модернизации производства, предпринятой Николаем Тимофеевичем. Ему приходилось следить за техническими новинками, ездить за границу, перенимать зарубежный опыт, закупать новое оборудование. Новшества приходили и в дом Николая Каштанова. Первым в Серпухове он завел себе автомобиль (кстати, и первый в Серпухове двухколесный велосипед принадлежал ему же – был подарен отцом при получении аттестата зрелости).

Серпуховский торговый дом «Каштановы братья» упомянут в 1910 г. в официальном справочнике «Список фабрик и заводов России 1910 г.» [16, с. 67]. Контора торгового дома располагалась в Москве на Варварке в доме Купеческого общества. В 1915 г. Торговый дом Каштановых был преобразован в «Товарищество на паях Суконной мануфактуры братьев Каштановых в г. Серпухове» с основным капиталом в 2 млн. руб. Годовой оборот фабрики составлял 21–23 млн. руб., а выпуск сукна – 35 тыс. кусков. Успеху предприятия способствовала и социальная политика хозяев, осознававшаяся ими еще и как христианская миссия, богоугодное дело. При фабрике были построены церковь, школа, больница с приемным и родильным отделениями. Жилье рабочим в капитальных казармах предоставлялось бесплатно: семейным – в отдельных комнатах, холостым – в просторных палатах. Еще более важным было то, что фабрикантам удалось наладить с рабочими доверительные отношения, заслужить их уважение. У Каштановых не бастовали даже в 1905 г., когда весь фабричный Серпухов встал.

Людей цельных и даровитых сами обстоятельства продвигают на более широкую стезю, к масштабным свершениям. В начале 1900-х гг. Николаю Каштанову пришлось покинуть родной Серпухов, чтобы заменить в Москве в семейном деле старого и больного дядю Леонтия Ивановича. На серпуховской фабрике Николай передал дела брату Ивану, оставившему в связи с этим судебную карьеру.

Из провинциальной жизни Н. Т. Каштанов попадает в новую – столичную. Укоренению в ней, безусловно, способствовала его женитьба в 1904 г. на юной Екатерине Федоровне Кудрявцевой. Ее отец, Федор Тимофеевич, был купцом 1-й гильдии, владельцем кондитерской фабрики в Зарядье, торговцем бакалей, уважаемым в Москве человеком. Новые родственные связи вводили Н. Т. Каштанова в среду именитого московского купечества.

Молодая чета начинает обустроить семейный очаг на столичный лад. В 1907 г. «В Москве Н. Т. покупает мамонтовский особняк на Садовой-Самотечной, № 14, куда и переезжает со своей молодой женой <...>. Дом в стиле ампира стоял на очень красивом и высоком месте. Перед ним на улицу выходил палисадник, посередине которого был фонтан, окруженный столетними елями. Когда спрашивали, особенно у москвича, адрес дома Н. Т. на Садовой-Самотечной, то это лицо отвечало, что оно хорошо знает каштановский особняк на Садовой, это там, где перед домом растут большие красивые ели. При доме были сад и службы, конюшня, гараж, квартиры дворника, шофера и кучера. Внутри дома были поставлены очень красивые печи и камин из изразцов Абрамцевских мастерских, сделанных по рисункам художника Врубеля» [5, с. 80].

Особняк, построенный в 1881 г. по проекту М. Г. Пиотровича, в 1898 г. был перестроен архитектором В. А. Коссовым для М. Ф. Кривошеина – партнера С. И. Мамонтова в железнодорожных делах. С тех пор одну из 30 комнат особняка украшал замечательный изразцовый камин «Микула Селянинович и Вольга», созданный мастером-керамистом П. К. Ваулиным в мамонтовских мастерских «Абрамцево» по рисункам М. А. Врубеля на сюжет древнерусских былин.

Это выдающееся произведение художественной керамики, изготовленное по уникальной технологии и сложенное из 150 изразцов. Сохранилось несколько экземпляров камин. Один из них украшал столовую особняка еще при владельце М. А. Кривошеине. После передачи в 1959 г. здания Посольству Ливана камин поступил в почти разрушенном состоянии в Государственную Третьяковскую галерею (ГТГ). Длительная реставрация в 1986–1994 гг. в Государственных реставрационных мастерских имени Грабаря вернула произведению былой облик. Ныне камин экспонируется в зале М. А. Врубеля ГТГ.

Как и подобало преуспевающей московской купеческой семье, Каштановы завели шикарный выезд с породистыми рысаками, а позднее и мощный «Фиат», ездили на гулянья в Петровский парк, на Воробьевы горы в ресторан Крынкина. Летом бывали в Крыму, за границей. В своем гостеприимном московском особняке Н. Т. Каштанов принимал первых лиц делового мира, государственных мужей, в том числе соратника П. А. Столыпина, будущего главу правительства Врангеля А. В. Кривошеина и последнего министра внутренних дел царской России А. Д. Протопопова. Бывали здесь артисты, художники, профессора, адвокаты и др. Как и многие представители именитого московского купечества, Н. Т. Каштанов коллекционировал произведения искусства и предметы старины. В его собрании, в частности, были рукописи XIV–XVI вв., картины передвижников, предметы из бронзы, старинное оружие. Он был хорошо знаком с известными коллекционерами и тоже суконными фабрикантами Щукиными и Бахрушиными, организовал Московское общество любителей русской старины, открыл антикварный магазин на Тверской напротив генерал-губернаторского дома.

Семья Николая Тимофеевича постепенно увеличивалась: у него рождаются дочери Екатерина (1907 г.) и Ольга (1909 г.), затем сын Николай (1911 г.). В 1913 г. Н. Т. Каштанов приобрел большую старинную усадьбу Пушино на Оке (тогда в границах Каширского уезда Тульской губернии) в окрестностях Серпухова. Усадебный ансамбль составляли большой двухэтажный дом с антресолями, два флигеля, террасный парк с прудами, лестницами, гротами, Успенский храм XVIII в. В Пушино Каштановы обычно проводили летние месяцы, Рождественские и Пасхальные праздники.

В Москве успешный предприниматель Н. Т. Каштанов достаточно быстро становится заметной фигурой в своем кругу. Его избирают гласным Московской городской думы (труды Николая Тимофеевича на общественном поприще начались еще в Серпухове, где он был гласным Серпуховской городской думы и Серпуховского земства).

Стихией Николая Тимофеевича была не политика, а предпринимательская деятельность. В Москве она приобрела новый масштаб и новое качество. Каштанов вступает в тесное деловое сотрудничество с крупнейшим промышленником и финансистом Николаем Александровичем Второвым, которого называли «Русским Морганом» и который дал начало множеству предприятий и целых отраслей экономики. «Второвская» группа олицетворяла сравнительно новый для России процесс быстрого возрастания банковского и акционерного капитала и его концентрации. Одним из шагов на этом пути стало приобретение новыми акционерами старинной, с хорошей репутацией суконной фабрики «Товарищества Йокиш» в Михалкове (ныне в черте

Москвы – Северный административный округ) и ее модернизация. Председателем и директором-распорядителем предприятия был избран Н. Т. Каштанов. Такую же должность Николай Тимофеевич занял и в организованном в 1913 г. совместно с Н. А. Второвым и Н. И. Дербеневым на основе «Торгового дома Тиль и К°» Московском акционерном обществе «Поставщик». Это большое многопрофильное предприятие в Кожевниках (Замоскворечье) занималось, главным образом, поставками обмундирования для русской армии и флота. Во время Первой мировой оно приобрело стратегическое значение, стало крупнейшим в Москве, с числом рабочих 8,6 тыс. человек. На «Поставщике» тогда изготавливали не только обычное обмундирование и снаряжение для вооруженных сил, но и новую форму по эскизам художников В. Васнецова и К. Коровина, в которой русские витязи должны были победоносно войти в Берлин и Вену: суконные шлемы – «богатырки», шинели и гимнастерки с «разговорами» – застежками как у стрельцов, кожанки и фуражки.

С началом Первой мировой войны в России разгорелась борьба с «германским засильем». На ее волне группа Второва в начале 1915 г. приобретает по сходной цене солидный банк «Юнкер и К°» (величественное здание которого и по сей день возвышается на Кузнецком мосту) и преобразует его в «Московский промышленный банк». Н. Т. Каштанов становится председателем его Правления. Новая финансовая организация с капиталом 40–60 млн. руб. стала базой ряда масштабных проектов в акционерных обществах «Русско-краска», «Коксобензол», «Сибирский холодильник». Некоторые начинания «Московского промышленного банка» получили развитие уже в советское время. Так, общество «Кузнецкий уголь», организованное Второвым при участии Каштанова, стояло у истоков индустриальной мощи Кузбасса. Николай Тимофеевич внес свою лепту, материальную и вполне весомую, и в начало российского кинематографа как один из учредителей и член Совета акционерного общества «Ханжонков и К°» в Москве.

К 1917 г. широко развернувшаяся предпринимательская деятельность Н. Т. Каштанова имела большие перспективы. Николай Тимофеевич состоял членом Московского Биржевого комитета – авторитетнейшего органа русского делового мира, был инициатором создания и председателем Совета «Всероссийского общества суконных фабрикантов», не раз представлял отрасль на правительственных совещаниях, в годы Первой мировой войны активно участвовал в работе военно-промышленных комитетов, выступил с инициативой создания Дома инвалидов для увечных воинов на средства суконщиков.

Каштанову исполнилось лишь 45 лет, он был полон сил и планов, когда его мир рухнул. После прихода к власти большевиков его предприятия, московский дом и усадьба в Пушино были национализированы. Николай

Тимофеевич пытался спасти семью, найти место в новой и враждебной реальности. Бывшего фабриканта рабочие выдвинули в советские хозяйственные органы, его коллеги-предприниматели, тоже «бывшие», делегируют его в Высший Совет Народного Хозяйства. Но время на дворе лихое. При регистрации офицеров бывшего прапорщика Н. Т. Каштанова арестовывают в Лефортовских казармах, он едва избегает расстрела. За него вступаются знавшие его рабочие. В мае 1918 г. при загадочных обстоятельствах погибает Н. А. Второв. Оставаться в красной Москве становится смертельно опасным. С большим трудом, ежечасно рискуя погибнуть, Николай Тимофеевич вырывается на юг России, еще не занятый большевиками. Семья пока остается в Москве под покровительством голландского посольства, разместившегося в каштановском особняке на Самотеке. В конце концов, и Екатерине Федоровне с детьми удастся добраться до Крыма.

На юге России в это время собирается цвет русского делового мира. Промышленники, финансисты, коммерсанты в надежде на скорую победу над большевиками продолжают строить широкие планы на будущее, а в настоящем пытаются помогать антибольшевистским силам. Н. Т. Каштанов вносит новые детали в картину Русской смуты с точки зрения хозяйственно-экономической: Киев, Харьков, Одесса, Крым, Новороссийск – Николай Тимофеевич старался как-то наладить созидательную предпринимательскую деятельность. В конце марта 1919 г., приехав по делам в Одессу, он вынужден спешно эвакуироваться морем в связи с наступлением красных на Одессу.

Николай Тимофеевич прибыл в Севастополь, где соединился с приехавшей из Фороса семьей. Далее ему приходится сразу же пароходом эвакуироваться в Новороссийск, откуда он перебирается сначала в Екатеринодар (Краснодар), а затем в Ростов-на-Дону. В течение года, затевая все новые и новые проекты, Каштанов пытается заняться и нефтедобычей на Кавказе, прекратить вывоз шерсти с юга России за границу (сохранив ее для будущего восстановления отечественной промышленности), организовать поставки хлеба и продуктов в армию и т.д. В Екатеринодаре его избирают членом Совета Управления торговли и промышленности при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России (ВСЮР), он состоит членом Совета Главного комитета содействия ВСЮР. Николай Тимофеевич участвует в различных совещаниях по приглашению главнокомандующего генерала А. И. Деникина.

В связи с военными неудачами Белого движения весной 1920 г. ВСЮР вынуждены были эвакуироваться в Крым. Проходившая в панике в последних числах марта эвакуация из Новороссийска (называемая нередко «Новороссийской катастрофой») стала последней страницей биографии Н. Т. Каштанова в России. Вместе с другими беженцами он с семьей отплывает на пароходе

«Ганновер» в Константинополь. Каштановы живут на Принцевых островах (близ Константинополя) в Мраморном море. Николай Тимофеевич деятельно помогает беженцам – своим собратям по изгнанию.

Но в России еще остается Белый Крым. По приглашению генерала П. Н. Врангеля Н. Т. Каштанов дважды приезжает в Севастополь на совещания по экономическим вопросам [2, с. 358]. Однако в ноябре 1920 г. советская власть приходит и в Крым. Для Каштанова и сотен тысяч его соотечественников с этого времени путь на Родину был закрыт – для него, как и для многих, эмиграция продлилась до конца жизни.

Участь изгнанника: утеря имущества, острая ностальгия – не заставили Николая Тимофеевича впасть в отчаяние. И в Париже, где он обосновался с семьей, он остался деятельным, предприимчивым и вновь стал вполне успешным, как, впрочем, и многие русские эмигранты.

Для Н. Т. Каштанова и таких, как он, эмиграция была не постылой чужбиной и не новой Родиной, а скорее местом, где на основе исторического опыта, традиций и новаций должен был возникнуть проект будущего России. Николай Тимофеевич активно участвует в деятельности Русского национального комитета, заграничных организаций русского предпринимательства, единогласно избирается в руководство Российского торгово-промышленного и финансового союза («Торгпрома»), возрождает Всероссийское общество суконных фабрикантов, пытается добиться возврата русских активов, замороженных в иностранных банках. В 1926 г. русские эмигранты во Франции избирают Н. Т. Каштанова в Оргкомитет по созыву и в качестве делегата российского Зарубежного съезда [12, с. 442]. В рамках подготовки к съезду Николай Тимофеевич проводит совещание по вопросам работы Торгово-промышленного союза, после окончания съезда присутствует на торжественном приеме у Великого князя Николая Николаевича [12, с. 438, 685].

Еще более заметен его след в культурной и духовной жизни эмиграции. Он был одним из 12 членов-учредителей и первым товарищем председателя знаменитого общества «Икона», созданного в Париже в 1927 г. предпринимателем, представителем знаменитой династии Владимиром Павловичем Рябушинским.

Общество стало хранителем и пропагандистом за рубежом русских духовных и культурных традиций. Этому способствовал и открытый Н. Т. Каштановым в Париже на ул. Ренн антикварный магазин «Москва».

Своею целью общество, как прописано в Уставе, поставило «изучение и охрану древней иконы и искусства Восточной Церкви» [17, л. 3]. С самого начала его открытия определилось три главных направления: изучение икон как памятников национального русского творчества и понимания красоты их; богословское и каноническое изучение икон с точки зрения их церковного

и литургического содержания; продолжение искусства иконы для церковных целей и для молитвенных надобностей.

Николай Тимофеевич принимал активное участие в церковной жизни русского зарубежья, в частности, в создании в Париже Свято-Сергиевского подворья – духовного центра русской эмиграции. Сергиевское подворье в Париже основано в 1925 году по начинанию митрополита Евлогия (Георгиевского), который тогда возглавлял русскую церковь в Западной Европе. Будучи выпускником Московской духовной академии, Евлогий мечтал о том, чтобы создать в эмиграции богословскую школу под покровительством подобного Сергия. Подворье задумывалось им как подворье Свято-Троицкой Сергиевой лавры, а Свято-Сергиевский институт – как аналог Московской духовной академии.

«Когда возник вопрос о создании Сергиевского подворья и Духовной семинарии в Париже, Н.Т. был одним из самых деятельных сборщиков средств на эти учреждения. На его подписном листе было первое пожертвование в 5 000 франков от графа В.Н. Коковцева. Когда окончательно возникло Сергиевское подворье, то Н.Т. был избран в Приходском совете товарищем председателя. Он и его жена Екатерина Федоровна много содействовали внутреннему украшению храма подворья» [5, с. 155]. Освящение храма состоялось в Прощёное воскресенье 1 марта 1925 года, а учебные занятия первых десяти студентов в Свято-Сергиевском православном богословском институте начались после Пасхи – 30 апреля. Эта дата и стала официальной датой начала работы института.

Н.Т. Каштанов – один из жертвователей на нужды собора Александра Невского в Париже, где в особом «Каштановском уголке» сохранялись подаренные им иконы и утварь. «За эти пожертвования митрополитом Евлогием было преподано Н.Т. Божье благословение в июле 1936 года и благодарность приходского совета» [5, с. 155].

В воспоминаниях Николай Тимофеевич пишет о своем общении с видными церковными деятелями русского зарубежья: митрополитами Евлогием (Георгиевским), Анастасием (Грибановским), Вениамином (Федченковым).

В эмиграции выросли дети Каштановых. Дочери активно участвовали в Русском студенческом христианском движении (РСХД), являлись членами общества «Икона» [1, с. 106, 114]. Екатерина Николаевна вышла замуж за Николая Ивановича Яремченко, в прошлом младшего унтер-офицера Марковского полка, галлиполинца, а в эмиграции антиквара, общественного деятеля. Она была помощницей ему и отцу по антикварному магазину «Москва». Ольга Николаевна стала женой Ивана Николаевича Житкова, участника Первой мировой и Гражданской войн, Белого движения, Георгиевского кавалера,

талантливого инженера и экономиста. Супруги Житковы жили в США, занимались научной и преподавательской деятельностью в Колумбийском университете. Диссертационную работу О.Н. Каштановой (Житковой) сегодня можно найти в электронных каталогах Библиотеки Конгресса США; Баварской государственной библиотеки; Национальной библиотеки Франции; библиотек Йельского, Колумбийского, Стэнфордского университетов.

Сын Николая Тимофеевича, Николай Николаевич, служил во французском флоте, во время Второй мировой войны был мобилизован в армию, участвовал в боях с гитлеровцами, получил контузию.

1 сентября 1941 г. Н.Т. Каштанова постигло несчастье – скончалась Екатерина Федоровна, с которой он прожил в любви и согласии 37 лет. Ее похоронили на парижском кладбище Батиньоль. Там же, рядом с женой, девять лет спустя упокоился и Николай Тимофеевич: дата его смерти 7 апреля 1950 г.

Русский фабрикант больше так и не увидел Родину, которую горячо любил. Хочется надеяться, что опубликованные воспоминания Николая Тимофеевича Каштанова внесут дополнительные детали в наше знание эпохи и будут способствовать восполнению пробелов в исторической памяти России, ярче высветят личность и судьбу их автора, который писал о себе и своем деле: «Цель всей такой упорной работы и затраченной энергии Н.Т. была у него одна, чтобы дать доброкачественный и дешевый товар потребителю российского рынка, который не только не должен был бы “покупать мундира заморского” по задаче, данной еще Петром Великим суконной зарождавшейся промышленности, но и не покупал бы вовсе заграничных изделий» [5, с. 157].

Научная работа по изучению российской эмиграции сегодня ведется достаточно активно. Эта тема по-прежнему актуальна. До издания мемуаров Каштанова основными источниками информации (хотя и весьма скудной) об эмигрантском периоде жизни Николая Тимофеевича и его семьи являлись специализированные справочники и словари [1, 4, 7, 8], воспоминания известных представителей русской эмиграции [2, 3] и тематические издания [11, 12, 14], а ресурсной базой для авторов данной статьи послужили фонды Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына в Москве.

Николай Тимофеевич Каштанов был одним из самых известных представителей российского купечества и общественных деятелей как в дореволюционной Российской империи, так и в эмиграции. К сожалению, личность Н.Т. Каштанова десятилетиями оставалась вне поля научно-исследовательских интересов в России. Тем более отрадно, что после выхода в свет книги его воспоминаний и профессионалы, и широкая общественность имеют все больше возможностей познакомиться с его масштабной предпринимательской, общественной, культурной, благотворительной деятельностью.

Список использованной литературы и источников:

1. Вздорнов Г.И. Общество «Икона» в Париже: в 2-х т. Т. 1 / Г.И. Вздорнов, З.Е. Залеская, О.В. Лелекова. – Москва; Париж: Прогресс–Традиция, 2002. – 600 с.
2. Врангель П.Н. Воспоминания генерала барона П.Н. Врангеля. – Москва: ТЕРРА-TERRA, 1992. – Ч. 2: [Южный фронт]: (ноябрь 1916 – ноябрь 1920 г.). – 467, [4] с.
3. Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни: Воспоминания Митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. – Москва: Московский рабочий, 1994. – 620, [4] с. – (Материалы по истории церкви; кн. 3).
4. Исцеленнов Н.И. Общество «Икона» в Париже // Зарубежная Россия: доп. вып. / П.Е. Ковалевский. – Paris: Librairie des cinq Continents, 1973. – С. 82–85.
5. Каштанов Н.Т. В России и в эмиграции: Воспоминания Николая Тимофеевича Каштанова (1874–1950), предпринимателя и общественного деятеля / Российский научно-исследовательский ин-т культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева (Институт наследия); под общ. ред. В.Ф. Козлова; науч. ред., коммент. А.Г. Смирнова; предисл. В.Ф. Козлова, А.Г. Смирновой; сост., вступ. ст. В.В. Зыбина; вступ. ст., коммент. Б.В. Арсеньева. – Москва: Краеведение, 2020. – 240 с.: ил. – Имен. указ.: с. 223–226.
6. Каштанов Н.Т. В России и в эмиграции: Воспоминания Николая Тимофеевича Каштанова (1874–1950), предпринимателя и общественного деятеля / Российский научно-исследовательский ин-т культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева (Институт наследия); под общ. ред. В.Ф. Козлова; науч. ред., коммент. А.Г. Смирнова; предисл. В.Ф. Козлова, А.Г. Смирновой; сост., вступ. ст. В.В. Зыбина; вступ. ст., коммент. Б.В. Арсеньева. – 2-е изд. – Москва: Краеведение, 2022. – Имен. указ. – С. 223–226.
7. Каштанов Николай Тимофеевич // Незабываемые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917–1997: в 6-ти т. / Росс. гос. б-ка; сост. В. Чуваков; под ред. Е. Макаревич. – Москва: Пашков дом, 2004. – Т. 3. – С. 244.
8. Каштанов Николай Тимофеевич // Российское зарубежье во Франции: 1919–2000: биограф. слов.: в трех т. = L'Emigration russe en France: 1919–2000: dictionnaire biographique: en trois vol. / под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. – Москва: Наука: Дом-музей Марины Цветаевой, 2008. – Т. 1: А–К. – 2008. – С. 673.
9. Обзор шерстяной промышленности и шерстяного рынка за 1917–1922 годы за границей и в России / Всероссийское общество суконных фабрикантов. – Париж, 1924. – 207 с.
10. Петров Ю.А. Династия Рябушинских: книга-альбом / под ред. Е. Филиппова; оформ. А. Зубченко; сост. Ю. Петров. – Москва: Русская книга, 1997. – 198 с. – (России известные имена).
11. Преподобный Сергей в Париже: История Парижского Свято-Сергиевского Православного Богословного института / отв. ред. протопресвитер Б. Бобринский. – Санкт-Петербург: Росток, 2010. – 709 с.
12. Российский Зарубежный Съезд: 1926: Париж: документы и материалы / сост. М.А. Котенко, И.В. Домнин. – Москва: Русский путь, 2006. – 848 с. – (Исследования новейшей русской истории / под общ. ред. А.И. Солженицына; вып. 6).
13. Рябушинский В.П. Старообрядчество и русское религиозное чувство / сост., биограф. очерк и коммент. В.В. Нехотина, В.Н. Анисимовой, М.Л. Гринберга; худож. оформ. Г. Златогорова. – Москва: Мосты культуры, 2010. – 452 с.

14. Свято-Сергиевское подворье в Париже: к 75-летию со дня основания / подгот. изд. К.К. Давыдова, С.Н. Ершова, А.П. Козырева [и др.]. – Санкт-Петербург: Алетейя; Париж: Изд. Прихода преп. Сергия, 1999. – 256 с.: ил.

15. Скорбный листок // Новое русское слово. – Нью-Йорк, 1950. – 21 мая. – № 19304. – С. 4.

16. Список фабрик и заводов России 1910 г.: по официальным данным фабричного, податного и горного надзора / составлено редакцией «Торгово-промышленной газеты» и «Вестника финансов»; Министерство финансов и Министерство торговли и промышленности. – [2-е изд.]. – Москва; Санкт-Петербург; Варшава: Торговый дом Л. и Э. Метцль и К°, [1910]. – [2], CCCIV, 1034 с.

17. Устав общества «Икона» в Париже // Архив ДРЗ. – Ф. 132. – Оп. 1. – Ед. хр. 3. – Л. 1–7.

**БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
К.В. И Е. Н. РУКАВИШНИКОВЫХ
(по материалам из фондов Музея Зеленограда)**

Благотворительная деятельность Константина Васильевича (1848–1915 гг.) и Евдокии Николаевны (1849–1921 гг.) Рукавишниковых хорошо известна. Константин Васильевич принимал активное участие в работе многих благотворительных и просветительных учреждений Москвы. На протяжении почти двадцати пяти лет он возглавлял попечительский совет Рукавишниковского приюта для малолетних преступников, основанного его братом Николаем; был почетным членом Елисаветинского благотворительного общества в Москве, участвовал в создании городских территориальных попечительств о бедных и др.

Евдокия Николаевна принимала участие в сооружении Никольского храма при Рукавишниковском приюте; была попечительницей этого приюта после смерти мужа в 1915 г.; она предоставила денежные средства для строительства маяка в Феодосии на мысе Святого Ильи; в своем московском доме на Большой Никитской она организовала лазарет для раненых в русско-японской войне, который затем был преобразован в образцовую хирургическую лечебницу; была попечительницей Титовской школы рукоделия; состояла действительным членом совета «Московского благотворительного общества 1837 года». Также она с супругом выделила землю и денежные средства на строительство больницы в Крюкове, которая даже при советской власти называлась «Рукавишниковской».

В фондах Музея Зеленограда благотворительная деятельность Рукавишниковых представлена в основном материалами об этом лечебном учреждении.

Больница была организована в первой половине 1880-х гг. Евдокия Константиновна Дмитриева (1871–1958 гг.) (в девичестве Рукавишникова), дочь Рукавишниковых, в «Воспоминаниях» (1953 г.) отвела отдельную главу больнице в Крюкове, где вспоминала о возникновении больницы. Ее мама, Евдокия Николаевна, еще на даче в Кузьминках, обратив внимание на неряшливое обращение крестьянок со своими новорожденными, стала приводить их к себе домой, по субботам устраивала купания малышей, раздавала заранее заготовленные пеленки, обучала уходу за детьми, чистоте. А когда

Рукавишниковы в 1876 г. приобрели усадьбу близ Крюкова (в деревне Грачевка Звенигородского уезда, между селениями Баранцево и Каменка), там эти субботы продолжились. Матерей поили чаем с молоком и закуской от своего хозяйства. Число женщин так увеличилось, что потребовались сначала аптечка, потом врачебные консультации по субботам, но чувствовалась необходимость общей постоянной помощи населению. Так и появилась больница: «отрезан был кусок земли, построен домик, потом второй, всё пока в миниатюре, но быстро оборудовалось. Подарено всё было местной земской управе» [1, с. 102]. При этом Евдокия Николаевна продолжала навещать и опекать больницу. Сначала Рукавишниковы, а потом и земство позаботились о высокопрофессиональном оборудовании и кадрах. Во всех воспоминаниях сохранились сведения о том, что больница была очень хорошо обустроена: были свой водопровод, канализация, хорошие деревянные и каменные корпуса, необыкновенный ледник, очень необходимый для лечебницы.

Рукавишниковская больница обслуживала всю округу на 15 верст от Крюкова до Еремеева и пользовалась большим доверием местных жителей, ее ласково называли «Рукавишка». Помимо прямого прикладного значения, больница играла еще одну, не менее значимую роль: на рубеже XIX–XX вв. она была «как бы центром культурной жизни, объединяла местную трудовую интеллигенцию» [6].

Больница прослужила местным жителям около века. С начала 1980-х гг. на ее месте действует госпиталь для ветеранов войн.

Большой корпус подлинных материалов о больнице поступил в фонды Музея Зеленограда благодаря тесной связи сотрудников музея с семьей Поспеловых – жителей села Голубого близ Зеленограда. Борис Сергеевич Поспелов был сыном настоятеля Церкви Знамения Пресвятой Богородицы в Голубом, его супруга Ольга Михайловна – дочерью известного публициста Михаила Осиповича Меньшикова.

В числе документального фонда, поступившего от Поспеловых, назовем справку Рукавишниковской лечебницы Московского Губернского земства о смерти крестьянина Белякова И.И. 24 марта 1915 г. (Беляков, житель д. Петровское Еремеевской вол. Звенигородского уезда, умер в больнице от старости, 100 лет от роду); также интересно письмо врача Елизаветы Сергеевны Дрентельн батюшке с приглашением на освящение зданий земской лечебницы от 20 февраля 1885 г. Елизавета Сергеевна Дрентельн – личность незаурядная. Она стала первой заведующей Рукавишниковской лечебницей – в 1884 г., в возрасте 27 лет. Порядка пяти лет отработав в «Рукавишке», она уехала в Харьков, где открылся филиал детской больницы в Москалевке – беднейшем районе города, а затем организовала собственную лечебницу

для бедных «Женская помощь». Своим опытом она делилась в лекциях и публикациях, посвященных уходу за новорожденными, воспитанию, женскому здоровью, а также вопросу взаимоотношения полов. Имя Дрентельн упоминается в переписке Льва Николаевича Толстого. В 2020 г. был переиздан и оказался интересным современному читателю ее итоговый труд «Этюды о природе женщины и мужчины: основания полового и женского вопросов в их взаимной связи» [2].

В фонде Пospelовых сохранилась и фотография Е. С. Дрентельн, а также фотографии ряда других сотрудников больницы: акушерки Марии Александровны Тимковской (с трогательной подписью: «тетя Маша миленькая»), Ивана Николаевича Любимова, служившего главным врачом в начале XX в., акушерки Надежды Алексеевны Стефановской, проработавшей в больнице более полувека, в т.ч. во время Великой Отечественной войны.

Большую ценность представляют фотографии существовавшей при Рукавишниковской больнице и ныне утраченной деревянной часовни (фотофиксация была произведена в 1980 г.).

Других фотографий зданий больницы в фондах не сохранилось, но в живописном фонде находятся две работы зеленоградского художника Виктора Маркина – этюды 1987 г. «Старая больница» и «Рукавички».

Сотрудники музея проводили большую работу с местными жителями, в т.ч. и по теме Рукавишниковской больницы. В музее хранятся воспоминания и записи бесед музейщиков со старожилами и сотрудниками лечебницы. Это, прежде всего, воспоминания О. М. Пospelовой (1976–1977 гг.), Б. С. Пospelова (они были опубликованы в музейном сборнике «Документальные памятники по истории края. Каталог» в 2013 г.). Среди опубликованных материалов, хранящихся в музее, назовем также книгу Николая Бурмистрова «Горетовские рассказы» (2003 г.) с любопытными воспоминаниями о местности, в т.ч. о Рукавишниковской больнице.

Из неопубликованных материалов интересны воспоминания главврача больницы Стариковой В. А. и записи бесед с медсестрами (все – 1979 г.). В этих источниках много информации не только об истории, но и о настоящем больницы «из первых рук». К сведениям же об истории нужно относиться осторожно, потому что они неточны и в определенной степени мифологичны, но этим и любопытны. В частности, интересна запись беседы с медсестрой Мелеговой, которая осведомлена о том, что «строил больницу помещик Рукавишников. <...> Он помогал бедным», но утверждает, что Рукавишников был «врач по образованию» [3], хотя на самом деле он окончил физико-математический факультет Московского университета со степенью кандидата естественных наук.

В результате изучения истории лечебницы в музее накапливался и интересный экспедиционный материал. В фондах хранится, например, фрагмент напольного (настенного) плиточного покрытия, датированный 1900–1910 гг. (интересно, что такое же покрытие мы видим на фотооткрытках учрежденного Рукавишниковыми психоневрологического санатория «Крюково», и это является косвенным подтверждением подлинности найденного фрагмента). Данный предмет был найден сотрудниками музея на месте уже не существующей больницы во время краеведческого похода летом 2000 г. Фотодокументация этого похода также хранится в фондах.

К слову, на территории госпиталя ветеранов войн и сейчас есть фрагменты строительных материалов лечебницы.

Другим видным явлением благотворительной деятельности Рукавишниковых на территории края было открытие в декабре 1909 г. и поддержание на территории учрежденного ими санатория комнаты имени А. П. Чехова, предназначенной для бесплатного лечения и отдыха нуждающихся литераторов и врачей. В музее в научно-вспомогательном фонде хранится ксерокопия статьи о санатории «Крюково» из журнала «Нива» № 17 за 1910 г. с материалом о торжественном открытии этой комнаты. Также при санатории Рукавишниковыми была основана Скорбященская церковь.

В целом, фонды Музея Зеленограда насчитывают более 30 единиц хранения, так или иначе связанных с Рукавишниковыми. Кроме того, музей собирает и информационные материалы (это воспоминания, выписки и ксерокопии из изданий о Рукавишниковых, о больнице, о крае), которые необходимы для понимания исторического контекста существования музейных предметов.

В 2020 г. местные депутаты предложили назвать участок безымянной объездной дороги вокруг нового 17-го микрорайона (близ рукавишниковских мест) бульваром Рукавишниковых [5], [4]. Решение пока не принято, но такая инициатива есть.

Список использованной литературы и источников:

1. Дмитриева Е. Д. Воспоминания / Е. Д. Дмитриева. – Москва: Петергоф Принт, 2019. – 211 с.: ил., портр.
2. Дрентельн Е. С. Этюды о природе женщины и мужчины: основания полового и женского вопросов в их взаимной связи / Е. С. Дрентельн. – Москва: Либроком, 2020. – 304 с.: ил.
3. Записи бесед Красновой и Уманской с медсестрами Рукавишниковской больницы. – 1979 // ГЗИКМ-НВ. – 367/5. – Л. 2.
4. Кто такие Рукавишниковы, в честь которых хотят назвать улицу в Зеленограде. История фамилии, имения, санатория под Крюковым и больницы в Голубом. – Текст: электронный // Zelenograd.ru: [сайт]. – 2020. – URL: <https://www.zelenograd.ru/story/rukavishnikovyy-familiya-imeniye-i-sanatoriya-pod-krukovo/> (дата обращения: 28.12.2022).

НИЗОВЫЕ ПРОФСОЮЗНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ МОСКОВСКОГО РЕГИОНА 1920–30 ГОДОВ КАК АЛЬТЕРНАТИВА БЮРОКРАТИИ В СВЕТЕ ВЫЗОВОВ СОВРЕМЕННОСТИ

Наше время нередко именуют цифровой эпохой, имея в виду стремительное развитие технологий. Однако не меньшее значение имеет ценностная трансформация общества. Именно от ценностной ориентации зависит, как будут применяться технические достижения. Немалую роль здесь играют нравственные ориентиры людей, так или иначе причастных к управлению.

В Московском областном архивном центре хранятся документы низовых профсоюзных организаций Московского региона, большая их часть охватывает 1920–30-е годы прошлого века. В основном советские чиновники этого времени получили образование и навыки профессиональной деятельности еще до революции. Однако были и те, кто пришел на государственную службу из других категорий населения. Поскольку делопроизводство в это время не было строго регламентировано, а многие авторы документов оставались малограмотными, события в них отражены не формально, а живо и непосредственно. Материалы фондов низовых профорганизаций представляют собой интереснейший источник по истории повседневности, охватывают многие сферы жизни рабочих, крестьян и служащих Московского региона.

До тридцатых годов низовые профсоюзные организации нередко были достаточно влиятельными защитниками интересов работников. Например, документы свидетельствуют о восстановлении профсоюзом сотрудника-лишенца, уволенного с работы по инициативе партийных органов [11]. В двадцатые годы сотрудники железнодорожного профсоюза, обследуя условия жизни рабочих, в своих заключениях писали, что до революции людям жилось лучше [7].

В рамках тенденции обобществления частной жизни служащих активно привлекали к участию в собраниях и совместных мероприятиях самого различного характера – лекциях, экскурсиях, обсуждениях международных событий. Служащих предупреждали, что «под завесой мирных переговоров» идет «усиленная подготовка к войне», в которой основной удар придется на СССР. Участников собрания призывали вступать в ряды Осоавиахима

для приобретения военных навыков [15, л. 11]. Немалую роль в досуговом поле начинали играть стенгазеты, в выпуске которых принимали активное участие профсоюзные организации предприятий. Данный вид творческой деятельности носил добровольно-принудительный характер.

В стенгазетах часто помещались карикатуры на нерадивых работников, не желающих повышать свой культурный и профессиональный уровень [12, л. 20]. В статьях стенкоров подвергались критике лица, нарушающие трудовую дисциплину: опаздывающие, обсуждающие в рабочее время свои сны, приключения по дороге домой, тонкости добывания дефицитных продуктов [14, л. 107]. Беспощадный меч сатиры разил начальственное высокомерие чиновников, зазнававшихся после повышения в должности [14, л. 110], получение денег «мертвыми душами» [13, л. 161].

Ряд заметок в газеты был направлен против «семейственности» при решении кадровых вопросов, в обход биржи труда. На произвол чиновников также поступало огромное количество жалоб. Сотрудники печаловались в фабком и профком на служащих, которые «зверски обращаются с рабочими» и находятся в плену «буржуазных предрассудков» [9, л. 92], особенно, когда трудящиеся просят денег. Профсоюзы имели возможность влиять на ситуацию. Предусматривалась уголовная ответственность за принятие сотрудника на работу в обход биржи труда и профсоюзов [8, л. 11].

Противостояние богоборчеству также отражено в документах профсоюза, завуалированно или открыто. В протоколах содержатся требования о выдаче зарплаты к Рождеству, о предоставлении рабочим выходных, совпадающих с восемью важнейшими церковными праздниками [6, л. 231]. Новые гражданские праздники являются выходными, наряду с частью церковных праздников. В одном из протоколов 1922 г. отражено решение открыто верующих о пожертвовании на поддержку церковных ценностей, не имеющих богослужебного значения.

В документах профорганизаций встречаются материалы о расследовании газетных заметок [13, л. 202]. Чиновникам приходилось рассматривать огромное количество просьб трудящихся по охране их прав и интересов, улучшению бытовых условий. Реакция оказывалась самой различной, в зависимости от возможностей и человеческих качеств чиновников [13, л. 55, 99].

Профсоюзы нередко брали шефство не только над беспризорными детьми, социально незащищенными сотрудниками, селами, но и над полками Красной Армии, летными полками. В период ослабления центральной власти профсоюзы, наряду с фабрично-заводскими комитетами, помогали избежать хаоса за счет самоорганизации созидательных общественных сил. К 30-м годам, постепенно уходя из сферы политической, профсоюзные организации

в своей деятельности концентрировались на вопросах организации труда и быта людей, отчасти взяв на себя роль общины для вчерашних крестьян.

Профсоюзные организации в 1920 годах имели немалое влияние на формирование образа жизни трудящихся. С одной стороны, они проводили политику, диктуемую вышестоящими инстанциями, с другой – включая в себя на низовом уровне представителей традиционного мировоззрения, несли зерно традиционной культуры народа.

В правовом сознании дореволюционной России концепция управления объединяла, наряду с понятием власти, понятия служения и ответственности. Восприятие власти, нераздельной с ответственностью, способствовало укреплению ее авторитета. В вульгаризированном сознании нередко понятие власти и ответственности разделялось, что приводило к злоупотреблениям чиновничества. Традиция двоякого понимания власти была унаследована и советским чиновничеством. Сохранилась в народном сознании и детская вера в доброго царя, хотя его место и заняла принципиально иная форма правления. Изменялись формы правления, нормативные акты и инструкции, но неизменной оставалась человеческая природа. И человеческий фактор по-прежнему играл определяющую роль в принятии решений.

Закрытая глобализационная организации «Римский клуб», основанная в 1968 году и объединяющая многих влиятельных политиков и банкиров, занималась «научным обоснованием» сокращения населения Земли, деиндустриализации, разрушения суверенитета национальных государств. Для этого было необходимо «оптимизировать» образование и здравоохранение [3, с. 344–378].

В.Э. Багдасарян в книге «Россия–Запад. Цивилизационная война» отмечает паразитарную сущность глобализационной мир-системы и подчеркивает, что такая система не может существовать при отсутствии других систем, для которых характерны нерыночные критерии эффективности, доминирование коллективных ценностей над индивидуальными [1, с. 51].

В русской православной культуре управления неслучайно существует противопоставление страх – совесть. Совесть человеку не нужен страх наказания. Напротив, человек, лишенный совести, не сдерживается ничем, кроме страха.

К.П. Победоносцев настаивал на необходимости консолидации власти и народа в вере, на патернализме со стороны власти и повиновении не за страх, а за совесть со стороны народа, принцип патернализма сохранялся и в советское время. В последние десятилетия можно наблюдать постепенный уход государства из социальной сферы, распыление ответственности за принимаемые решения. Методы управления глобальных

структур опираются на прямо противоположные традиционной русской культуре принципы.

Идеолог Четвертой промышленной революции, президент Всемирного экономического форума К. Шваб пишет: «Инструменты, появившиеся в эпоху Четвертой промышленной революции, сделали возможными новые формы слежения и другие средства контроля, не сочетающиеся с природой здорового и открытого общества» [20, с. 132–133]. Шваб прямо говорит о чипировании мозга как средстве стирать и добавлять нужные воспоминания. Однако он оправдывает любые средства в борьбе с возмущением людей, не вписавшихся в «новую нормальность», а не впишутся, согласно Швабу, именно те, кто производит, и их будет большинство.

О.Н. Четверикова свидетельствует о лоббировании глобальными структурами законодательных инициатив, уравнивающих в правах людей и «искусственный интеллект». Это приведет к абсолютной безответственности владельцев платформы, в чьих руках окажется власть, и попранию ими неотъемлемого права личности на признание ее человеческого достоинства.

«Особенно ярко описана эта картина в книге известного глобалиста и футуролога, высокопоставленного члена Бнай Брит Жака Аттали «На пороге нового тысячелетия», изданной еще в 1991 году. Определяя будущее как цивилизацию кочевников, он указывает: «Можно предположить, что в конце такой культурной мутации и сам человек превратится в кочевой предмет. Составленными в него искусственными органами он станет и сам искусственным существом, которое можно будет купить или продать. Человек начнет создавать себя сам так, как он создает товары» [19, с. 38–39].

Согласно Швабу, Четвертая промышленная революция изменяет не только то, что мы делаем, но и то, кем мы являемся, что, безусловно, скажется на нашей идентичности. Это, в свою очередь, «может привести к таким формам увеличения человеческих возможностей, которые заставят нас поставить под вопрос саму природу человеческого существования» [20, с. 159]. Глобалистская система делает ставку на доведенную до абсурда формализацию действий чиновника, постепенную замену его машиной и полную безответственность власти.

К.П. Победоносцев считал, что право для государства – идеал. «Верное хранение его есть святейшая обязанность и, вместе с тем, святейшее право и лучшее оправдание государственной власти» [16, с. 542]. Для хранения права необходима не столько строгая нормативность и регламентация, сколько правильная организация исполнения законов. А для этого важна не форма, а люди, воспитанные в определенной традиции. К.П. Победоносцев увеличил количество церковно-приходских школ в десять раз, он настаивал

на необходимости наличия школы, нераздельной с церковью, в каждом селе. Программы составлялись таким образом, чтобы ребенок имел возможность осмыслить полученную информацию: условия задач по арифметике имели не отвлеченный, а практический смысл, при обучении чтению требовался анализ прочитанного, тексты для чтения имели нравоучительный характер и четко разделяли добро и зло. Образование не отделялось от воспитания.

Эти традиции были восприняты советской педагогикой. Ликвидация неграмотности являлась одним из приоритетных направлений деятельности местных профорганизаций в 1920–1930-е гг. В 1920–21 годах учащиеся школы ликвидации неграмотности освобождались на два часа в день для посещения школы ликбеза три раза в неделю, это время оплачивалось им как сверхурочная работа. Несообщение о пропуске занятий в школе ликбеза приравнивалось к укрывательству труддезертиров [5, с. 48]. Безграмотность и отсталость рассценивались как пособничество политическому врагу. Ликвидаторов обеспечивали продуктами и освобождали «от всякой иной общественной нагрузки» [10, л. 19]. Для охвата неграмотных и малограмотных создавались ударные бригады обученных рабочих, организовывались детские комнаты для чад малограмотных работниц, обучающимся в ликпунктах выдавались продукты.

Система образования, лоббируемая глобализационными структурами, декларировала отделение «образовательных услуг» от воспитания, постепенное, но настойчивое закрытие школ, особенно сельских, подобной же «оптимизации» подвергались и медицинские учреждения. Под видом «слияния» сокращалось количество ВУЗов. Согласно проекту «Образование 2030», их число по стране не должно превышать 200–250 [19, с. 82–82]. Помимо насаждения постмодернистского релятивизма, заменившего советскую идеологию, ухудшалось и качество образования посредством бюрократизации процесса и насаждения деструктивных программ. Огромный поток информации не позволяет усвоить ее, ведь информация только тогда превращается в знание, когда рационально осмыслена. Сужается профиль специалистов, что существенно уменьшает интеллектуальный горизонт. Происходит сегрегация обучаемых и по социально-имущественному признаку. «Компетенциями» подменяются знания, и образование становится служанкой бизнеса. Ситуацию усугубляет злоупотребление детей и подростков гаджетами.

Либеральные «свободы» оказались свободами для имущих и привели к ущемлению прав личности, разрушая традицию, являющуюся охранительницей этих прав. Чем дальше общество шло по пути дехристианизации, тем сильнее становилось их нарушение. Уход от персонализма к индивидуализму, уход в управлении от опоры на совесть к опоре на страх, уход от эмпатии в межличностном общении привел к отрицанию за другим

человеком самого права на ценность его жизни, равную с твоей собственной, и созданию фашистских идеологий, в широком смысле слова, когда право на жизнь дается «сверхлюдям», остальные обрекаются на смерть либо рабство. Причем, совершенно не важно, какой принцип полагается в основу такого разделения – национальный, расовый, классовый, религиозный, экономический, социальный либо какой-то еще. Здесь идет речь не о естественном неравенстве на основе способностей человека, не о естественном развитии истории, политических, социальных, отношений, а об искусственном разделении людей на «полноценных» и «неполноценных».

Глобалисты, как правило, используют манипуляционные штампы вроде «изменения неизбежны», «прогресс наступает», «нужно найти свое место в постоянно меняющемся мире, пока искусственный интеллект нас не уничтожил», но все это так напоминает агитационные фашистские листовки о бесполезности сопротивления. Идеи глобалистов удивительным образом похожи на идеи эволюционистов. Христианство ищет смысл во всем происходящем, дехристианизационные системы проповедуют теории спонтанности, сходные с Дарвинистской, уходящие своими корнями в вавилонскую религиозную традицию.

Суть понятия «естественный отбор» в данном случае такая же лживо-манипулятивная формула, как «министерство правды» и «министерство любви» в антиутопии Дж. Оруэла. Истинный смысл этого явления прямо противоположен его наименованию – этот отбор искусственный. На практике изменения смысла слов как методе манипуляции сознанием часто заострял внимание читателей К. П. Победоносцев. Эти требования искусственного отбора людей определенного типа во власть и сферу образования озвучивал Джулиан Хаксли, биолог-евгенист, первый генеральный директор ЮНЕСКО и основатель, выражаясь его собственными словами, новой веры под названием трансгуманизм, призванной изменить человеческую природу: «Нужно избавиться от ложных верований, что существует что-то вроде как истина или добродетель <...>. Некоторые типы человека должны быть исключены из выполнения функций: христианизированный астик, чересчур рьяные фанатики, напуганные сверхстрогой моралью – подобные люди должны быть отстранены от выполнения таких должностей, как судьи, преподаватели, магистры, управленцы» [18]. Помимо теории спонтанности, идеология глобализма опирается на теорию неизбежности.

Обе идеи вступают в непримиримое противоречие с русской культурой, базирующейся на православии, с его провиденциализмом, учением о свободе воли и необходимости понуждать себя к добродетели как в духовной борьбе, так и в светской деятельности.

Путь глобализаторов – это путь к завершению человеческой истории. Однако есть и другой путь. Подходит к концу предсказанный Ю. Ф. Самариным «процесс законного самоуничтожения всякой лжи», при помощи которого происходит «очищение правды» [17, с. 7]. Глобалистская дехристианизационная и античеловеческая система производит конвергентно (по шаблону) мыслящих людей, в отличие от традиционной системы образования, основанной на православной культуре, которая нацелена, в существе своем, на воспитание дивергентно (нестандартно) мыслящих людей [2, с. 443–446], обладающих эмпатией, способных найти различные варианты решения одной проблемы, прийти к неожиданным результатам и выводам. Без развития эмоционального интеллекта и сочувствия другим людям такого человека не получится.

Одна из самых главных заповедей христианства требует от человека эмпатии [4], православная аскетика призывает к трезвению. Накопление опыта и его применение в профессиональной деятельности и повседневной жизни является психической нормой. Накопление и использование исторического опыта характерно для здорового жизнеспособного общества. В этой связи обращение к архивному наследию является весьма актуальным, т.к. позволяет увидеть современные проблемы в ретроспективе.

Изучение деятельности низовых профсоюзных организаций позволяет выработать стратегии действий в рамках традиционной культуры в ответ на вызовы трансгуманистической антикультуры. Нравнодушие и взаимовыручка помогли нашим предкам победить фашизм, сохранить человеческие качества в бесчеловечной войне. В бесстрашии, сочувствии, вдумчивом отношении к происходящему, единстве людей и обращении к истокам нашей культуры, основанной на православии, видится путь современного возрождения России.

Список использованной литературы и источников:

1. Багдасарян В.Э. Россия – Запад: Цивилизационная Война / В.Э. Багдасарян. – Москва: ФОРУМ: ИНФРА-Москва, 2019. – 410 с.
2. Гилфорд Д. Три стороны интеллекта / Д. Гилфорд // Психология мышления. – Москва: Прогресс, 1965. – С. 433–456.
3. Катасонов В.Ю. Глобальные фальсификации и аферы на службе «хозяев денег». «Глобальное потепление», «истощение озонового слоя», «СПИД», «перенаселение Земли», «пандемия коронавируса» и другие / В.Ю. Катасонов. – Москва: Кислород, 2020. – 496 с.
4. Мк.: 12, 30–31 // Новый завет Господа нашего Иисуса Христа. – Москва: Издание Московской патриархии, 1991. – 371 с.
5. Московский областной архивный центр (МОАЦ). Ф. 43. Оп. 1. Д. 193.

6. МОАЦ. – Ф. 46. – Оп. 1. – Д. 957.
7. МОАЦ. – Ф. 46. – Оп. 1. – Д. 1526.
8. МОАЦ. – Ф. 124. – Оп. 1. – Д. 157.
9. МОАЦ. – Ф. 144. – Оп. 1. – Д. 128.
10. МОАЦ. – Ф. 178. – Оп. 1. – Д. 246.
11. МОАЦ. – Ф. 183. – Оп. 1. – Д. 34.
12. МОАЦ. – Ф. 183. – Оп. 1. – Д. 1321.
13. МОАЦ. – Ф. 294. – Оп. 1. – Д. 279.
14. МОАЦ. – Ф. 399. – Оп. 1. – Д. 9.
15. МОАЦ. – Ф. 399. – Оп. 1. – Д. 11.
16. Победоносцев К.П. О реформах в гражданском судопроизводстве / К.П. Победоносцев // Русский вестник. – Т. 21. – Кн.2. – Москва: Институт русской цивилизации, 1859. – С. 541–581.
17. Самарин Ю. Ф. Письма Ю. Ф. Самарина о материализме / Ю. Ф. Самарин. – Москва: Унив. тип. (М. Катков), 1877. – 15 с.
18. Четверикова О. Н. Диктатура просвещенных. О духовных корнях и целях трансгуманизма Части 7–8 / А.Д. Степанов. – Текст: электронный. // Русская народная линия: сайт. – URL: http://ruskline.ru/analitika/2013/10/28/diktatura_prosvetvuyonnyh. (дата обращения: 15.03.2023).
19. Четверикова О.Н. Трансгуманизм в российском образовании. Наши дети как товар / О.Н. Четверикова. – Москва: Книжный мир, 2018. – 384 с.
20. Шваб К. Четвертая промышленная революция / К. Шваб. – Москва: Эксмо, 2020. – 285 с.: ил., портр.

Е. Н. Золотарева

**ИВАНОВСКАЯ ФАБРИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА –
ОДИН ИЗ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ
С. М. ПОПОВА**

*Выражаю глубокую признательность
краеведу С.П. Носикову
за предоставленные материалы*

Сергей Максимович Попов – владелец Ивановской суконной фабрики, Кандидат прав, член Звенигородского уездного Училищного Совета, неоднократно избирался почетным мировым судьей. Его дочь – всемирно известная художница-авангардистка Любовь Попова.

Меценатская деятельность Сергея Максимовича, которой он посвятил всю свою жизнь, малоизвестна. Будучи очень скромным по характеру человеком, он всячески избегал широкой огласки своих начинаний. О многих его крупных расходах на благотворительность не знали даже близкие члены семьи. А ведь общественная и культурно-просветительская деятельность его была весьма обширной: простое перечисление всех благих дел занимает не одну страницу. На его средства были построены Народный дом в Воскресенске, школы в близлежащих деревнях – Красновидове, Петровском, Лучинском, Горках и др., великолепный Троицкий храм в с. Троицком, больницы, богадельни, Раковый институт в Москве, туберкулезный санаторий в Ялте и многое другое. Особенно поражает строительство ночлежки, чайной и библиотеки на Хитровом рынке – самом криминальном месте царской Москвы, где обитали бандиты, воры, нищие и безработные [13, с. 448–450].

На протяжении многих лет Сергей Максимович занимался улучшением условий труда и жизни рабочих своей фабрики. Он ввел 8-часовой рабочий день и выплату пенсий по старости, организовал сберегательную и ссудно-вспомогательную кассы, открыл клуб для служащих и при нем библиотеку, благоустроил спальни рабочих – за что фабрика была награждена серебряной медалью на Парижской выставке 1900 года. Открыл столовую, бани и прачечную, детский приют и ясли, построил больницу и Народный дом, где проходили литературные чтения, спектакли самодеятельного театра и синемаатограф [13, с. 31–32].

В целях борьбы с пьянством Сергей Максимович устроил бесплатную чайную, а при ней библиотеку-читальню, бильярд, настольные игры, дешевый платный буфет [5, с. 101]. Проследить историю создания библиотеки для рабочих можно по документам, сохранившимся в Деле канцелярии Московского Губернатора, датированном 1899 годом.

Первый документ – это Прошение Сергея Максимовича Попова о разрешении открыть библиотеку на его фабрике в с. Ивановском Звенигородского уезда Московской губернии. В нем Сергей Максимович обращается к Московскому Губернатору, которым на тот момент был Великий князь Сергей Александрович: «Желая открыть на принадлежащей мне фабрике, состоящей Московской Губернии Звенигородского Уезда, Лучинской волости, при селе Ивановском, бесплатную фабричную библиотеку, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство выдать мне законного дозволения на содержание оной библиотеки, в которой ответственным лицом буду состоять я. При том имею честь сообщить, что означенная библиотека учреждается на мои личные средства, коими обеспечивается и дальнейшее ее существование. Проект Устава библиотеки при сем прилагается. 18 сентября 1899 г.» [14].

Следующий документ – это рапорт звенигородского уездного исправника, в котором сообщается, что «...Кандидат прав Сергей Максимович Попов поведения и нравственных качеств отличных» [15]. Точно такой же рапорт был составлен на супругу Сергея Максимовича, Любовь Васильевну Попову [16]. Из следующего рапорта мы узнаем о том, что «...проживающая на фабрике Сергея Максимовича Попова, при с. Ивановском ... учительница местного фабричного училища Софья Александровна Обновленская, поведения и нравственных качеств одобрительных и ни в чем предосудительном замечена не была» [17]. Здесь впервые появляется имя С. М. Обновленской, которая на протяжении многих лет будет заведовать фабричной библиотекой.

Далее идут три документа Московского губернского жандармского управления, датированные 9 октября 1899 г., в которых сказано, что учительница Софья Александровна Обновленская, Сергей Максимович Попов и его супруга Любовь Васильевна к делам политического характера не привлекались и в политической неблагонадежности замечены не были [18].

Из следующего документа, подписанного попечителем Московского учебного округа Министерства народного просвещения П. Некрасовым, мы узнаем, что «...ближайший надзор за учреждаемою при Ивановской суконной фабрике г. Попова бесплатною народною библиотекою... возложить на местного священника, законоучителя Ивановского двухклассного училища Николая Голубева» [19]. Далее следует документ Московского Епархиального училищного Совета Кирилло-Мефодьевского Православного братства,

в котором сказано, что «со стороны Епархиального начальства не встречается препятствий к поручению священнику с. Ивановского, Звенигородского уезда, Николаю Голубеву... производить... народные чтения...» [20].

И, наконец, документ, адресованный С. М. Попову, в котором дается разрешение на открытие библиотеки. Так как это самый главный документ в этом деле, считаю целесообразным привести его полностью с сохранением оригинальной орфографии:

«Вследствие поданного мне прошения с возвращением исправленного и утвержденного мною устава, уведомляю Вас, Милостивый Государь, что я не встречаю препятствий к открытию при Вашей суконной фабрике, находящейся в с. Ивановском, Звенигородского уезда, бесплатной народной библиотеки-читальни, при чем ответственное заведение таковой поручается Вам с замещением Вас в случае отсутствия женою Вашей Любовью Васильевной Поповой.

В виду сего, признав необходимость, на основании примечания 1 к § 1, утвержденных Министерством Внутренних Дел 15 мая 1890 года Правил о бесплатных народных библиотеках-читальнях и о порядке надзора за ними, распространить действие этих Правил также и на помянутую библиотеку, причем ближайший надзор за таковой согласно § 3 тех же Правил мною по соглашению с Попечителем Московского Уч. Округа и с согласия Епархиального начальства возложен на священника о. Николая Голубева, – имею честь просить Вас, Милостивейший государь, на основании § 6 Правил о бесплатных народных читальнях, составить список всех имеющихся в библиотеке книг и журналов, как указано в § 4 означенных Правил, так равно и других книг, находящихся в библиотеке, и списки и предоставить о. Голубеву не далее, как в двухмесячный срок со дня получения Вами настоящего моего извещения.

Независимо сего предлагаю Вам, Милостивый Государь, препроводить в мою канцелярию две копии с устава вышеназванной библиотеки» [21].

Еще один документ, адресованный Звенигородскому уездному Исправнику, в котором сообщается, что на вверенной ему территории разрешено открыть библиотеку-читальню. Из этого же документа мы узнаем, что библиотекарем будет состоять учительница С. А. Обновленская [22].

Поражает, сколь не проста, оказывается, была процедура открытия библиотеки-читальни для рабочих. Казалось бы, меценат решил открыть библиотеку на принадлежащей ему фабрике на собственные средства, обязуется и в дальнейшем ее финансировать, однако дать ли разрешение на ее открытие, решает сам губернатор лично – это предусмотрено «Правилами о бесплатных народных библиотеках читальнях» от 15 мая

1890 года. Выбор книг был серьезно ограничен «Правилами». Так, согласно § 4, «читальни могут иметь у себя лишь следующие книги: а) книги, значащиеся в издаваемых Министерством народного просвещения каталогах книг для употребления в ученических библиотеках средних и низших учебных заведений и в учительских библиотеках низших учебных заведений; б) книги, одобренные Министерством народного просвещения к обращению в читальнях; в) книги, указанные духовным ведомством для употребления в церковно-приходских школах и в церковных библиотеках; г) книги и журналы, издаваемые с разрешения духовной цензуры; д) книги и журналы, издаваемые правительством, и ж) из светских книг и журналов те, кои будут указаны Министерством народного просвещения по соглашению с обер-прокурором святейшего Синода». Ближайший надзор за бесплатными народными читальнями возлагался на одно или несколько лиц учебного или духовного ведомства [6].

Последний документ, находящийся в деле – это Устав Ивановской библиотеки. Документ содержит много интересных подробностей об устройстве библиотеки, поэтому, привожу его полностью:

Устав Ивановской фабричной библиотеки (читальни)

1. Ивановская фабричная библиотека (читальня) имеет целью предоставить всем служащим и рабочим Ивановской суконной фабрики (а также их семьям) бесплатное пользование книгами для чтения.

2. Библиотека учреждается владельцем фабрики Кандидатом Прав Сергеем Максимовичем Поповым.

Средствами к ее содержанию служат:

а) Пожертвования Учредителя, коим и обеспечивается существование библиотеки.

б) Сборы со спектаклей, устраиваемые на фабрике на общих основаниях, с разрешения подлежащего начальства, а также взносы (добровольные) и пожертвования частных лиц.

3. Библиотекарем же будет состоять учительница Министерско-фабричного 2-х классного училища, которая вступает в отправление своих обязанностей не иначе, как с согласия Г. Губернатора (ныне утверждена дочь священника Софья Александровна Обновленская)

4. Библиотека не взимает ни платы за чтение, ни залогов, ни штрафов за просрочку, порчу и утрату книг.

5. В случае отсутствия или болезни учредителя заведение библиотекой переходить к жене учредителя Любови Васильевне Поповой.

6. Книги из библиотеки выдаются а) для чтения на дом, б) для чтения в читальном помещении.

7. Библиотека открыта по будням от 6 ½ час. вечера до 9 ½ час. вечера. По воскресным и праздничным дням от часу дня до 8 час. вечера.

8. Библиотека закрыта: в первый день Рождества и Пасхи, последние два дня страстной недели и накануне всех воскресных и праздничных дней.

9. В библиотеке ведутся записи, как выдаваемым книгам, так и читателям их.

10. В библиотеке имеются: а) инвентарная книга и б) систематический каталог.

11. Правила библиотеки вывешиваются на видном месте для всеобщего сведения.

Учредитель библиотеки Кандидат Прав Сергей Максимов Попов [23].

Библиотека-читальня была открыта 27 февраля 1900 г. [12, с. 7] в помещении при красильне [3, с. 15]. О ее дальнейшей работе можно узнать из отчетов Ивановской суконной фабрики.

За первый год своей работы читальня была открыта ежедневно, кроме суббот и других предпраздничных дней, по будням от 7 до 10 вечера, по праздникам от 1 до 6. Всего она была открыта 310 дней. Посетило 3049 чел. (из служащих, фабричных и посторонних) до 10 человек в день.

Книги на дом выдавались еженедельно по средам. Всего выдано 1789 экземпляров. Брали книги 167 человек (139 мужчин и 28 женщин) (посторонних 11 и 7). Каждый прочел на круг по 10 книг.

Всего в библиотеке числится 1070 томов книг, из них:

Беллетристика – 612

Журналы – 161

Религиозно-нравственный отдел – 122

История – 56

География – 51

Естествознание – 36

Гигиена и медицина – 13

Справочные книги – 12

Сельское хозяйство – 7

За истекший год приобретена в библиотеку 41 книга на 66 рублей. В читальню выписывалось 22 повременных (периодических) издания (на сумму 93 р. 60 к.).

Весь расход на библиотеку за год был 418 р. 66 к. [12, с. 7–8].

Нужно заметить, что народная библиотека-читальня была не первой библиотекой на фабрике – до нее уже существовали две библиотеки: школьная, которая насчитывала около 170 книг для внеклассного чтения, и так называемая клубская, для служащих. Клубская библиотека получила свое

начало еще в 1889 году при небольшом числе книжек случайного характера. Находилась в помещении при клубе для служащих, один из которых ей и заведовал, выдавая книги раз в неделю. Постепенно библиотека расширялась и в 1893 году насчитывала уже около 650 книг. В 1894 году заведование той библиотекой также перешло к учительнице Обновленской. Читателей бывало до 100 человек [3, с. 15].

Открывшаяся библиотека-читальня действительно была народной – ею могли пользоваться не только рабочие и члены их семей, но и, как мы видим из отчетов, посторонние. Интересно, кем были эти посторонние 11 мужчин и 7 женщин? Еще один примечательный факт: Сергей Максимович Попов никогда не отказывал в выдаче книг из библиотеки даже революционно настроенным рабочим своей фабрики [13, с. 452].

Через три года после открытия читальню посетил 1851 человек, выдано 1375 книг 1357 лицам, 178 человек взяли книги на дом (155 мужчин и 23 женщины), посторонних (12 и 4).

Фонд насчитывал 1885 томов, в клубской библиотеке 1259 книг, в школьной 325, – всего 3469 экземпляров.

Выписывались следующие газеты и журналы: «Родина», «Нива», «Вокруг света», «Родник», «Всходы», «Живописное обозрение», «Досуг и дело», «Сельский хозяин», «Вестник трезвости», «Новости дня», «Искра».

Отчет по библиотеке за три года (1900–1903):

<i>Год</i>	<i>Посетители</i>	<i>брали на дом</i>	<i>число томов</i>
1900/1	3049	167 (Жен 28)	1070
1901/2	2712	197 (--- 32)	1583
1902/3	1851	178 (--- 23)	1885

[7, с. 13–14].

Интересно, что заведующая библиотекой Софья Александровна Обновленская в отчете пытается проанализировать работу читальни: «Уменьшение числа посетителей объясняется не ослаблением интереса к чтению, а выработкой контингента читателей, действительно интересующихся чтением, а не руководимых случайным интересом к читальне» [7, с. 14].

В 1903 году библиотека переехала в Народный дом – так называли новое каменное, специально поостроенное здание клуба с постоянной сценой, костюмерной и помещением для библиотеки. Позднее здесь также стали проводить киносеансы. Народный дом «являлся по тому времени в такой мере образцовым, что для ознакомления с ним приезжали из Москвы экскурсии» [13, с. 32]. Также сюда были переведены чайная и клубская библиотека, фонд которой на тот момент составлял 1212 томов. В читальне числилось 2262 книги, посетили библиотеку 2823 человека, выдано 1611 книг 1604 лицам [8, с. 11].

После перевода библиотеки в Народный дом заметно увеличилось число посещений – 3360 в 1904 году. Выдача же остается примерно на том же уровне – 1484 книги выданы 201 человеку. Фонд продолжает пополняться – 2595 томов. Если же сюда прибавить фонды школьной и клубской библиотек, то получится, что в 1904 г. фабричное население располагало книгами в 4215 т. [9, с. 11].

Из отчета заведующей С. А. Обновленской за 1909–10 год видно, что количество посещений читальни продолжает увеличиваться. За год читальню посетило 4 758 человек из служащих, рабочих и посторонних; на каждый день приходилось по 17 посещений.

Также значительно увеличилась книговыдача: выдано 2459 книг – на каждый день выдачи приходилось около 50 книг.

Лиц, пользовавшихся библиотекой, было 330 человек: 249 мужчин и 81 женщина (в прошлом году 311 человек). Из 249 мужчин – фабричных было 234 и посторонних 15 человек; из 81 женщины – 75 фабричных и 6 посторонних. На каждого читателя за год пришлось по 7 книг.

Выписано было журналов и газет на 60 р. 50 коп.

Всего в фабричной библиотеке числится на Пасху 1910 года 5 219 томов книг. За год прибавилась 181 книга.

По отделам книги распределяются следующим образом:

Беллетристика	1 475 томов.
Журналы	1 308 –“–
Театральные пьесы	720 –“–
Детские книги	456 –“–
Религиозно-нравственный отдел	164 –“–
Естествознание	220 –“–
Сельское хозяйство	160 –“–
География	114 –“–
История	109 –“–
Педагогика	102 –“–
Биографии	53 –“–
Юридические и социальные науки	27 –“–
Философия и психология	17 –“–
Справочники и книги, не внесенные в каталог ..	294 –“–
Всего	5 219 томов.

Расход по библиотеке-читальне за год 157 руб. 36 к., не считая отопления и освещения. Из этой суммы было уплачено библиотекарю – 73 руб. 45 коп., за книги, журналы, газеты и переплеты – 77 руб. 50 коп., мелочной расход – 6 руб. 41 коп. [10, с. 15–16].

Обращает на себя внимание значительное – в два раза, увеличение фонда. Это может быть связано с тем, что, вероятно, народная читальня и клубская библиотека были объединены, так как о последней далее нигде не упоминается. Также можно заметить то, что фонд не только количественно увеличился, но и значительно расширился по составу. Это объясняется тем, что «Правила о бесплатных народных читальнях» были отменены после Манифеста 17 октября 1905 года. У народных библиотек появилось больше свободы в выборе приобретения литературы.

Последние сведения о читальне встречаются в отчете фабрики за 1914–1915 гг.

Количество посещений по-прежнему растет: 5109 чел (в прошлом году 4209). Каждый день по 18 человек.

Книговыдача остается на том же уровне – 2454 книги. Обновленская объясняет это тем, что по случаю военного времени возрос интерес к чтению газет и упал интерес к чтению книг.

Брали на дом 283 человека (202 мужчин и 5 посторонних, 81 женщина и 3 посторонние). Впервые появляется деление по возрасту. Подростки до 16 лет: 54 мальчиков и 40 девочек.

В 1915 г. фонд насчитывает 5772 книг – за год прибавилась 191 книга.

По отделам книги распределяются следующим образом:

Беллетристика	1 649 томов
Религиозно-нравственный отдел	165 –“–
Журналы	1 667 –“–
Театральные пьесы	789 –“–
Детские книги	623 –“–
Естествознание	227 –“–
Сельское хозяйство	166 –“–
География	120 –“–
История	122 –“–
Педагогика	102 –“–
Биографии	54 –“–
Юридические и социальные науки	29 –“–
Философия и критика	34 –“–
Справочники и сборники	25 –“–
Всего	5 772 томов.

Также в этом отчете впервые книговыдача распределяется по отделам. Число книг, читанных в 1914–15 гг., по отделам:

Беллетристика	1 986 томов.
Журналы	31 – “–
География	15 – “–
Естествознание	21 – “–
Религиозно-нравственный отдел	8 – “–
История	15 – “–
Сельское хозяйство	166 – “–
Детские книги	371 – “–

«Наибольшие требования предъявляются на беллетристику и журналы, книги религиозно-нравственного содержания спрашиваются очень мало, о чем нельзя не пожалеть.

Взрослые читатели требовали всего более следующие произведения: «Война и мир» Л. Толстого, «Обрыв» Гончарова, «Тысяча душ» и «Люди сороковых годов» Писемского, «В лесах» Печерского, «Из дальних лет» Засодимского; затем требовали следующих авторов: Потехина, Всевол. Соловьева, Данилевского, Загоскина, Мордовцева и А. Дюма, т.е. по преимуществу исторические романы» [11, с. 12–15].

Этот добросовестный и слегка наивный анализ фонда, сделанный Софьей Александровной, сейчас, по прошествии более ста лет, вызывает трогательную улыбку и дает нам представление о потребностях и вкусах читателей – рабочих Ивановской фабрики.

Помимо библиотеки на фабрике проводилась большая культурно-просветительская работа.

Чтения с туманными картинами

Регулярно устраивались популярные в конце 19 – начале 20 века чтения с туманными картинами.

С начала января 1890 года было получено разрешение Губернатора на устройство таких чтений при фабрике, а уже 14 января 1890 года происходило первое чтение в школе. Читал священник Голубев «О крещении Руси» и учитель Соловьев «Нашествие татар». «В промежутке фабричный хор пел светские и духовные пьесы. Народу было так много, что фонарь погас от недостатку кислорода». Чтения затем были переведены в более обширные фабричные помещения [3, с. 23].

В течение 9 лет было устроено 95 чтений, на которых прочитано 209 брошюр разного содержания (духовно-нравственного, исторического, беллетристического, географического, естественнонаучного). На каждое чтение приходило 200–300 чел.

Поначалу картины брались напрокат. С удешевлением туманных картин открылась возможность приобретать собственные коллекции, было куплено до 400 картин на сумму до 500 рублей. Кроме своих картин, фабричная аудитория пользовалась земской коллекцией. Коллекция картин также отпущалась для чтения в соседние школы [3, с. 23–24].

За 13 лет состоялось 162 чтения. Коллекция картин насчитывала 1136 шт. На каждом чтении присутствовало около 170 чел. [7, с. 21].

Вот названия некоторых картин: «Полтава», «Сказка о рыбаке и рыбке», «Басни Крылова», «Мороз, Красный нос», «Сергий Радонежский», «Америка», «Голландия и голландцы», «Чай и его польза», «Питье и крепкие напитки», «Сибирская язва», «Египетские древности», «Не шути с огнем» [7, с. 20–21]. В перерывах между сеансами пел хор, играл граммофон.

Синематограф был приобретен системы Гюмона (обошелся в 500 рублей), картины же брались напрокат. Ввиду большого интереса к сеансам и наплыва народа первые сеансы были платные (взималось 3–5 коп. с человека в пользу фабричной библиотеки) [от 1909–10, с. 25].

В 1914–15 гг. чтений с туманными картинами не происходило, их вытеснили кинематографические сеансы [11, с. 26].

Литературные чтения в клубе

Начало вечеров относится к зиме 1889 года, когда кружок лиц из служащих фабрики во главе с врачом А. С. Трудницкой устроил чтение в клубе для служащих (получившим начало в 1888 г.). В первый вечер читался 1 акт комедии Гоголя «Женитьба» и местным фабричным В. Ф. Груздевым его комедия «По силе дерево руби». Такие вечера имели успех и привились на фабрике. Обыкновенно читались в лицах комедии Островского, Гоголя, Фонвизина, Потехина и других – при участии служащих и некоторых талантливых рабочих.

В среднем проводилось по 20 чтений за год, каждое посещало по 40 человек. Вход был бесплатным для всех служащих и рабочих [3, с. 21].

За 10 лет было проведено 178 литературных вечеров, некоторые из них с музыкальным отделением, где звучали скрипка и рояль. На вечерах читались пьесы, прозаические произведения, стихотворения, биографии писателей. «Граммофон способствовал привлечению публики на вечера» [7, с. 22].

Один из вечеров в 1904 г. был посвящен Чехову – в связи с кончиной писателя [9, с. 19].

Фабричные спектакли

Инициаторами устройства спектаклей на фабрике были служащий И. А. Кураев и врач А. С. Трудницкая. При их участии, а также при участии племянника Сергея Максимовича – Николая Александровича Попова, состоялся первый спектакль «Женитьба» Гоголя в клубе для служащих в феврале 1890 года. Участвовали служащие фабрики, на спектакль допускались и рабочие. С того времени на фабрике дается несколько спектаклей при участии не только служащих, но и рабочих.

Первый спектакль с участием рабочих был в январе 1891 г. «Давалась комедия Аблесимова «Мельник, колдун, обманщик и сват». Спектакль проходил в фабричном помещении (в сортировальне шерсти) и имел полный успех, открыв несколько талантов» [3, с. 25].

С 1898 г. спектакли даются на сцене Народного дома.

Первые спектакли были бесплатными, затем стало взиматься небольшое пожертвование на какие-либо благотворительные цели, в том числе на нужды библиотеки.

Спектакли всегда с удовольствием посещались народом, все места были заняты (на некоторых спектаклях бывало свыше 600 человек).

Репертуар состоял большей частью из произведений классических или народных писателей. Перед классическими произведениями читались вступительные пояснения («Ревизор» Гоголя, «Борис Годунов» Пушкина, «Горе от ума» Грибоедова). Преобладал репертуар Островского [3, с. 26].

За 13 лет было сыграно 50 спектаклей, в том числе 3 детских, исполненных школьниками фабричного училища. Всего 33 пьесы в нескольких актах, 19 одноактных пьес и водевилей, 3 детские пьесы и сцены из 5 опер (при участии приглашенных певцов).

Наиболее часто ставились и пользовались наибольшим успехом комедии Островского (14 пьес), «Борис Годунов» Пушкина (сцена в корчме шла три раза).

Из оперных сцен наибольшее впечатление произвела «Русалка» Даргомыжского [7, с. 23–24].

Также на фабрике имелся хор и духовой оркестр.

По инициативе Николая Александровича Попова на фабрику была привезена передвижная выставка картин выдающихся художников в репродукциях и организована продажа при клубе дешевых книг и литографий [13, с. 32].

«Смелые реформы и такая просветительская работа не проводились тогда ни на одной русской фабрике» [5, с. 102]. Каждый отчет фабрики заканчивался фразой о том, сколько было затрачено на интеллектуальные потребности каждого рабочего. Не зря современники прозвали Попова русским Робертом

Оуэном [1]. Но судьба его оказалась даже более трагична, чем у утописта Оуэна. После революции 1917 года фабрику национализировали, а Сергея Максимовича просто выкинули на улицу. В 1918 году он занял должность ученого библиотекаря в Музыкальном техникуме имени А. Н. Скрябина [4, с. 775]. Работа ему нравилась, он очень любил музыку, даже издал биографию П. И. Чайковского. Но к концу жизни он, пережив большинство своих близких и потеряв все свое имущество, умер в нищете.

Судьба его фабрики также трагична. Осенью 1941 года при отступлении нашими войсками корпуса фабрики были взорваны. «В течение ряда лет, однако, продолжали еще стоять стены фабричных корпусов с пустыми глазами окон, трубами, несколько случайно уцелевших сараев, башня с часами и фабричные ворота с чугунными урнами... В 1953 году была проложена большая трасса между Звенигородом и г. Истрой. Эта магистраль разрешила территорию бывшей фабрики пополам. Кирпич фабричных корпусов весь ушел на бут шоссе. Местность, когда-то занятая фабричным городком, превратилась... в чистое поле» [2]. А вместе с фабрикой сгинула и библиотека. Так закончилась «империя» Попова, предпринимателя и мецената.

Список использованной литературы и источников:

1. Воспоминания А. М. Шуберт // НИОР ФГУ РГБ Ф. 547. К. 8. Ед. х. 6.
2. Воспоминания А. М. Шуберт // НИОР ФГУ РГБ Ф. 547. К. 8. Ед. х. 7.
3. Комаров А. «Прирожденный архивист»: (Очерк биографии С. С. Попова) / А. Комаров // Альманах / Ред.-сост. М. П. Рахманова. – Москва: Гос. центральный музей муз. культуры им. М. И. Глинки. – Вып. 3: / Ред.-сост. М. П. Рахманова; Науч. ред. М. В. Есипова; Предисловие М. П. Рахмановой. – Москва: Дека-ВС, 2007. – С. 769–800.
4. Отчеты вспомогательных учреждений Ивановской суконной фабрики (Московской губернии, Звенигородского уезда) за 1893–1899 г.: С прибавл. крат. ист. сведений о фабрике. – Москва: Типо-лит. М. А. Мальцова, 1910. – 30 с.
5. Мамаев С. Ю. Ивановская суконная фабрика / С. Ю. Мамаев // Первые Воскресенские чтения «Краеведческие традиции Истринской земли»: Сборник материалов научно-практической конференции. 13 декабря 2017 года / Центральная библиотека им. А. П. Чехова (МУК Истринская ЦБС); под ред. Т. В. Вартановой. – Истра; Новосибирск: Новосибирский издательский дом, 2018. – С. 95–106.
6. О бесплатных народных библиотеках и читальнях. Правила 15 мая 1890 года / ред. П. М. Шестакова. – Москва: П. Я. Путилова, 1905. – 81 с.
7. Отчет вспомогательных учреждений при Ивановской суконной фабрике Товарищества Попова. За 1902–1903 гг. – Москва, 1903. – 28 с.
8. Отчет вспомогательных учреждений при Ивановской суконной фабрике Товарищества Попова. За 1903–1904 гг. – Москва, 1904. – 20 с.
9. Отчет вспомогательных учреждений при Ивановской суконной фабрике Товарищества Попова за 1904–1905 г. – Москва, 1905. – 22 с.

10. Отчет вспомогательных учреждений при Ивановской суконной фабрике Товарищества Попова за 1909–1910 г. – Москва, 1910. – 28 с.

11. Отчет вспомогательных учреждений при Ивановской суконной фабрике Товарищества Попова за 1914–1915 г. – Москва, 1915. – 30 с.

12. Отчет Товарищества Ивановской суконной фабрики. За 1900–1901 гг. – Москва, 1901, – 14 с.

13. Суконщики Поповы: «Записки о московской жизни» и не только / вступ. ст., сост., подгот. текстов, примеч. Н. А. Крутянской. – Москва: Русский путь, 2010. – 640 с.

14. ЦГАМ – Ф. 17. – Оп. 77. – Д. 712. – Л. 1.

15. ЦГАМ – Ф. 17. – Оп. 77. – Д. 712. – Л. 2.

16. ЦГАМ – Ф. 17. – Оп. 77. – Д. 712. – Л. 4.

17. ЦГАМ – Ф. 17. – Оп. 77. – Д. 712. – Л. 3.

18. ЦГАМ – Ф. 17. – Оп. 77. – Д. 712. – Л. 5, 6, 7.

19. ЦГАМ – Ф. 17. – Оп. 77. – Д. 712. – Л. 8.

20. ЦГАМ – Ф. 17. – Оп. 77. – Д. 712. – Л. 9.

21. ЦГАМ – Ф. 17. – Оп. 77. – Д. 712. – Л. 12, 14.

22. ЦГАМ – Ф. 17. – Оп. 77. – Д. 712. – Л. 13.

23. ЦГАМ – Ф. 17. – Оп. 77. – Д. 712. – Л. 16, 17.

Е. С. Казанцева, М. С. Казанцева

СКУЛЬПТОР СЕРГЕЙ КАЗАНЦЕВ О РАСЦВЕТЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В XIX ВЕКЕ

Скульптор, народный художник России, член-корреспондент Российской академии художеств Сергей Сергеевич Казанцев родился 23 мая 1946 года в г. Александрове Владимирской области [6]. Обучался в Абрамцевском художественно-промышленном училище (1962–1967 гг.), окончил Московский государственный художественный институт им. В.И. Сурикова (1968–1974 гг.). В 1993 г. ему присвоили звание «Заслуженный художник РФ», в 2007 г. – «Народный художник РФ», в 2019 г. – «Член-корреспондент Российской академии художеств». С 1973 года скульптор начинает жить и работать в Истринском районе в д. Лобаново. С 1991 году в д. Борзые по своей инициативе и на собственные средства он начинает создавать уникальный парк скульптуры. В парке и галерее экспонируется более 300 работ из мрамора, гранита и искусственного камня, вход на территорию парка свободный. В 2015 году Сергей Казанцев стал лауреатом премии губернатора Московской области «Наше Подмосковье» за неоценимый вклад в развитие региона. В 2018 году Президент РФ Владимир Владимирович Путин, открывая памятник «И. С. Тургенев» в Москве на Остоженке, похвалил скульптора С. С. Казанцева за созданный монумент писателю. В 2021 году художник был удостоен Почетной грамоты от министра культуры Московской области «за многолетнюю общественно-просветительскую деятельность, создание парка скульптур в г.о. Истра, вклад в развитие культуры МО».

Внушительное число своих работ С. С. Казанцев подарил Истринскому району [6]: «Муза Мельпомена» (1993), «Леонардо да Винчи» (2003–2006), «Истра» (2003–2004), «Святой Мартин» (2003–2004), «Неопалимая купина» (2005). В д. Исаково установлен «Солдат» (1990), около пос. Княжье озеро на братской могиле – «Казанская Богоматерь» (1991), в пос. Нахабино (г.о. Красногорск) – «Д. М. Карбышев» (2004), там же, на территории военной части – тридцать портретов Героев Советского Союза (2003), в д. Глебово на Казанском храме – рельеф «Богоматерь Казанская» (2005), в пос. Курсаково – «Богоматерь Одигидрия» (2005), в пос. Пионерский (ранее Покровское-Рубцово) – «Савва Морозов» (2012), в с. Дарна – «Распятие» (2011), в д. Аносино в трапезной монастыря молится о нас «Серафим Саровский» (1991).

Памятник А. П. Чехову в деревне Бабкино, 2008 год

История города Истра, ранее – Воскресенск, неразрывно связана с биографией знаменитого русского писателя А. П. Чехова. В 2008 году по просьбе жителей и при финансовой поддержке бизнесмена Араза Агаларова скульптор Сергей Казанцев создал барельеф «А. П. Чехов и И. Левитан», который был установлен в д. Бабкино. На рельефе Чехов и Левитан изображены на фоне реки Истра и Истринского ландшафта, оба в творческом процессе. Левитан перед этюдником обращен к писателю, который сидит за книгой. Привлекает внимание отверстие-разрыв между героями в скульптуре. И если присмотреться, в особенности на фоне голубого неба, начинает казаться, что отверстие – это река Истра, воды которой выходят за пределы композиции, погружая зрителя в атмосферу вдохновения и творчества, которой так дорожили Чехов и Левитан, работая на Истринской земле [6]. Барельеф «А. П. Чехов и И. Левитан» стал первым крупным произведением Сергея Казанцева, связанным с расцветом русской литературы XIX века.

Памятники русским писателям (2018–2021 гг.)

С 2018 года Сергей Казанцев страстно увлечен темой русской литературы XIX века. Художник признается, что его самая любимая книга – это «Война и мир» Л. Н. Толстого: «В 1974 году после выпуска из Суриковского института я начал жить в деревне, в фамильном доме моей супруги. В тишине деревенской обдумывал творческую работу и иногда по часу в день выделял, чтоб почитать. Мне тогда попала «Война и мир». Очень увлекся, за зиму прочитал весь роман, был в буквальном смысле потрясен гением Льва Николаевича. Памятник писателю я создал сильно позднее, спустя 47 лет, как ни удивительно, но мне в этом помогли Тургенев и разразившаяся пандемия в 2020 году».

Памятник И. С. Тургеневу для Москвы

Работа над скульптурной композицией «И. С. Тургенев» началась по инициативе и на средства бизнесмена Александра Шмакова, который обратился к художнику в январе 2018 года с предложением создать скульптурный портрет писателя И. С. Тургенева и подарить его Государственному музею А. С. Пушкина в честь грядущего 200-летнего юбилея писателя.

Сергей Казанцев изобразил писателя молодым, в годы, когда он посещал дом своей матери на Остоженке. Основная идея композиции – показать устремленного к новым знаниям, энергичного молодого человека, увлеченного революционными идеями запада, возвращенного на русской земле,

на земле крепостничества. Именно этот необузданный молодой писатель сталкивался в спорах с Достоевским, конфликтовал с Толстым. В левой руке Тургенев сжимает на груди листки с записями о жизни, которую он наблюдал в России и за рубежом. Правая рука свободна, прочитывается жест взятого писательского пера. Фигура отлита из бронзы и установлена на постамент из цельного блока полудрагоценного малинового кварцита с фрагментом шлифованной колонны. Колонна символизирует классическое европейское образование и увлеченность писателя революционными идеями запада. Фактурная обработка камня превалирует в постаменте, утверждая силу влияния крестьянской среды, в которой рос Тургенев. Постамент из малинового кварцита – подарок Москве от самого скульптора.

10 ноября 2018 года в торжественных мероприятиях по открытию Дома-музея И. С. Тургенева и памятника писателю принял участие Президент РФ Владимир Владимирович Путин. Президент во время торжественной речи подчеркнул, что новый памятник очень красивый, и горячо поблагодарил его создателя за проделанную работу, в личной беседе со скульптором много расспрашивал про постамент из малинового кварцита (ТАСС, 2018; Шевцова, 2018; Казанцева, Алексанова, 2018).

Столь тёплое отношение и настоящий интерес главы государства дали мощный импульс, вдохновили Сергея Казанцева на создание памятников еще двум светилам русской литературы – А. С. Пушкину и Л. Н. Толстому.

Памятник А. С. Пушкину

С началом пандемийного локдауна весной 2020 года Сергей Казанцев взялся за образ А. С. Пушкина. Скульптор много думал о судьбе поэта, остро переживал его трагическую гибель.

Сергей Сергеевич и раньше подступался к образу А. С. Пушкина, но настоящему фигуру поэта ему никто и никогда не заказывал. Один из первых портретов Пушкина пришелся на начало 2009 г. (опять же в очередной кризисный период). Один экземпляр этого портрета в гипсе художник передал в дар Детской школе искусств в г. Переславль-Залесский. В 2016 г. скульптор выполнил в искусственном камне крупный бюст поэта для парка в «Артек» (г. Ялта). В 2019 г. Сергей Сергеевич создал несколько мраморных портретов А. С. Пушкина, один из них перешел в частную коллекцию, один побывал на выставке в Российской академии художеств в Москве, а сейчас находится в собрании автора.

За пандемийный 2020 год, когда общество встало на паузу и ничего не отвлекало, Сергей Казанцев успел закончить скульптурную фигуру динамичного

молодого Пушкина. «Композиция портретной фигуры – это то, что в пространстве более эффектно смотрится. Скульптура – это, прежде всего, освоение пространства, именно духовного. Композиционно Пушкин и Тургенев похожи – видимо, это тот образ создателя, творца, интеллигента, который во мне сформировался. У А. С. Пушкина молния на постаменте – динамика, она необходима для классика, настолько все вокруг него клокотало. Фигурная композиция – это целый этап, эпилог жизни творца. Это его эпилог и мой эпилог. Мы здесь с ним похожи в чем-то. Пушкин близнец, и я близнец. А близнецы – это те, кто очень быстро и внезапно из одного состояния могут перейти в другое, это всегда шокирует и удивляет посторонних», – считает скульптор Сергей Казанцев.

Памятник А. С. Пушкину скульптор мечтал подарить строящейся новой школе недалеко от его парка, но, к огромному изумлению, руководство школы отказалось принять этот подарок. И только потом Сергей Казанцев узнал, что эту школу создавали для обучения детей по англо-американским программам.

«Самые значительные произведения, например, «Евгений Онегин», поставили русскую поэзию на ведущее место в мире. Конечно же, это не могло остаться без внимания западной культуры, которая уже очень давно ведет антироссийскую пропаганду. Гений Пушкина слишком сильно выбивался из общей идеи того, что Россия «жестокая и грязная». Такое отношение ко всему русскому я ощутил на себе лично во время работы в европейских странах. На меня там с изумлением смотрели, потому как Россия во всей Европе воспринимается совсем не со стороны произведений искусств. На меня итальянцы смотрели как на диковину, они удивлялись, как это русский скульптор может сделать профессиональную скульптуру. Предполагаю, что Дантес, молодой французский офицер, который, собственно, только и умел, что стрелять из пистолета, будучи приемным сыном голландского дипломата, он – это специально подготовленный проект европейской мафии. Ведь как могло случиться, что Пушкину в один день из трех разных мест пришли письма одинакового содержания о том, что жена его ведет себя неприлично? У Пушкина в это время была очень высокая работоспособность, он много успевал за день, что-то дописывал по ночам. Поэтому ему не было дела до таких пустяков, как дуэль, например. И он отнесся к этому не очень всерьез, что нельзя сказать о Дантесе, которого готовили на протяжении многих лет», – скульптор Сергей Казанцев.

Рассуждения художника о причинах гибели поэта очень хорошо согласуются с монографией П. Е. Щеголевой. В книге «Дуэль и смерть Пушкина: Исследование и материалы» [17] процитировано письмо Александра

Карамзина к своему брату, где он признает искусственность созданного конфликта: «Дантес был пустым мальчишкой... совершенным ничтожеством как в нравственном, так и в умственном отношении... (Дантес под влиянием Геккерна), не знаю с какими дьявольскими намерениями стали преследовать госпожу Пушкину с таким упорством и настойчивостью, что, ... в один год достигли того, что почти свели ее с ума и повредили ее репутации во всеобщем мнении... Тот гений (Пушкин), что составлял славу своего отечества, тот, чей слух так привык к рукоплесканиям, был оскорблен чужеземным авантюристом, приемным сыном еврея, желавшим замарать его честь». Интересно отметить, что Пушкин понимал, что три письма, оклеветавшие его супругу, были сфабрикованы [17], что, видимо, в большей степени и переполнило чашу его терпения. Важно знать, что писали о смерти Пушкина «во французских и английских газетах много» [17], но в большей степени газеты перебирали личные обстоятельства происхождения, преподнося историю как роман, частную историю любовного треугольника, с минимальным или полным отсутствием упоминания о значении гения А. С. Пушкина для русской культуры. Тем самым ещё более оскверняя светлую память поэта».

Памятник Л. Н. Толстому

Окончив работу над А. С. Пушкиным в ноябре 2020 года, Сергей Сергеевич принялся за памятник Л. Н. Толстому.

«Эпоха, которая закончилась со смертью Пушкина, она была подхвачена Львом Николаевичем. Книга «Война и мир» стала шоком для всей Европы. Такое произведение создать обыкновенный писатель не может, только величайшая величина мирового значения. Толстой опять же нарушил стереотип о месте русской культуры в мире. Важно еще помнить, что Толстой был на войне в Севастополе и ощутил на своей шкуре, что такое быть в середине военных действий, его военные сцены правдоподобны, они основаны на восприятии русского человека. Толстому сейчас приписывают, что у него были какие-то сложности с церковью. Но я, просматривая о нем материалы, ничего подобного не нашел. Пропагандисты искусственно придумали конфликт между Львом Николаевичем и обществом, в частности, с церковью. Еще говорят про конфликт с супругой, но не думаю, что он из-за женщины мог вот так все бросить. Он поехал к своей сестре в монастырь, потому что ему важна была духовная поддержка. Уехал, и получилось, что где-то по дороге простудился», – скульптор Сергей Казанцев.

В отличие от скульптур Тургеневу и Пушкину фигура Льва Николаевича получилась тяжеловесной, четко прочитывается, что Л. Н. Толстой – это

абсолютная аллегория русской земли. В композиции присутствуют яблоня, как символ плодородия, и дубовые ветви – символ мужества. Волны над головой писателя – это земля, облака, это русская природа. В силуэте прочитывается православный крест. По мнению Сергея Казанцева, образы православия Толстого всегда очень высокие, умные и значительные. Открытая ладонь Льва Николаевича – это жест доброжелательности, открывающий душу. Л. Н. Толстой всю жизнь пытался сделать так, чтоб его внутренний мир был доступен людям.

Благотворительность и культура

Деятельность в области культуры и искусства в духовно развитых странах, таких как Россия, даже в самые тяжёлые времена всегда имела поддержку со стороны частных жертвователей. Напомним, что скульптуры С. С. Казанцева, посвященные А. П. Чехову и И. С. Тургеневу, созданы на пожертвования меценатов.

Интересна и еще одна сторона благотворительности в искусстве, когда в роли благотворителя выступает сам художник или писатель. Например, памятники А. С. Пушкину и Л. Н. Толстому – это творческие работы Сергея Казанцева, выполненные на собственные средства скульптора. В 2022 году экземпляры этих памятников из искусственного камня Казанцев установил в своем парке в д. Борзые – это еще один бескорыстный подарок местным жителям от художника. Крайне интересна тема благотворительности со стороны главных героев скульптора. Приведем самые яркие примеры из биографий писателей.

П. В. Анненков так вспоминал **И. С. Тургенева**: «...кошелек Тургенева был открыт для всех, кто прибегал к нему. Пересчитать людей, материально ему обязанных, почти и невозможно за их многочисленностью...» [4]. И. С. Тургенев был знаменит своей общественной работой по популяризации русского искусства за рубежом: «...как русский европеец, стремящийся сблизить две культуры... он не только переводит на французский язык произведения русской классики, но и способствует публикации в России сочинений французских авторов... В целом, именно Тургеневу, первому из русских писателей, во многом удалось разрушить во Франции стереотип восприятия России как страны варварства и насилия» [7]. Известно, что Иван Сергеевич много помогал русским эмигрантам в Париже, отдавал много сил и времени Обществу русских художников во Франции, организовал в Париже выставку Товарищества передвижников [9, 15]. Он выступал за народное образование и видел спасение России в просвещении, поэтому в августе 1960 года Тургенев

плодотворно работал над проектом программы «Общества для распространения грамотности и первоначального образования» [8].

В 1830 году **А. С. Пушкин**, несмотря на финансовые трудности, на общественных началах принимал активное участие в издании первых выпусков «Литературной газеты». «Самое деятельное участие в газете принял Пушкин. Он давно мечтал о своём печатном органе, в котором можно было бы объединиться с близкими ему писателями в борьбе за просвещение, за нравственные основы литературного творчества, независимого от каких-либо политических или коммерческих соображений, за независимую критику, которая будет формировать общественное мнение и эстетический вкус читающей публики», – Н. И. Михайлова [11].

Современник **А. П. Чехова** И. Н. Альтшуллер так вспоминал о писателе: «Для Чехова составляло величайшее удовольствие помогать другим, и он постоянно для кого-нибудь что-нибудь устраивал. Он рекомендовал учителей в гимназии, хлопотал перед архиереем о месте для священника и, уже тяжело больной, искал через друзей протекции для московского дьякона... уезжая в Москву, он каждый раз спрашивал, не надо ли чего привезти... Когда нас несколько человек задумало создать санаторию для нуждающихся, то Чехов, к которому мы обратились за содействием, очень горячо отозвался, объявил у себя прием пожертвований и много времени терял на жертвователей» [1]. Куда бы Антон Павлович ни переезжал, он старался открыть библиотеку и сам привозил туда книги, он строил школы, обучал прислугу грамоте, открывал врачебные пункты и обеспечивал их оборудованием, помогал крестьянам, собирал средства для голодающих, помогал церквям, помогал художникам [2, 3].

Из воспоминаний Эмилия Диллона о **Л. Н. Толстом**: «На следующее утро часов в восемь или девять в его прихожей столпились мужики и бабы из ближайших деревень... Нужды и несчастья этих добрых людей были столь же различны, как их имена и возраст, и лишь немногие из них имели хоть какое-то понятие о том, где кончается благотворительность и начинается всемогущество. Они хотели, чтобы мир воцарился в их жилищах, топливо было в их лачугах, у скота был корм; они желали отмщения врагам, хотели, чтобы у их обездоленных детей были и одежда, и отцы» [10].

Граф Лев Толстой открывал школы и сам в них учительствовал, он считал, что, внося в среду народа грамотность, он помогает народу выразить его внутреннюю красоту и сущность. Лев Николаевич был добр ко всем бедным, не покладая рук, рубил с крестьянами хворост, тесал колья, плел плетень, резал бревна, сам возил лес для сруба, сам клал в одонья хлеб, покрывал их от дождя и вообще помогал мужикам во всех работах. Важно помнить,

что Лев Толстой строил столовые для крестьян в голодные 1891–1892 годы, первым стал публично заявлять и писать о проблеме голода, и, несмотря на все политические сложности, он смог привлечь внимание общественности и собрать единомышленников для помощи голодающим крестьянам, тем самым спас много людских жизней [10, 13, 14].

Перечисляя заслуги писателей, больше всего поражает их трудолюбие и жизненная энергия. Часто можно услышать, что талантливый человек – талантлив во всем. И это действительно так. Благотворительность в широком смысле слова – это не только прямая финансовая помощь, но и тот бескорыстный труд, который талантливые люди вкладывают в просвещение и в улучшение жизни внутри страны. Эти люди часто сталкиваются со сложностями, но глубокая вера и божий импульс помогают им продолжать предначертанный путь. Слава Земле Русской, породившей великих мужей, с верой в Правду и во славу Отечества!

Благодарности

Авторы статьи выражают благодарность заведующей Дома-музея И.С. Тургенева Е.В. Полянской и ведущему библиотекарю Павло-Слободской библиотеки МУК «Истринская ЦБС» Е.Н. Золотаревой за консультативную помощь по биографиям писателей А.С. Пушкина, А.Н. Чехова, И.С. Тургенева и Л.Н. Толстого, за помощь в подборе необходимой литературы.

Список использованной литературы и источников:

1. А.П. Чехов в воспоминаниях современников /под ред. А.Л. Гришунина. – Москва: Художественная литература, 1986. – 754 с.
2. Бычков Ю.А. Лучший из людей: Мелиховские годы Чехова, 1892–1899: Кн.-альбом / Юрий Бычков. – Москва: Гелиос АРВ, 2004. – 320 с.: ил., факс., портр.
3. Бычков Ю.А. Просто Чехов / Ю.А. Бычков. – Москва: Пробел-2000, 2013. – 520 с.
4. И.С. Тургенев в воспоминаниях современников. В 2 т. Т. 1. / Вступ. ст. С.М. Петрова; сост. и подгот. текста С.М. Петрова, В.Г. Фридлянд. – Москва: Художественная литература, 1983. – 546 с.
5. Казанцева Е.С. Скульптурная композиция «И.С. Тургенев в годы создания рассказа «Муму». К 200-летию со дня рождения писателя (1818–1883). Творческий коллектив под руководством народного художника России, скульптора С.С. Казанцева / Е.С. Казанцева, Я.А. Алексанова // К 200-летию И.С. Тургенева и открытию Дома-музея И.С. Тургенева на Остоженке 2018: сборник статей. Вып. IV. – Москва: Государственный Музей А.С. Пушкина, 2019. – С. 149–155.
6. Казанцева Е.С. Творческая мастерская Сергея Казанцева в д. Борзые и памятники, установленные автором в городском округе Истра / Е.С. Казанцева,

М.С. Казанцева // Третьи Воскресенские чтения. «Литературное краеведение в современном мире: исследование, просвещение, новые подходы». Материалы научно-практической конференции, 13 декабря 2019 г. / Центральная библиотека им. А.П. Чехова, под общ. ред. Т.В. Вартановой. – Истра; Коломна: Коломенская типография, 2020. – С. 157–167.

7. Кафанова О.Б. И.С. Тургенев в кругу французских литераторов: стратегия и тактика поведения / О.Б. Кафанова. – Текст: электронный // Филологический Вестник Сургутского государственного педагогического университета, научный журнал. – 2020. – № 4. – С. 75–86.

8. Колыханова Е.Г. И.С. Тургенев о вопросах народного просвещения (на материале проекта программы «Общества для распространения грамотности и первоначального образования») / Е.Г. Колыханова // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2021. – № 1 (90). – С. 62–64.

9. Кузьмина Л.И. Тургенев и «Русская касса взаимного вспоможения». Вып. 3 / Л.И. Кузьмина // Тургеневский сборник: Материалы к Полному собранию сочинений и писем И.С. Тургенева / Предисл. М.П. Алексеева; Ред. коллегия: М.П. Алексеев (глав. ред.) и др. Акад. наук СССР. Ин-т русской литературы (Пушкинский дом). – Москва, Ленинград: Наука, 1967. – С. 245–261.

10. Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 2. / ред. С.А. Макашин. – Москва: Художественная литература, 1978. – 642 с.

11. Михайлова Н.И. Как Пушкин газету создавал / Н.И. Михайлова. – Текст: электронный // Народное образование, № 3 (Пушкинский альманах, 1474). – Москва, 2019. – С. 102–109. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kak-pushkin-gazetu-sozdaval/viewer>.

12. Путин принял участие в церемонии открытия памятника Тургеневу в Москве. – Текст: электронный // ТАСС. – 2018 г. – URL: <https://tass.ru/kultura/5777678>.

13. Рогожина А.С. Благотворительность Л.Н. Толстого и голод 1891–1892 гг. / А.С. Рогожина. – Текст: электронный // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2019. – № 2 (83). – С. 34–36. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/blagotvoritelnost-l-n-tolstogo-i-golod-1891-1892-gg/viewer>.

14. Сизова И.И. Народный театр Льва Толстого: Начало просветительского служения писателя / И.И. Сизова. – Studia Litterarum. Vol. 1. – 2016. – № 3–4. – С. 216–234.

15. Хворостов А.С. Влияние И.С. Тургенева на развитие изобразительного искусства и художественного образования в России. Посвящается 200-летию со дня рождения писателя / А.С. Хворостов, Д.А. Хворостов. – Текст: электронный // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2018. – № 3 (80). – С. 414–418. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-i-s-turgeneva-na-razvitie-izobrazitel'nogo-iskusstva-i-hudozhestvennogo-obrazovaniya-v-rossii-posvyaschaetsya-200-letiyu-so-dnya/viewer>.

16. Шевцова М. Владимир Путин и Сергей Собянин открыли памятник Ивану Тургеневу / М. Шевцова. – Текст: электронный // Вечерняя Москва, – 2018 г. – 10 ноября. – URL: <https://vm.ru/moscow/343992-vladimir-putin-i-sergej-sobyanin-otkryli-pamyatnik-ivanu-turgenevu>.

17. Щеголев П.Е. Дуэль и смерть Пушкина: исследования и материалы. – Москва: Книга, 1987. – 576 с.: ил.

**«ВСЕМИ СИЛАМИ СТАРАЛИСЬ БЫТЬ ПОЛЕЗНЫМИ...»
О КАВАЛЕРСТВЕННОЙ ДАМЕ
ОРДЕНА СВЯТОЙ ЕКАТЕРИНЫ МЕНЬШЕГО КРЕСТА
АЛЕКСАНДРЕ НИКОЛАЕВНЕ СТРЕКАЛОВОЙ
И МНОГОГРАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО ОБЩЕСТВА
ПООЩЕНИЯ ТРУДОЛЮБИЯ**

Благотворительница Александра Николаевна Стрекалова родилась «в 1811 г.» [2, с. 151]. По одним источникам «воспитанница» [2, с. 151], по другим «незаконнорожденная» [6, с. 494], но, так или иначе – дочь Натальи Петровны Касаткиной-Ростовской. По духовному завещанию княгиня «управление и распоряжение оставшимся после нее родовым и благоприобретенным движимым и недвижимым имуществом в разных губерниях» [6, с. 494] оставляет за Александрой Николаевной. Длительное время ее мать, коллежская асессорша М. П. Бородина, и кузина, княгиня О. М. Лобанова-Ростовская, оспаривали это завещание, ссылаясь в том числе и на прошение мужа Натальи Петровны, Николая Александровича, на «неправильное присвоение женою его дочери ее Александре звания княжны Касаткиной-Ростовской» [6, с. 495].

В 1838 г. Александра Николаевна вышла замуж за потомственного дворянина Степана Степановича Стрекалова, сына сенатора С. С. Стрекалова. В браке родилась дочь Наталья, будущая жена московского губернатора князя А. А. Ливена. Наталья умерла в 1866 г. Единственный сын Степан умер в 1875 г., прожив всего двадцать девять лет.

Александра Николаевна постоянно жила в Москве, пользовалась широкой известностью в московском аристократическом кругу. Благотворительностью начала заниматься с сороковых годов. В Тульской губернии семья Стрекаловых владела селом Руднево, где Александра Николаевна устроила школу, больницу для крестьян, ремесленную школу для девочек, приют для малолетних и грудных детей на время страды. Она помогала детям, больным, старикам, воинам – всем, кто нуждался.

Особенно успешным детищем Стрекаловой стало Общество поощрения трудолюбия. «Мыслью к основанию» общества послужила статья в «Московских ведомостях» мецената книгопечатника Сергея Павловича Яковлева «Нищие и копеечная благотворительность». Резонанс описания нищенства, особенно детского, и отсутствие каких-либо мер со стороны московских властей для искоренения этого явления был огромен. Статью перепечатали многие губернские газеты, обсуждали в салонах. Хотя следует отметить, борьба с нищенством в Москве велась с 1838 г. на средства Комитета для разбора и призрения просящих милостыню.

«К разбору поступало в среднем 1740 человек в год, или менее 5 человек в сутки – цифра крайне незначительная в сравнении с размерами уличного нищенства» [9, с. 93]. Самым прогрессивным методом борьбы с этим явлением считалось открытие работных домов. 23 февраля 1863 г. (здесь и далее даты приводятся по старому стилю) Министром внутренних дел утверждается устав Общества. Учредители – сама Стрекалова, ее супруг Степан Степанович, автор напумевшей публикации Яковлев, Софья Дмитриевна Мертваго, Елена Григорьевна Торлецкая и Павел Михайлович Хрущев. Буквально за несколько недель членами Общества стали 127 человек, председательницей выбрали Александру Николаевну, и уже 14 марта на квартире Мертваго на Знаменке состоялось открытие Общества, проведение распродажи вещей, изготовленных семейными бедными женщинами.

Первоначально деятельность Общества ограничивалась раздачей бедным женщинам работ на дом с целью дать им заработок без отрыва от семьи. Каждый член Общества, в основном состоятельные дамы, самостоятельно покупал материал, раздавал его бедным женщинам, затем принимал уже готовые изделия, оплачивал и сдавал для продажи в магазины. На возвращенные средства вновь покупался материал и раздавался. Для хранения и продажи изделий вскоре потребовались помещения. Осенью открыли два склада у Триумфальных ворот, в одном из которых устроили мастерскую, где две наемные закройщицы в присутствии члена Общества раздавали скроенную материю работницам и принимали готовые изделия. 20 февраля 1864 г. А. Н. Стрекалова получает известие, что «Государь Император, согласно желанию Государыни Императрицы <...>, изъявил Всемиловитое соизволение на принятие под Августейшее покровительство ее Величества устроенного Вашими попечениями в Москве Общества поощрения трудолюбия. <...> Препровождаю вместе с сим сто пятьдесят рублей на усиление средств означенного общества» [4, с. 4]. Очень скоро приходит понимание, что обществу нельзя ограничиваться только раздачей материалов. На Моховой улице в доме Елены Григорьевны Торлецкой в трех комнатах открывается Школа для портних.

Смотрительница обучала учениц Закону Божью, чтению, письму и основным правилам арифметики. Занятия по шитью и вышиванию проводила закройщица. К концу 1864 г. в школе уже постоянно проживали и полностью содержались за счет благотворителей одиннадцать учениц. Стрекалова вновь получает из Петербурга письмо: «Ее Величество, с удовольствием усмотрев из отчетов преуспевание Общества, соизволила повелеть мне выразить Вам искреннюю ее признательность и вместе с тем просить Вас поблагодарить от Августейшего ее имени гг. Торлецких и прочих сотрудников за усердное содействие пользам Общества» [4, с. 7]. Имена четы Торлецких были хорошо известны в Москве. Потомственный почетный гражданин, купец 1 гильдии Александр Александрович, имел дома на Гороховой, Тверской и Мясницкой, имение в Гиреево. Книгоиздатель, один из первых русских фотографов и меценат, он жертвовал на строительство и принимал непосредственное участие в основании Московской консерватории. Вместе с женой Еленой Григорьевной (в девичестве Тереховой) состоял во многих благотворительных обществах. Особенно большие средства супруги вкладывали в детское меценатство.

Школа для портных Общества поощрения трудолюбия практически полностью содержалась за их счет. Когда в школу поступили две сироты-француженки, специально для них стали преподавать французский язык, вскоре и каждая воспитанница по желанию смогла изучать французский, потом и немецкий. Созданный в Москве Славянский женский комитет учредил в школе три стипендии для особенно способных портных, и им начали преподавать изготовление церковного облачения и церковной утвари. Эта школа впоследствии получила наименование – Торлецкая ремесленная школа.

В 1866 г. в Москве началась эпидемия тифа и холеры, и комитет Общества принял решение оказывать медицинскую помощь труженицам на дому и ученицам в школе. Для этого пригласили доктора Д. П. Яблоновского и распространили между работницами информацию о бесплатной медицинской помощи – советами и лекарством. Только за один год доктором «визитаций сделано около четырех сот» [4, с. 10]. Впоследствии доктору Яблоновскому за бескорыстную службу будет пожалован орден Святой Анны 3-й степени. В этом же указе члену Общества Н. И. Корещенко была пожалована золотая медаль для ношения на шее на Анненской ленте за многократную раздачу бесплатного чая беднякам «перед годовыми праздниками».

После заграничной поездки, где А. Н. Стрекалова «установила непосредственные сношения с парижскими торговыми домами, которые и начали снабжать Общество образцами и моделями изделий, вошедшими

по прихотям моды в общее употребление» [4, с. 12], круг покупательниц и заказчиков начал быстро расти.

В октябре 1868 г. Общество поощрения трудолюбия по просьбе членов было присоединено к старейшему русскому частному благотворительному учреждению Императорское Человеколюбивое общество, с измененным уставом и расширением видов меценатства.

Мастерские по пошиву (было уже три) перевели из частных квартир в наемные, заведовали ими выпускницы Торлецкой школы. Член общества М. Н. Муханова при содействии княгини А. И. Голицыной открыла вторую школу для портных, впоследствии «за усердия, заслуги и пожертвования на пользу Общества» она стала именоваться «Стрекаловская» по фамилии председательницы и основательницы Общества. В программу обучения для старших классов ввели преподавание бухгалтерии, считая, что такие знания пригодятся, если в дальнейшем выпускницы решат управлять небольшими ремесленными заведениями.

В каждой мастерской и школах уже свой доктор. Аптекарь г. Гантц снабжал бесплатными лекарствами, зубной врач И. Н. Арнштейн бесплатно оказывал стоматологическую помощь.

Уровень преподавания швейному мастерству в школах был так высок, что работы Общества получили право представлять Россию на Всемирной выставке промышленных учреждений в Филадельфии в 1876 году.

За вышитый рельефом батистовый платок, камчатную скатерть, шитую цветной бумагой в русском стиле, два полотенца с вышитым шелком ландшафтом, мордовскую рубашку, три русских детских вышитых рубашки и батистовую женскую сорочку с шитьем Общество удостоили серебряной медалью выставки.

Крупным событием для Общества стало учреждение и открытие Троицкой больницы для неизлечимых и школы сестер милосердия при ней. Александра Николаевна приняла на себя не только расходы на устройство и снабжение всем необходимым на шестнадцать кроватей, но и внесла в кассу Общества 30 тысяч серебром для нужд больницы. Помещение нашли за Тверской заставой. Княгиня Черкасская рядом с больницей основала домовую церковь и во время богослужения больных выносили на «креслах-самокатах» в ризницу церкви. Каждый из благотворителей мог по своему желанию выбрать одну из кроватей в больнице и вносить годовую плату 100 рублей на расходы. Например, Софья Сергеевна Аксакова сразу внесла три тысячи рублей. Имя Елизаветы Ивановны Николевой в итоге было присвоено одной из кроватей за «значительное пожертвование в пользу больницы». Для создания более комфортных условий для больницы приобрели «покупкой собственный

дом, состоящий из 6 каменных и 6 деревянных корпусов, с обширным садом, за 118 тыс. р.» [5, с. 104], на Остоженке, в Савеловском и Зачатьевском переулках, у которого не было «важного утешения» – близости церкви.

А. Н. Стрекалова, внося 2 тыс. рублей, занялась устройством церкви. В 1877 г. домовая церковь во имя Божией Матери всех скорбящих Радости была открыта в восточном крыле больницы.

В 1869 г. Общество учредило школу для кухарок, причем школа была и «кухмистерской для продажи изготовленного кушанья». Десять учениц, живущие при школе, в возрасте не менее 17 лет, пользовались полным содержанием и одеждой. Обучались два-три года, при успешном окончании получали диплом. Ученицы днем закупали продукты, готовили, вечером им преподавали чтение, письмо, правила арифметики и основы счетоводства.

Кухмистерская почти сразу же стала покрывать расходы по закупке провизии и содержанию кухни. Вскоре было замечено, что большинство посетителей кухмистерской – студенты Императорского московского университета, и для многих плата 20 копеек за обед – высокая. Тогда члены Общества организовали Фонд удешевленных обедов для «недостаточных» студентов университета. Студенты оплачивали половину стоимости обеда, остальное шло из фонда. Воспользоваться билетами на такие обеды могли только действительно нуждающиеся студенты. Их имена называли студенческие советы с каждого факультета университета. Спрос на удешевленные обеды превышал средства Фонда, и приходилось постоянно проводить сбор денег – проводить балы, устраивать беспроигрышные лотереи.

Только за 1871 г. был выдан 521 билет, на 30 обедов каждый. Несмотря на значительные пожертвования, расходы на содержание кухмистерской росли ежемесячно. Связанно это было еще и с тем, что «класс посетителей обращают внимание более на размер порции, нежели на качество приготовления, и ограничивают выбор кушаний тремя – четырьмя названиями» [5, с. 102], поэтому выучить «достойного» повара из учениц не получалось. В итоге школа для кухарок и Фонд для студентов были закрыты в 1876 г.

В 1871 г. основанное Еленой Григорьевной Торлецкой с супругом Попечительство для «недостаточных» учениц Московской консерватории вошло в ведомство Общества и десять иногородних учениц поселились в доме, где размещалась школа кухарок. Воспитанницы консерватории здесь жили, питались и занимались музыкой на приобретенных Торлецкой инструментах. Для оказания помощи большему числу «недостаточных» учениц Общество с каждым годом нанимало все больше комнат, и вскоре более 20 девушек пользовались его помощью.

В январе 1872 г. на очередном заседании Общества возникла идея об устройстве в Москве народных кухонь. В Европе такие кухни уже существовали, там давно пришли к выводу, что «недостаток теплой здоровой пищи в рабочем классе влечет за собой и развитие повальных болезней, и пьянства» [4, с. 58]. Первой вызвалась на устройство кухни Е. Г. Торлецкая и сразу же пожертвовала 500 рублей. Она же возглавила совет о народных кухнях. Правила ведения хозяйства кухонь вырабатывались долго и тщательно, потому как необходим был строгий контроль. В итоге основой контроля стала марка, покупаемая при входе у конторщицы. Затем, получив обед, марка передавалась кухарке, которая опускала ее в запертую на замок кружку, а ключ хранился у контролера. Таким образом, появлялась возможность проверять и конторщицу, и кухарку. График работы столовой установили ежедневный: с 9 до 16 и с 18 до 21 часов. Меню самое простое: щи, похлебка, лапша по 6 коп., каша с маслом 4 коп., жаркое 10 коп., в постные дни – рыба. В столовой запрещалось курить и потреблять напитки, кроме кваса и воды.

Первая народная кухня была открыта уже в феврале торжественным молебном, в присутствии Московского генерал-губернатора, городского головы и многих других почетных лиц города и членов Общества в доме Степанова на Хитровом рынке. Постояльцы рынка с подозрением отнеслись к начинанию, кабатчики, видевшие в столовой конкурента, устраивали «многие препятствия и выходки». Неоднократно обсуждался вопрос о прекращении «дела в самом его зачатке», и через четыре месяца народную столовую закрыли. Две другие столовые, временная на Моховой улице против манежа и постоянная на Смоленском рынке, тоже просуществовали несколько месяцев. Лишь открытая на пожертвования С. С. Сабашникова кухня в доме Кузнецова в начале Смирновского переулка оказала «делу народных кухонь громадную услугу» [4, с. 64]. При столовой открыли чайную и читальню. Чай продавался с куском сахара за 1 коп., а на одном из столов всегда лежали номера шести периодических изданий и несколько незатейливых книг. Это привлекало посетителей, в день продавалось от 80 до 220 стаканов чая.

В разное время для беднейших жителей Москвы Обществом были открыты народные столовые с удешевленной пищей на Хитровском рынке, Каланчевской улице, Волковском переулке и других местах. Число их менялось, менялось месторасположение, но одно оставалось неизменным: помещение, посуда, мебель, продукты и все прочее приобреталось и содержалось за счет пожертвований.

У каждой столовой была попечительница и до шести сотрудников, которые следили за порядком и вели строгий учет расходов по строгой отчетности, утвержденной Обществом. Кроме горячего обеда посетители,

а до семидесяти пяти процентов это женщины и дети, могли получить и подарки. Так, в 1883 г. «в столовой в Овчинниках три дня всем приходящим выдавали по калачу, а один день всем детям по фунту гостинцев из сластей на каждого. <...> В столовой на Смоленском рынке Татьяна Дмитриевна Захарова раздала 12 200 калачей. Андрей Иванович Поляков – 300 фунтов конфет и сладостей детям. <...> От общества распространения полезных книг во всех столовых роздано 52 200 книг духовно–нравственного содержания. <...> В столовой в Овчинниках Яковом Львовичем Шемшуриным роздано 16 мая 605 человекам по пяти копеек на каждого; Михаилом Петровичем Поповым там же 15 мая роздано 614 человекам по пяти копеек и по платку бумажному на каждого» [4, с. 248].

В народных столовых на Варварской площади, Смоленском рынке и Торлецкой практиковались народные чтения для «неграмотного люда». Занималась этим Комиссия по устройству публичных народных чтений при еще одном обществе, основанном Александрой Николаевной Стрекаловой в 1961 г. – Обществе распространения полезных книг. Это общество старалось решать колоссально возросшую во второй половине девятнадцатого века потребность в чтении у населения «из народа». Общество издавало и распространяло бесплатно или «по возможно дешевой цене <...> для всех классов и возрастов русских читателей» [1, с. 109] православно-христианскую книгу, организовало издательство для выпуска исторических рассказов, очерков, описания путешествий, книг по народному и юридическому образованию, которые продавались в магазине на Моховой в доме Александра Александровича Торлецкого. Было открыто около тридцати «читален». Чтения проходили по воскресным дням с октября по апрель. В течение только одного 1890 года «в 39 местах <...> устроено 480 духовных бесед и 676 общеобразовательных чтений, общее число слушателей <...> равнялось 212 461 человек» [7, с. 54]. Комиссии общества также занимались бесплатным снабжением беднейших школ книгами, открытием сначала детских библиотек и читален, а затем и «без различия возраста читателей». Всего Обществом было открыто 14 библиотек в самых беднейших районах Москвы. Например, фонд детского и взрослого отделений бесплатной библиотеки на Пречистенке, Полукетовском переулке в доме Туркестанова составлял 3 080 экземпляров книг. Более шестидесяти процентов – беллетристика. Посещали библиотеки заводские, фабричные, ремесленные рабочие и учащиеся городских училищ. Свыше тридцати процентов читателей приходили в библиотеку более двенадцати раз в год.

Следующее учреждение, созданное на пожертвование Обществом поощрения трудолюбия – исправительно-ремесленный приют для нищих

девочек. Под приют была выделена земля с двумя строениями в селе Большово Московского уезда, в трех верстах от Мытищинской станции Ярославской железной дороги. Место членам Общества понравилось: удалено от города, близко церковь, рядом богадельня, где можно получить медицинскую помощь. Открытие состоялось 27 июня 1874 г. Попечительство над приютом взяла Стрекалова. В приют поступали девочки трагических судеб. «Одна заблудившаяся на московских улицах девочка десяти лет была найдена полицией как скрывавшаяся от промышлявших нищенством других нищих. <...> Одна девочка, семи лет, калмычка, была привезена в Москву одной барыней, которая затем, наскучив этой игрушкой, сдала ее одной повивальной бабке; эта последняя, тяготясь ребенком, старалась в свою очередь всячески сбыть ее, держала в крайнем изнурении, не давала пищи и нередко наказывала розгами, так что соседи, видя несчастное положение малютки, заявили о том полиции. <...> Одна турчанка, поднятая нашими войсками в городе Сливнах и крещенная там, прибыла в Москву с фельдфебелем приютившего эту четырехлетнюю малютку полка; фельдфебель, сам без достатка, поступил к месту, где не мог держать при себе девочку, и просил приютить ее. В свободное время этот названный отец охотно ходил навещать названную дочь. Вдова одного чиновника сошла с ума; при ней жили две девочки, которые вследствие своей жизненной обстановки пришли в дикое положение: младшая восьми лет не могла объяснить ни своих мыслей, ни своих желаний. Теперь обе они показывают успехи даже в письме и чтении» [4, с. 180–181].

В приюте девочки от 4 до 16 лет пользовались «необходимым довольствием, <...> обучались грамоте и ремеслам, <...> по мере сил, выполняли приютские домашние работы, убирали комнаты, шили и чинили белье и платья, помогали готовить кушанья, занимались работами в огороде и уходом за домашней птицей, а взрослые девицы и за рогатым скотом» [5, с. 106].

В 1876 г. Общество вновь представило страну на международном уровне, теперь в Брюсселе на Конгрессе и выставке по предмету гигиены и спасения погибающих. Брюссельские эксперты присудили обществу похвальный диплом и бронзовую медаль за «облегчение участи недостаточного класса» [4, с. 109]. За учреждение и содержание Большевского исправительного ремесленного приюта – еще одну бронзовую медаль.

Во время Русско-турецкой войны Обществом был открыт Дом воспитания сирот убитых воинов. Специально для приюта на участке земли, примыкающем к саду Троицкой больницы, построили двухэтажный деревянный на каменном фундаменте дом. Русский пианист-виртуоз, дирижер, основатель Московской консерватории и первый ее директор

Николай Григорьевич Рубинштейн проводил благотворительные концерты по всей России для сбора средств новому учреждению. Освящение дома состоялось 12 мая 1878 г. Благодаря пожертвованиям Дом обеспечили полным комплектом белья и одежды для воспитанниц, мебелью, посудой, кроватями, учебными пособиями. Первоначально в доме воспитывалось 38 девиц. Двенадцать посещали классы женской гимназии, остальные обучались в Доме.

В это же время рядом с селом Всехсвятское Московского уезда (район метро Сокол) на «пустыре, сплошь покрытым пнями от вырубленного леса, крестьяне села сюда выгоняли скот» [10, с. 43] началось строительство поселка из небольших домиков для основанного Обществом Убежища увечных воинов. Один из четырех домов был построен на средства Е. Г. Торлецкой. Для инвалидов в Убежище все было бесплатно – проживание, питание, одежда. Располагали они своим временем так, как считали нужным, главное, чтобы вели себя «благопристойно, соблюдали опрятность и находились в послушании у начальников» [4, с. 149]. Постоянно проживающих в доме колебалось от 40 до 50 человек.

Через несколько лет устав Убежища изменили, и кроме увечных стали принимать престарелых и неизлечимых воинов. Заведовал убежищем потомственный дворянин, генерал-лейтенант Дмитрий Васильевич Мерчанский. Пожертвования «потекли со всех сторон», и вскоре было возведено еще несколько домов на средства Клавдии Никоновны Обидиной – дом управления. Заброшенный пустырь превратился в ухоженный парк, где «двумя стройными, безукоризненными, как на параде, рядами выстроились домики простенькой, но изящной архитектуры с зелеными железными крышами и террасами, обвитыми диким виноградом» [10, с. 42–43]. В память об императоре Александре II, погибшем в 1881 г. в результате теракта, убежище стали именовать Александровским, в честь его небесного покровителя, Святого Александра Невского, возвели храм. Освящение состоялось 12 июля 1883 г.

В год двадцатилетия Общества, 26 мая председательница и попечительница отдельных учреждений Александра Николаевна Стрекалова во время аудиенции Государыни Императрицы отчиталась: «При запасном капитале в 380 тыс. рублей общество воспитывает в пяти школах 250 девочек, дает приют 35 неизлечимым женщинам, 60 увечным и престарелым воинам, 15 престарелым учительницам, 40 недостаточным воспитанницам Московской консерватории, доставляет 120 бедным женщинам швейную работу, содержит две постоянные народные столовые, в которых ежегодно отпускается 100 т обедов, снабжает бесплатно в зимнее время недостаточное население Москвы топливом и теплой одеждой. В десяти временных народных столовых ежедневно свыше 6 т. человек получают горячую пищу» [10, с. 52].

1 октября 1893 г. рядом с убежищем увечных воинов был открыт Алексеевский приют для офицеров. Средства 100 тыс. рублей на строительство дома для приюта пожертвовала вдова потомственного почетного гражданина Варвара Андреевна Алексеева. «Большое, красивое здание в итальянском стиле <...> сооружено по плану архитектора Игнатия Павловича Залеского. В доме имеется общая зала, столовая, ванная, библиотека пополняется частными пожертвованиями. <...> Офицеры в приюте получают полное содержание: платье, белье, обувь, обед, состоящий из двух блюд, ужин из двух блюд и чай два раза в день. В приюте можно поместить 10 человек» [4, с. 228].

В последующие годы Общество будет открывать другие учреждения, какие-то со временем будут закрыты или перепрофилированы. Средства, собранные на благотворительных балах, концертах, спектаклях, полученные от лотерей, членские взносы, проценты от оборота и пожертвования исчислялись сотнями тысяч. Приход и расход всех средств по каждому учреждению в отдельности и по Обществу в целом строго фиксировался и публиковался для всеобщего обозрения. Крупных благотворителей чествовали, их именами называли учреждения, дома в убежище, кровати в Троицкой больнице, стипендии в школах и приютах. За двадцать пять лет пожертвования от разных лиц составили 885 996 рублей.

В начале 20-го века за Обществом поощрения трудолюбия числилось двадцать учреждений. В учебно-воспитательных (три ремесленные школы, Большевский ремесленно-воспитательный приют для нищенствующих девочек, Елизаветинская женская гимназия) на 1 января 1900 г. воспитывалось и обучалось 616 детей, в том числе 180 – бесплатно. В группу «учреждений для постоянного призрения» входили Троицкая больница для неизлечимо больных женщин и при ней – дешевые квартиры для престарелых гувернанток, бесплатная богадельня для простых женщин, бесплатный приют для бедных дворянок, Попечительство о недостаточных ученицах Елизаветинской женской гимназии, Попечительство о недостаточных ученицах Московской консерватории, Александровское убежище увечных и престарелых воинов, Алексеевский приют для офицеров.

На 1 января 1900 г. в них проживало 218 человек, 180 из которых – бесплатно. К третьей категории относились: народная столовая имени Якова Белова в Никольском переулке, Торлецкая народная столовая в Известковском переулке на Таганке, народная столовая на Хитровском рынке, 4-я народная столовая и чайная на углу Пантелеевской улицы и Ивановского переулка. Ночлежный приют имени В. И. Белова на Смоленском рынке, открытый в 1884 г., предназначался только для мужчин и был рассчитан на 311 человек. Комиссия бесплатного снабжения топлива выдавала дрова по удостоверению,

что семья действительно нуждающаяся. «В 1899 году дрова выданы были 219 семьям на сумму 536 руб.» [8, с. 60].

В 1891 году за полувесковую благотворительную деятельность Александра Николаевна «сделана была кавалерственной дамой ордена Святой Екатерины меньшего креста» [2, с. 151], чуть ранее в Александровском убежище увечных воинов была учреждена стипендия имени А. Н. Стрекаловой «на проценты с капитала в 5 000 р.». В год 40-летия (1903 г.) деятельности Московского общества поощрения трудолюбия Троицкую больницу для хронически больных женщин в честь основательницы переименовали в «Стрекаловскую». И было «пожалованием фотографического портрета Ея Императорского Величества в рамке художественной работы с Собственноручною под ним подписью» [11, с. 17]. Еще двум московским заведениям в разное время присваивалось имя «Стрекаловская» – школе для портних и народной столовой на Хитровом рынке.

Кроме указанных выше обществ и учреждений, в которых Александра Николаевна принимала живейшее участие, можно еще назвать «Московское столичное попечительство о народной трезвости, Попечительство Голофтьевской школы, Дом воспитания сирот, Комиссию народного чтения, Сергиевский дом трудолюбия Общества «Муравейник», Иверскую общину сестер милосердия, Московскую голицынскую больницу, Московское Дамское Попечительство о бедных, Московское благотворительное общество 1937 г. и т.д.» [2, с. 151].

Председательницей Общества поощрения трудолюбия Стрекалова была до 1889 г., затем правление передала своей внучке, светлейшей княгине Александре Андреевне Ливен. Но в стороне от участия в жизни созданных ею учреждений она не осталась и до последних своих дней оказывала помощь нуждающимся и обездоленным.

13 января 1904 г. кавалерственная дама Александра Николаевна Стрекалова скончалась. Погребение прошло в подмосковном селе Всехсвятском (ныне район между метро Сокол и Аэропорт) рядом с мужем. На похоронах присутствовали московский Генерал-губернатор, Великий Князь Сергей Александрович, Великая Княгиня Елизавета Федоровна и другие представители российской элиты. Священником Владимиром Востоковым при погребении были произнесены вот такие слова: «Кто знал Александру Николаевну в отношениях к людям, кто соприкасался с нею в том или другом общественном деле, тому стыдно становилось черствости к участи несчастных, равнодушия к разного рода добрым движениям на благо и пользу общества. <...> Ее жизнь была торжеством жизни духовной, жизни идейной, ярким доказательством того, как много может сделать искренно любящий, искренно верящий в избранное дело» [3, с. 3].

Общество поощрения трудолюбия продолжило свою работу и после смерти Стрекаловой, и при первых же вестях о начале войны 1914 г. были открыты лазареты для нижних чинов в Александровском убежище увечных воинов и Елизаветинской женской гимназии по 50 кроватей, в офицерском убежище – на 4 кровати. Для семей, призванных на фронт, в народных столовых начали раздавать бесплатные обеды. Пятьдесят две воспитанницы Елизаветинской гимназии были освобождены от уплаты за обучение, как дочери призванных на войну. Воспитанницы всех трех школ ухаживали за ранеными, шили белье для солдат, собирали в их пользу пожертвования и «вообще всеми силами старались быть полезными нашим доблестным героям» [12, с. 19]. Свою деятельность учреждения Общества поощрения трудолюбия прекратили в разные месяцы 1917 года.

Список использованной литературы и источников:

1. Адрес-календарь учебных, промышленных и торговых заведений, больниц, лечебниц, благотворительных обществ, акционерных обществ и контор для г. Москвы. – Москва: тип. А. И. Мамонтова, 1868. – 178 с.
2. Архив Раевских. В 5 т. Т. 5. – 1915. – XXV / ред. и примеч. Б. Л. Модзалевского. – Санкт-Петербург: Тип. М. А. Александрова, 1908–1915. – 808 с.
3. Московские ведомости: газета / ред.-изд. В. В. Назаревский. – Москва. – 1904. – № 18. – 3 с.
4. Летопись первого двадцатипятилетия. (1863–1888 гг.) / сост. С. А. Кельцев; Ведомство Имп. Человеколюбивого о-ва поощрения трудолюбия в Москве. – Москва, Товарищество Печатня С. П. Яковлева, 1888. – 324 с.
5. Отчет о действиях и суммах Человеколюбивого общества за 1874, 1875 и 1876 годы / Человеколюбивое общество (Петербург) // Отчет о действиях и суммах Человеколюбивого общества ... Текст ... за 1888 год. – Санкт-Петербург, 1878. – 160, 96 с., 13 л. табл. 6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. V, 1830. – Санкт-Петербург: Типография II отделения Собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Канцелярии, 1831. – 1118 с.
7. Пругавин А. С. Запросы народа и обязанности интеллигенции в области умственного развития и просвещения / А. С. Пругавин. – Москва: журн. «Рус. Мысль», 1890. – 282 с.
8. Сборник справочных сведений о благотворительности в Москве / сост. Справ. отд.-нием по делам благотворительности при Моск. гор. управе. – Москва: Моск. гор. обществ. упр., 1901. – 373 с.
9. Сперанский С. В. К истории нищенства в России / С. В. Сперанский. – Санкт-Петербург: тип. В. Киршбаума, 1897. – 46 с.
10. Токмаков И. Ф. Историко-статистическое и археологическое описание села Всехсвятского, Московской губернии и уезда. С 1398–1898 год / сост. по первоисточникам и главнейшим пособиям И. Токмаков. – Москва: Печатня Снегиревой А. И., 1898. – 91 с.

11. Человеколюбивое общество (Петербург). Всеподданнейший отчет совета Императорского человеколюбивого общества за 1903 год / Человеколюбивое общество (Петербург) // РГИА. – Ф. 768. – Оп. 2. – Д. 1194. – Санкт-Петербург, 1905. – 125 с.

12. Человеколюбивое общество (Петербург). Всеподданнейший отчет совета Императорского человеколюбивого общества за 1914 год / Человеколюбивое общество (Петербург). – Петроград: Государственная типография, 1916. – 188 с.

Л. Ю. Рожкова

БЛАГОТВОРИТЕЛЬ ИВАН ДМИТРИЕВИЧ ЧИКИН И ЕГО РОЛЬ В ЖИЗНИ ВОСКРЕСЕНСКА

В России всегда было много людей, для которых благотворительность была естественной потребностью души и сердца. Именно к таким людям относился Иван Дмитриевич Чикин, который сделал очень много для Воскресенска и его жителей.

Он родился и вырос в городе Обоянь Курской губернии, где его мать имела свой дом. В 1832 году Иван Дмитриевич перебрался в Москву и записался в купцы 3-й гильдии по мясницкой части. Чикин никогда не был женат и не имел детей. Родня его состояла из сестер и брата Андриана. Благотворительностью он занялся еще в родном городе и ко времени переезда в Воскресенск имел золотую медаль с надписью «За усердие» на Аннинской ленте для ношения на шее. Став жителем Воскресенска, он активно продолжил заниматься благотворительностью. В середине девятнадцатого века благодаря его стараниям в городе была создана первая частная школа – по типу народной школы. Разрешение на её открытие дало губернское училищное начальство. Учредитель имел право выбирать учебные предметы, а учебный план утверждал попечитель учебного округа. В число предметов обязательно входили Закон Божий и русский язык.

В 1848 году Чикин устроил приходское училище на 70 человек обоего пола и, как сказано в документах, «купил приличный для сего дом, устроил оное и ...содержал в оном учителя, законоучителя, прислугу, снабжал его учебными пособиями, одевал учащихся и по окончании курса устраивал их будущее положение, так что приискивал им места в Москве по торговле и отдавал в мастерство» [2, с. 110]. Таким образом, в Воскресенске Чикин заявил о себе сначала как благотворитель, а уже потом как предприниматель. В 1856 году благотворителю объявили благодарность с сообщением в Московское губернское правление.

С 1848-го по 1858 гг. на содержание приходского училища И. Д. Чикин пожертвовал 11 000 рублей серебром, за что 3 января 1856 года получил вторую в своей жизни золотую медаль – на Владимирской ленте. Городская дума ходатайствовала о дополнительном его вознаграждении, но в Москве оставили этот рапорт без удовлетворения [2, с. 110].

В 1862 году Чикина утвердили в должности почетного блюстителя учрежденного им училища, попечителем которого он являлся с 1848 года. На это потребовалось согласие Московского купеческого общества (там купец продолжал состоять в качестве личного потомственного гражданина и временно купца 3-й гильдии). В 1868 году «по старости лет» он сложил с себя обязанности попечителя. В следующем году во время большого пожара училище сгорело. Стараниями нового попечителя, Павла Григорьевича Цурикова, оно было восстановлено на его собственной земле.

Стремясь улучшить жизнь простых людей и развивать отечественное производство, Иван Чикин обратился в Московскую губернскую канцелярию с просьбой разрешить ему устройство бумажно-шерстяной фабрики. Для фабрики предприниматель выбрал место на окраине города. Город предоставил ему землю в потомственное владение. Свидетельство было выдано ему 14 марта 1857 года. Так в Воскресенске появилось первое промышленное предприятие. Фабрика по меркам северо-запада Подмоскovie была средней. Поначалу на ней работали 120 мужчин и 2 женщины. По документам, сохранившимся в архивах, можно проследить, как росло и развивалось его любимое детище. В 1862 году здесь производились «хлопчатобумажные и шерстяные материи на сумму до 10 тысяч рублей, сбываемые в Москву». В 1865 году Воскресенская бумажно-ткацкая и шерстяная фабрика ежегодно производила 154 тысячи аршин ткани. А в 1872 году, незадолго до закрытия, в год на ней вырабатывалось продукции на сумму более тридцати тысяч рублей, имелось 30 жаккардовых и 26 ремизных машин [2, с. 103]. Со смертью И.Д. Чикина в 1875 году прекратило свое существование и его предприятие в Воскресенске. Не имевшему прямых наследников фабриканту некому было оставить дело. Иван Дмитриевич завещал один из фабричных корпусов («средний одноэтажный деревянный») Воскресенскому монастырю, остальное имущество – брату Андриану и московской мещанке, девице Марье Кузьминичне. Андриан Дмитриевич не мог воспользоваться наследством: он числился несостоятельным должником и всю свою долю вынужденно отдал за долги [1]. Марье Кузьминичне достался «деревянный жилой домик, построенный при выезде на дачу с правой стороны и составляющий отдельную постройку».

Имя Ивана Дмитриевича Чикина надолго сохранилось в топографии Воскресенска. Местность, где когда-то располагалась фабрика, стали называть Чикино, а открытую там некоторое время спустя земскую больницу – Чикинской.

Став фабрикантом, Иван Дмитриевич Чикин не мог обойти вниманием Ново-Иерусалимский монастырь. Первый вклад он сделал в 1860 году, а к 1868 году сумма пожертвований составила 10 321 рубль. В частности, он

участвовал в поновлении придела Голгофы. Монастырские власти сделали в Московскую синодальную контору представление о его награждении: «Иван Дмитриевич Чикин в течение 7 лет сделал значительные пожертвования в Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь и за то два раза получал только благословление Священного Синода, – говорилось в прошении. – Если бы не Чикин и еще один благодетель (имелся в виду П.Г. Цуриков), то монастырь при скудных доходах не мог бы возобновлять ветхости в громадном храме». По этому ходатайству Чикин в 1870 году был награжден орденом Святого Станислава 2-й степени.

Удивительно, как много успел сделать Иван Дмитриевич Чикин для нашей Истринской земли. Мы всегда будем помнить этого человека, внесшего огромный вклад в культурную и экономическую жизнь города.

Список использованной литературы и источников:

1. Истринская земля / А.А. Зилов, Г.П. Калужный, Ю.П. Кардашев.: ред. Л.В. Гладков. – Москва: Энциклопедия сел и деревень, 2004. – 846,[1] с.,[64] л. ил., цв. ил.: ил., портр.; – Истринская земля / А.А. Зилов, Г.П. Калужный, Ю.П. Кардашев. – Москва: Энциклопедия сел и деревень, 2004. – 67 с.
2. У стен Нового Иерусалима: история города Воскресенска – Истры / М.А. Крючкова, Л.Г. Невзорова, Н.И. Сафонова и др.: отв. ред. Н.А. Абакумова. – Москва: Лето, 2010. – 430, [2] с., [8] л. ил.; ил., портр. – У стен Нового Иерусалима. История города Воскресенска – Истры / М.А. Крючкова, Л.Г. Невзорова, Н.И. Сафонова, В.В. Сидоров, М.И. Соколова. – Москва: Лето, 2010.

РОЛЬ БЛАГОТВОРИТЕЛЕЙ В РАЗВИТИИ ПРОСВЕЩЕНИЯ В СЕЛЕ ПАВЛОВСКОМ ЗВЕНИГОРОДСКОГО УЕЗДА

В начале 1860-х гг. в селе Павловском Звенигородского уезда (ныне с. Павловская Слобода г.о. Истра Московской области) в результате упразднения в 1859 г. местной казенной суконной фабрики, отмены крепостного права в 1861 г. и последовавших земских реформ в жизни поселян произошли коренные изменения. Открывшейся возможности улучшить свое благосостояние селянам мешала, однако, почти поголовная неграмотность. Павловские крестьяне и мещане, даже большинство выборных представителей местной власти, не могли не только прочитать, но и расписаться в документах, которые они принимали на сельских сходах. Выборным представителям выдавались именные печати для скрепления принимаемых решений вместо личной подписи.

Из Министерства государственных имуществ в 1861 г. волостным правлением был разослан циркуляр, в котором предлагалось для обучения сельских детей первоначальной грамоте приглашать священников, дячков и их жен [10].

Многие осознавали ущербность, унижительность своего положения и необходимость его изменения. Поэтому инициатива одного из священников Благовещенской церкви Петра Ивановича Благовещенского, предложившего открыть в с. Павловском начальное училище, было поддержано. Сельское духовенство было в это время, пожалуй, единственным грамотным сословием, и лишь одно оно, помимо государства, могло положить начало в решении проблемы преодоления сплошной неграмотности. В специально построенном помещении на его собственной усадьбе о. Петр с 15 сентября 1860 г. начал обучать основам грамоты несколько десятков сельских девочек и мальчиков. Звенигородское Духовное управление утвердило П. И. Благовещенского наставником в приходском начальном училище [11].

Обучение в доме свящ. Благовещенского продолжалось до начала 1870-х гг., когда Павловское волостное правление для школьных занятий наняло более просторное помещение у крестьянина Ивана Петровича Маликова и пригласило учителя с семинарским образованием Михаила Сафонова. Наставником стал Виктор Троицкий из духовного сословия. После этого количество принимаемых учеников возросло.

С самого начала обучения в открывшемся приходском начальном училище местные сельские общества выбирали попечителя (блюстителя), который не только обеспечивал нормальную деятельность учебного заведения, но и жертвовал средства из личного капитала. В качестве попечителей училища в разные годы выбирались относительно состоятельные люди. В частности, крестьянин с. Павловского И. П. Маликов, будучи наставником, жертвовал значительные суммы на содержание начальной школы [6].

Приходское начальное училище в с. Павловском просуществовало с 1860 по 1876 гг. Обучение первоначальной грамоте нескольких сотен крестьянских детей положило начало процессу просвещения среди жителей с. Павловского и соседних деревень. При этом следует отметить важную роль местных благотворителей как предоставивших помещение для занятий (наставник св. П. И. Благовещенский, И. П. Маликов), так и попечителей, внесших заметные вклады на содержание школы (И. П. Маликов, А. И. Городсков и др.).

К середине 1870-х гг. стало ясно, что существующие условия обучения в начальном училище не отвечают минимальным требованиям к школьным помещениям. Об этом свидетельствовали не только теснота, плохое освещение и другие неудобства, но и невозможность принимать всех желающих учиться. Уездный инспектор народных училищ предлагал прихожанам устроить в селе одно- или двухклассное училище, но многие жители обоснованно опасались, что для этого от них потребуются серьезные материальные затраты.

В это время в Благовещенской церкви начал служить новый священник Савва Нечаев. Он состоял от Павловской волости гласным (депутатом) в Звенигородском Земском уездном собрании и входил в уездный училищный совет. Он хорошо знал о состоянии с грамотностью своих прихожан и проблемах с начальным училищем, так как преподавал в нем Закон Божий.

В Московских Епархиальных ведомостях анонимный автор так описывает дальнейшие события: «О. Савва, пользуясь правом гласного собрания и члена учебного совета, решился во что бы то ни стало это предложение инспектора осуществить в своем селе Павловском. Для этого посредством волостного старшины созывает своих прихожан в волостное правление. Трудно в бестолковую и шумную толпу провести добрую мысль и вызвать ее согласие на полезное учреждение. И физически, и нравственно страдал отец Савва в пятичасовой борьбе со своими новыми прихожанами; зато, благодаря своей энергии, победил этот тяжелый труд. Сход, наконец, поддавался простому, ласковому, но убедительному голосу своего пастыря и своим приговором положил: построить двухклассное училище из своего материала на своей земле; на его постройку собрать по 1 рублю с души и ежегодно на поддержку училища давать 300 рублей» [3].

Почин священника был поддержан Министерством народного просвещения и широкими кругами местного населения. Клир Благовещенской церкви принял решение, что вначале необходимо построить в селе Павловском двухклассное училище, а затем новую колокольню. Вот так они обосновывали свое предложение: «Честь имею донести Консistorии, что, прося в 1875 г. Епархиальное начальство о разрешении построить при нашей церкви новую колокольню, с дозволением разрушить старую, по ее неспособности к дальнейшему существованию, мы, при малых средствах церковных, располагали на обещанные сей предмет пожертвования прихожан. Но так как в то же время возникло дело в селе Павловском о постройке двухклассного училища, и на это также требовались немалые средства прихода, то прихожане, считая для себя слишком обременительным в одно и то же время жертвовать на два предмета, нашли более удобным прежде устроить училище, а потом уже принять участие в постройке колокольни. В настоящее время, освободившись от обязательного платежа подушного оклада на постройку школы, они своими приговорами постановили в течение трех лет пожертвовать на устройство колокольни денег в количестве 4000 руб. церкви, отложив строительство новой колокольни, чтобы поддержать устройство нового училища» [8].

Строительство здания школы поддерживали благотворительными вкладами и частные лица, что в дальнейшем учитывалось при приеме их детей на обучение, поскольку оно было платным, а количество мест ограниченным.

Павловское двухклассное министерское училище с пятилетним обучением в специально построенном здании и на собственной выделенной крестьянским обществом 1 десятины земли официально было открыто 5 декабря 1876 г., о чем было доложено министру народного просвещения. Обучение началось с января 1877 г. [9].

В середине 1970-х гг., в связи с приближением столетия Павловской средней школы, ее руководством за год открытия был принят год 1875-й. При этом опирались на информацию из анкеты Императорского вольного экономического общества, собиравшего сведения о школах в 1896 г., где был указан год постройки здания двухклассного училища – 1875. [5, Л. 33.].

В 1902 г. санитарная комиссия установила, что здание училища пришло в ветхое состояние и не удовлетворяет санитарным нормам. «Все пришло в страшную ветхость. Нагреть можно только хорошими сухими березовыми дровами. Печи топят с вечера, к 9 утра в классе бывает +16 градусов по Цельсию» [2].

Построить новое здание, удовлетворяющее возросшим требованиям, а также вмещающее всех желающих, без внешней помощи не представлялось возможным. Для этого требовались средства, превышающие возможности

местных обществ и отдельных благотворителей. В 1905 г. при помощи Ведомства Императрицы Марии, много занимавшегося благотворительностью в Российской Империи, было построено новое двухэтажное здание училища (каменный первый и деревянный второй этажи), просуществовавшее более 80 лет.

Следует заметить, что в Российской империи в конце XIX – начале XX вв. практика благотворительности была общепринята и широко распространена. В детях с раннего возраста воспитывали первичные навыки и потребность в благотворительной деятельности. Примером такого воспитания детей в с. Павловском может служить находка жителем Павловской Слободы Е. Г. Ореховым на чердаке частного дома программки благотворительного рождественского спектакля «Снегурочка», который состоялся 7 января 1912 г. в Павловском двухклассном училище. Дядя Евгения Германовича, А. Ф. Орехов, ранее проживавший в этом доме дореволюционной постройки, учился в Павловском двухклассном училище, затем был преподавателем Павловской средней школы. В самодельной программке, кроме даты и имен школьников участников «фантастической сценки в одном действии», сообщалось, что «весь чистый сбор поступит в пользу голодающих». Таким образом, детям со школьных лет прививали мысль, что благотворительность – это норма повседневной жизни [4].

Строительство здания двухклассного училища и его содержание осуществлялось, главным образом, на средства Министерства народного просвещения, сборы крестьянского и мещанского Павловских обществ, пожертвования выбранных попечителей (блюстителей) учебных заведений, а также пожертвования частных лиц. Чаще всего размеры вкладов отдельных лиц были небольшими. Однако имеется пример относительно крупного пожертвования школе в 1909 г. в форме духовного завещания анонимного благотворителя (проценты с вклада 500 руб. на учебники и пособия для Павловской сельской школы [7].

Но даже относительно небольшая по размеру помощь играла свою важную роль в расширении кругозора школьников. Так, в [5. Л. 95. Л. 98. Об.] описано, как в двухклассном училище проходят коллективные чтения с показом туманных картинок (диапозитивов): «Картины и чтения из священной истории и последней войны с Турцией. Чтения посещаются только учениками, в том числе церковно-приходской школы (ЦПШ), но не населением. На каждом чтении бывает от 130 до 140 человек. Волшебный фонарь и картины предоставлены 2-й Гренадерской бригадой».

«Поскольку прием даже для 120 человек детей в двухклассное училище был недостаточным, приходской священник Иоанн Никольский, видя

существенную нужду народа и желая удовлетворить ее, озаботился в 1888 году приисканием средств для открытия ЦПШ в с. Павловском, что при помощи Божьей и сочувствии добрых людей ему и удалось. Школа была открыта 20 сентября 1889 г. и продолжает существовать до сего дня, только расположена она в наемном помещении, а не в своем собственном, но и этот недостаток со временем устраним» [5. Л. 95. Л. 98. Об.].

Обучение в Павловской ЦПШ было бесплатным, поэтому появилось больше возможностей получать начальное образование даже детям из малоимущих семей. Содержание школы поддерживалось исключительно благотворительными взносами, которые шли на аренду помещения, оплату учителям, учебники и проч. Из сумм Епархиального учебного совета поступило 200 руб. В 1900 г. было построено одноэтажное деревянное здание ЦПШ [1].

Важную роль в поддержке церковно-приходских школ играли избираемые попечители, а также созданное в 1901 г. при Благовещенском храме церковно-приходское попечительство. В его задачи, в соответствии с Уставом, входила помощь бедным, а также обеспечение содержания ЦПШ. На это шли средства, собираемые в специальную кружку «на церковно-приходскую школу». Из прошения бывшего заведующего Павловской ЦПШ священника Иоанна Никольского на имя Высокопреосвященнейшего Владимира митрополита Московского о разрешении открыть Попечительство видно, что Павловское церковно-приходское попечительство главной заботой своей должно иметь удовлетворение всех нужд местной церковно-приходской школы, а затем уже, если бы оказался избыток средств, употреблять таковой на благотворительные дела другого рода. Однако, даже на нужды Павловской церковно-приходской школы порой было недостаточно средств Попечительства из-за скудности сбора в специальную кружку «на церковно-приходскую школу». И вновь помогали люди, поддерживающие развитие просвещения в с. Павловском своей благотворительностью.

Приложение

Благотворители, внесшие вклад в развитие просвещения с. Павловского Звенигородского уезда

1. **Петр Иванович Благовещенский** – служил вторым священником в Благовещенской церкви с. Павловского с 29 ноября 1840 г. по 1876 г. Организовал в с. Павловском начальное народное училище в 1860 г.

2. **Емельян Николаевич Гюродсков** – старшина Павловской волости, избран в 1874 г. попечителем Павловского начального училища вместо

уволившегося бывшего попечителя И. П. Маликова. Обязался внести 50 руб. серебром из личного капитала на содержание школы.

3. **Андрей Иванович Зимин** – крестьянин с. Павловского, характеризуется положительно волостным правлением, помогал в постройке и предлагается в качестве попечителя Павловского 2-х классного училища. Имел в 1870 г. годовой оборот от харчевни на 12000 руб. и недвижимой собственности на 5000 руб.

4. **Иван Петрович Маликов** – избирался в должности волостного Главы, старшины, попечителя начального училища и гласного в Земском уездном собрании. В 1870 г. имел недвижимую собственность на 3000 руб. В 1867 г. И. П. Маликов был утвержден в старосты церковные на восьмое трехлетие в Благовещенской церкви. За усердное прохождение должности старосты с 1845 года награжден в 1856 году серебряною медалью.

5. **Савва Алексеевич Нечаев** – в 1874 г. избран гласным Звенигородского земского собрания, затем – членом уездного учительского совета. Законоучитель Воскресенского приходского училища, затем Павловского начального училища (1858–1876 гг.). Член правления двухклассного Павловского училища (1882 г.). Награжден: набедренником 1863 г., скуфьей 1871 г., камилавкою 1875 г., наперсным крестом 1883 г., орденом св. Анны 3 степени 1886 г. Благодаря усилиям о. Саввы представители Павловской крестьянской общины приняли решение строить здание двухклассного училища в с. Павловском.

Список использованной литературы и источников:

1. Архив музея (Новый Иерусалим) Ф.4. – Оп.1. – Д. 60. – Л. 39. Об.
2. Архив музея (Новый Иерусалим) Ф.5. – Оп.1. – Д. 42.30. – Л. 129. Об.
3. Московские Епархиальные Ведомости. – 1876. – № 5. – с. 39.
4. Павловская Слобода. Взгляд в прошлое. Сборник рассказов / А. Н. Гольцев. – 2017. – С. 45–49.
5. РГИА. – Ф. 91. – Оп. 3. – Д. 573.
6. ЦГАМ. – Ф. 17. – Оп. 44. – Д. 144. – Л. 70. – Об. Л. 71.
7. ЦГАМ. – Ф. 203. – Оп. 757. – Д. 2887. – Л. 2.
8. ЦГАМ. – Ф. 203. – Оп. 759. – Д. 283. – Л. 5. – Л. 5. Об.
9. ЦГАМ. – Ф. 459. – Оп. 4. – Д. 525. – Л. 23.
10. ЦГАМ. – Ф. 515. – Оп. 1. – Д. 9. – Л. 16.
11. ЦГАМ. – Ф. 608. – Оп. 2. – Д. 2183. – Л. 71.

СПИСОК УЧАСТНИКОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Модераторы:

Вартанова Татьяна Владимировна, директор МУК «Истринская ЦБС» (Муниципальное учреждение культуры «Истринская централизованная библиотечная система» городского округа Истра Московской области)

Дудолодова Ольга Ивановна, заведующая отделом краеведения и мемориальной деятельности Центральной библиотеки имени А. П. Чехова (МУК «Истринская ЦБС»)

Маслова Вероника Борисовна, первый заместитель председателя Истринского отделения МКО, старший научный сотрудник отдела музейной педагогики историко-художественного музея «Новый Иерусалим», член Союза писателей России

Николаева Елена Вячеславовна, заведующая отделом мемориальной работы Библиотеки-читальни им. И. С. Тургенева

Участники:

Орлов Эрнест Дмитриевич, заведующий отделом Государственного музея истории российской литературы им. В. И. Даля «Дом-музей А. П. Чехова», член Чеховской комиссии РАН, кандидат филологических наук

Невмержицкая Татьяна Геннадьевна, заведующая отделом «Чехов и Крым» ГБУК РК «Крымский литературно-художественный мемориальный музей-заповедник» (онлайн)

Малых Ирина Владимировна, старший научный сотрудник ГБУК РО «Таганрогский государственный литературный и историко-архитектурный музей-заповедник», отдел «Литературный музей А. П. Чехова» (онлайн)

Рябинина Юлия Геннадьевна, научный сотрудник ГБУК РО «Таганрогский государственный литературный и историко-архитектурный музей-заповедник», отдел «Литературный музей А. П. Чехова» (онлайн)

Николаева Елена Вячеславовна, заведующая отделом мемориальной работы Библиотеки-читальни им. И. С. Тургенева

Шапочка Елизавета Алексеевна, ведущий библиотекарь отдела до-революционных и ценных изданий Центральной городской публичной библиотеки имени А. П. Чехова г. Таганрога, член Союза журналистов России (заочное участие)

Маслова Вероника Борисовна, первый заместитель председателя Истринского отделения МКО, старший научный сотрудник отдела музейной педагогики историко-художественного музея «Новый Иерусалим», член Союза писателей России

Носиков Сергей Павлович, краевед, Почётный гражданин городского округа Истра, кандидат технических наук

Мамаев Сергей Юрьевич, заместитель директора, руководитель музея НОУ «Православная школа «Рождество»

Лошаков Антон Юрьевич, старший научный сотрудник Историко-художественного музея «Новый Иерусалим», кандидат исторических наук

Фернандес Анна Павловна, ведущий специалист Российского государственного архива фонодокументов (РГАФД)

Зыбин Василий Вячеславович, общественный деятель, член совета некоммерческого благотворительного фонда «Наследие»

Федосеева Мария Сергеевна, старший научный сотрудник ГБУК г. Москвы «Музейное объединение «Музей Москвы» (отдел «Музей Зеленограда»), ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, кандидат филологических наук (онлайн)

Суржик Ольга Сергеевна, заведующая отделом использования документов и НСА Государственного бюджетного учреждения Московской области «Московский областной архивный центр» (ГБУ Московской области МОАЦ), кандидат исторических наук

Золотарева Екатерина Николаевна, ведущий библиотекарь Павло-Слободской библиотеки МУК «Истринская ЦБС»

Казанцева Елена Сергеевна, директор АНО «Преображение», кандидат биологических наук, член Истринского краеведческого объединения, член Московского союза художников, член Международного совета музеев (ICOM)

Казанцева Мария Сергеевна, арт-терапевт, скульптор, член Московского союза художников, соучредитель АНО «Преображение»

Аляева Галина Андреевна, публицист, прозаик, член Союза журналистов России, член Союза писателей России

Рожкова Людмила Юрьевна, заведующая сектором искусства отдела краеведения и мемориальной деятельности Истринской центральной библиотеки имени А. П. Чехова

Гольцев Александр Николаевич, краевед с. Павловская Слобода, г.о. Истра

Истринская центральная библиотека имени А. П. Чехова
(МУК «Истринская ЦБС»)
143500, Московская область, г. Истра,
ул. 9 Гвардейской Дивизии, д. 49
Телефон 8 (498) 315-19-81.
E-mal: IstraBiblioteka@yandex.ru

**ШЕСТЫЕ ВОСКРЕСЕНСКИЕ ЧТЕНИЯ
«БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ
В ИСТРИНСКОМ КРАЕ
В XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ.
ИСТОРИЯ. ДЕЯТЕЛИ. УЧРЕЖДЕНИЯ
И ОРГАНИЗАЦИИ»**

**Материалы
научно-практической конференции
9 декабря 2022 года**

Корректор
Н.А. Гераскина
Верстка
Е.В. Пескова

Подписано в печать 02.11.2020. Формат 60х90/16. Печ. л. 13
Печать офсетная. Тираж 100 экз. Заказ 1117.
Отпечатано в АО «Коломенская типография».
140400, г. Коломна, ул. III Интернационала, д. 2а.
ИНН 5022072551. Тел.: 8(496) 618-69-33, 8(496) 618-60-16.